

Фонд «Либеральная миссия»

Михаил Краснов

**ПЕРСОНАЛИСТСКИЙ
РЕЖИМ В РОССИИ**

Опыт институционального анализа

Москва 2006

УДК 342.3:323/324(470+571)
ББК 67.400(2Рос)
К78

Краснов, М. А.

Персоналистский режим в России: опыт институционального анализа/ М. А. Краснов. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006. – 180 с. (Исследования Фонда «Либеральная миссия»).

В книге исследуется конструкция российской публичной власти, которая привела к формированию персоналистского политического режима, что искажает принцип разделения властей и препятствует нормальной политической конкуренции. Автор, завкафедрой конституционного и административного права факультета права Государственного университета – Высшей школы экономики, доктор юридических наук, доказывает, что такой режим имеет причиной не столько российские традиции, сколько органические институциональные пороки властного механизма, обусловленные Конституцией РФ. Книга включает в себя стенограмму обсуждения экспертами основных идей и выводов автора, его комментарии к этому обсуждению и предложения по оптимизации системы власти. Погружаясь в исследование природы персоналистского режима, автор привлекает не только юридические, но и социологические, исторические и социально-психологические источники.

Книга в первую очередь адресована юристам-государствоведам, политологам, историкам, социологам, политическим журналистам. Представляет также интерес для политических и общественных деятелей.

ISBN 5-903135-06-4

© Фонд «Либеральная миссия», 2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА.....	4
ЧАСТЬ 1. ФАТАЛЕН ЛИ ПЕРСОНАЛИСТСКИЙ РЕЖИМ В РОССИИ? (КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ВЗГЛЯД)	8
Опасности персонализма	8
Россия в «матрице»?	11
Президент как гарант	17
Президент как политический актор.....	30
Подводя итоги	45
ЧАСТЬ 2. ОБСУЖДЕНИЕ СТАТЬИ «ФАТАЛЕН ЛИ ПЕРСОНАЛИСТСКИЙ РЕЖИМ В РОССИИ?».....	50
ЧАСТЬ 3. ПОСЛЕ ДИСКУССИИ	92
Институциональные параметры власти и состояние общества	99
Кто покусится на систему?.....	106
Существует ли в России предопределённость политического персонализма?	122
О Небесной причинности в политической сфере	144
ЧАСТЬ 4. В ПОИСКАХ ОПТИМУМА.....	162
Не «гора», а один из «пригорков»	162
Менять ли форму правления?	164
Нераскрытый потенциал главы государства.....	169

ОТ АВТОРА

Могу сказать точно, с какого времени мне не даёт покоя тема, вынесенная в заголовок этой книги. С марта 1998 года. Именно тогда без всякого видимого повода президент Б. Н. Ельцин отправил в отставку председателя правительства В. С. Черномырдина...

Почему этот интерес не возник раньше? Да потому что на кого как, а на автора действовала сила инерции того образа политической борьбы, который сформировался в конце 1980-х — начале 1990-х годов. Долгое время мне и, думаю, многим казалось, что главное — это создание максимально комфортных условий для скорейшего проведения реформ. И раз лидером реформ выступает президент, значит, важно оберегать его от нападков тех, кто лелеет мечту о реставрации. Дамоклов меч коммунистического реванша заставлял многих из нас, «демократов», что называется, «поступаться принципами».

Однако время шло, а зримых примет обновления страны становилось меньше и меньше. Политическая жизнь всё явственнее превращалась в жизнь аппаратную. И всё острее ощущалось: что-то не так. Но *что* именно — лично мне до конца не было понятно. И тут — эта внезапная отставка...

Не могу сказать, что к *этому* правительству я относился с большой симпатией. Оно представлялось скорее тормозом преобразований. Впрочем, говорить «это правительство» неверно, ибо «текучесть кадров» была столь огромной, что телефонные справочники устаревали, не успев замусолиться. Причём в составе правительства 1992–1998 годов находилось место не просто людям из разных политических лагерей, но даже приверженцам разных ценностных систем. Так что покоробил вовсе не факт отставки, а её образ — совершенно не соответствовавший образу правительственной отставки в системе сдержек и противовесов.

Во-первых, всё напоминало ситуацию, будто граф увольняет своего дворецкого и при этом объявляет: «Вообще-то, я им был доволен». Что в таком случае остается думать соседям графа? «Наверное, слуга на хозяйскую дочку (жену) стал заглядываться. Дело семейное, а потому граф шума не хочет». Другими словами, отставка не была вызвана реальной политической причиной, например изменившимся соотношением сил в парламенте, а имела сугубо «дворцовые» основания.

Во-вторых, было непонятно, почему выбор президента пал именно на данного, доселе не известного широкой публике чиновника (в том, первом, случае — на С. В. Кириенко). Он что, был автором какой-то новой

концепции развития или показал выдающиеся успехи на публичном поприще? Последовавшая вскоре череда отставок кабинетов окончательно подтвердила первые подозрения, что меняются премьеры вовсе не из-за того, что буксует процесс преобразований. Не случайно, с учётом периода «и. о.», с марта 1998 года продержались:

Кириенко – 6 месяцев,

вновь Черномырдин – около месяца,

Примаков – 9 месяцев,

Степашин – около 4 месяцев

Путин – 8 месяцев (ну, тут история, как вы помните, особая),

Касьянов – ого, почти 4 года, но зато уволен опять без всяких видимых причин и почему-то накануне естественной отставки правительства в связи с началом новой президентской legislatury.

Чем не правительственная чехарда, характерная для России первых двух десятилетий XX века, сыгравшая, кстати, большую роль в приходе к власти большевиков? Дело, понятно, не в частоте смены кабинетов. История многих демократических государств знает такое явление, как неустойчивость правительства. В конце концов, можно было бы закрыть глаза и на публичную неизвестность некоторых новых премьеров. Поражает полное пренебрежение к обществу: «когда захочу – сменю, кого захочу – назначу». Впрочем, даже это можно было бы списать на издержки «демократического роста», если бы президент, меняя кабинеты, нёс какую-то реальную политическую ответственность за деятельность правительства и если бы такие смены означали положительную эволюцию последнего, как в кадровом, так и в функциональном смысле.

Вот эта «самодержавная» практика и стала причиной поиска её причин. Явление, называемое в книге «персоналистским режимом», не только само питается патриархальными представлениями о власти, но и заставляет общество признать их единственно правильными; консервирует авторитаристскую методологию осуществления власти; блокирует политическую конкуренцию, а с нею идеологический и политический плюрализм; наконец, делает неизбежными потрясения самих основ российской государственности. Как ни горько это признавать, *мы имеем органический, а не функциональный порок государственности.*

Но откуда эта напасть? Неужели какой-то «вирус» заразил «программу»? Нет. Мой поиск привёл к выводу, что ошибочно составлена сама «программа» – Конституция. Доказательствам такого вывода, рассмотрению некоторых иных версий о причинах аномалии, а также предложениям по корректировке «программы» и посвящена настоящая книга.

Она не вполне обычная по своему жанру, ибо представляет собой нечто среднее между монографией, научным сборником и практическим пособием. Почему получилось именно так?

Сначала была написана статья под названием «Фатален ли персоналистский режим в России?». Само название свидетельствует о том, что она планировалась как законченная работа. Но объём статьи оказался слишком большим для журнального варианта и слишком маленьким для книги. И тогда, по совету Е. Г. Ясина, текст был передан для публикации в электронном виде на сайте Фонда «Либеральная миссия» (в книге это часть 1). Вскоре после этого И. М. Клямкин организовал и провёл экспертное обсуждение статьи, которое, по сути, стало обсуждением самой проблемы политического персонализма (часть 2). И наконец, автору была предоставлена возможность по итогам дискуссии уточнить и развить некоторые свои позиции (часть 3), а затем предложить своё видение того, какая институциональная модель могла бы изменить опасный вектор государственно-правового развития (часть 4). Вот из этих четырех частей и составила настоящая книга.

Поскольку автор – юрист, специализирующийся на проблемах государственоведения, понятно, что именно под этим углом зрения и рассматривается проблема персонализма в России. Однако это не тот случай, когда, по известной притче, слепые, ощупывая какую-то часть слона, делают каждый свой вывод о том, что представляет собой животное в целом¹. Другими словами, метод конституционно-правового анализа избран в качестве основного не потому, что автор мог посмотреть на проблему только в соответствии со своим профессиональным интересом, а потому, что, согласно его гипотезе, *именно институциональные особенности нашей современной политической системы обуславливают формирование и консервацию персоналистского режима*. В то же время автор не может отнести себя к разряду конституционных детерминистов. Его задача состояла в том, чтобы показать, благодаря чему и как именно институциональные параметры власти обуславливают естественность скатывания к персонализму.

И всё же метод конституционно-правового анализа не стал единственным. Читатель найдет в книжке апелляции не только к юридическим – нормативно-правовым, судебным² и теоретическим – источникам, но и к

¹ Трогавший ухо слона сказал: «Слон – это нечто большое, широкое и шершавое, как ковёр». Тот, кто ощупал хобот, сказал: «У меня есть о нем подлинные сведения. Он похож на прямую пустотелую трубу, страшную и разрушительную». «Слон могуч и крепок, как колонна», – возразил третий, ощупавший ногу и ступню.

² Правовые акты и судебные решения в настоящей работе проанализированы с помощью справочно-поисковой системы «Консультант+».

социологическим, социально-психологическим, философским, политологическим (во всех цитатах выделения **полужирным шрифтом** сделаны мною). Рискую навлечь на себя упрёк в высокоглядстве, автор пошёл на это только потому, что рассматриваемая проблема не может быть отнесена к сугубо правовым. Впрочем, никакая более-менее крупная социальная проблема не «принадлежит» одной области знания. Один умный человек сказал: «Хорошо, что природа не знает, как мы её классифицировали».

Вообще, замечательно, когда к обсуждению такого рода проблем приглашаются представители разных отраслей знания — юристы, политологи, историки, социологи, и при этом ставится цель не «вывести автора на чистую воду», а приблизиться не говорю — к истине, но к лучшему пониманию проблемы.

ЧАСТЬ 1 ФАТАЛЕН ЛИ ПЕРСОНАЛИСТСКИЙ РЕЖИМ В РОССИИ? (КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ВЗГЛЯД)

ОПАСНОСТИ ПЕРСОНАЛИЗМА

Под *персоналистским режимом* автор понимает несбалансированное сосредоточение властных прерогатив, как явных, так и скрытых, в руках института-личности (в российском варианте – Президента РФ) при формальном сохранении принципов и институтов, свойственных конституционному строю. Если политическая система, т. е. система институтов и правил для выработки и проведения политики внутри страны и на международной арене, основана на чем-то монопольном положении, то о политике, в современном её смысле, говорить не приходится. То, что именуется в таких условиях политикой, является скорее лишь формализованной позицией одного институционального субъекта, или политического монособъекта.

Никакие видовые черты, особенности демократии не могут отменить её родовых черт, а родовым признаком демократии как раз и является система выявления, представительства и учета разных позиций, которые, переплавляясь посредством специальных институтов и правил, «на выходе» являют собой политику как компромисс¹.

Персоналистский режим не может быть признан особенностью демократии, поскольку он приводит к некрозу её сущностных черт, в том числе: равных возможностей для политического представительства; самостоятельного функционирования органов государственной власти, относящихся к разным её ветвям; политической конкуренции; выработки крупных государственных решений на основе согласования интересов.

Наиболее ярким индикатором персонализма при формальном наличии демократических институтов является не объём президентских полномочий, а практически полное отсутствие зависимости реальной поли-

¹ Об этом хорошо говорится в книге: *Варламова Н.В., Пахоленко Н.Б.* Между единогласием и волей большинства (политико-правовые аспекты консенсуса). М., 1997.

тики от результатов парламентских выборов. При этом не играет особой роли, настроено ли парламентское большинство критично по отношению к данному президенту или абсолютно ему лояльно. В таком случае обесмысливается и сам принцип разделения властей. Даже если счесть нынешнее состояние обеих палат Федерального Собрания, ставших своего рода «подразделениями» президентской администрации, временной флуктуацией, хотя само возникновение такой флуктуации говорит о многом, то и при «оппозиционном» парламенте теряется смысл разделения властей, поскольку законодательная власть не имеет возможности реально противостоять президентско-правительственной политике. Так что при господстве персоналистского режима парламент в обоих случаях имеет черты, при которых презрительная характеристика («говорильня»), данная ему В. И. Лениным¹, становится справедливой.

На это мне могут возразить следующее: поскольку Россия до сих пор переживает период реформ, постольку доминирующее положение Президента РФ и периферийное положение парламента оправданно. Это чрезвычайно опасное заблуждение. Разумеется, ненормально, когда существует легальная оппозиция даже не политическому курсу, а самим основополагающим принципам политического и экономического строя. Например, КПРФ в своих программных установках предполагает восстановление советской власти, хотя пока не педалирует такое требование и тактически действует как парламентская партия. Причины подобной ненормальности различны и лежат в той исторической конфигурации, из которой родилась постсоветская Россия. Но, «обезопасив» себя от антидемократического реванша путем институционального гипертрофирования президентского поста, общество, от которого раньше ещё кое-что зависело, «прозевало» другую опасность: создало условия для всевластия бюрократии.

Сосредоточение политической власти в руках института-личности, а значит девальвация парламентаризма, при том что этот институт ещё и огражден практически от всяких сдержек и противовесов, неизбежно порождает единственную опору для проведения политики – бюрократию. Впрочем, было бы еще полбеда, если бы бюрократия проводила политику президента. Властный механизм так устроен, что бюрократия определяет ещё и стратегические цели и методы их достижения, не давая при этом возможности обществу контролировать власть. В результате как минимум:

- народ отстраняется от своих суверенных прав, закрепленных за ним в ст. 3 Конституции РФ;

¹ См., например: *Ленин В.И.* Марксизм о государстве // Полн. собр. соч. Т. 33. С. 46, 271.

- президент объявляет «повестку дня»¹, но формирует такую «повестку» именно бюрократия, неважно, какая из её групп — «либеральная» или «антилиберальная». Тем самым страна лишает себя всякой долговременной, последовательной и преемственной политики;
- демократические институты, используемые бюрократией для своих нужд, дискредитируются, что особенно опасно в стране, где демократические традиции далеко ещё не укоренены;
- политическая конкуренция заменяется «подковёрной» конкуренцией «групп влияния», кланов; институты государственного принуждения разлагаются, поскольку, с одной стороны, используются бюрократией для удаления с политического или экономического поля «несанкционированных» фигур, с другой — лишены гражданского контроля. Тем самым эти институты поставлены в такие условия, когда они вынуждены служить не закону и обществу, а бюрократии, взамен получая от неё «свободу действий», которая используется для произвола и коррупции;
- ротация политических лидеров становится проблемой для страны: даже если действующий лидер не устанавливает для себя новую легислатуру с помощью лукавых юридических приемов, его уход в отставку становится как минимум стрессом для общества, как максимум — поводом для нелегитимной борьбы за власть.

Однако самая большая опасность персонализма в нынешних условиях состоит в том, что в отличие от монарха, обладающего сакральной легитимностью, у избираемого народом президента нет такого «резерва прочности». Президент может сколько угодно заявлять, что он «президент всех россиян», но, хотя и не в равных долях, народ всегда будет делиться на сторонников данного конкретного президента и его противников, при этом неважно, что значительная часть общества остается нейтральной. Если же избираемый глава государства действует в режиме абсолютизма,

¹ Маленький пример из личного опыта: несколько депутатов еще в 2003 году внесли мой проект закона о парламентских расследованиях (см.: *Краснов М.* Пояснительная записка. Проект федерального закона «О парламентских расследованиях» // Закон. 2002, № 6. С. 108–115), который хотя и был принят в первом чтении, остался невостребованным, поскольку в то время позиция Кремля была негативной в отношении этого института. Но стоило президенту в послании Федеральному Собранию 2005 года упомянуть о желательности введения парламентских расследований, как «машина закрутилась». При этом грубо был нарушен Регламент Госдумы, в ст. 110 которого говорится: «В случае, если в Государственную Думу после принятия законопроекта в первом чтении поступит законопроект по тому же вопросу, такой законопроект Государственной Думой не рассматривается и возвращается субъекту права законодательной инициативы по мотивам принятия аналогичного законопроекта в первом чтении».

повторю, не имея той же степени монархической легитимности, он неизбежно становится осью антагонистического разделения общества, причиной радикализации оппонентов, не находящих для себя легальных путей учёта их позиций. Поэтому рано или поздно такой режим приводит либо к безвластию, влекущему за собой открыто авторитарное правление, либо к такому же правлению, минуя этап безвластия.

Можно и дальше перечислять негативные следствия политического персонализма, но гораздо важнее попытаться найти ответ на один принципиальный вопрос, без решения которого невозможно определить путь дальнейшего движения. Сформулировать его можно так: *насколько объективен для нас персоналистский режим? Или, говоря конкретнее, что именно предопределило его существование – исторические традиции и особенности общественного сознания либо некие институциональные пороки государственной организации, обусловленные конкретной политической ситуацией в России в начале 90-х годов XX столетия?*

РОССИЯ В «МАТРИЦЕ»?

Этот вопрос является частью более фундаментального вопроса – о «социогенетической» предрасположенности или степени такой предрасположенности тех или иных обществ к тому или иному типу развития. Обсуждается этот вопрос в России весьма охотно, поскольку, с одной стороны, в нашем обществе остается актуальным разделение, условно говоря, на «традиционалистов» и «модернистов», а с другой – среди «модернистов» все чаще проявляет себя скепсис относительно возможности создания в России демократии без всяких лукавых прилагательных типа «управляемая», «суверенная» и пр. И если «традиционалисты» вообще употребляют слова «либерализм», «демократия» и т. п. не иначе как с негативными коннотациями, то «модернисты»-скептики, наблюдая безуспешность попыток российского «модернизационного проекта», видимо, решили пойти на «интеллектуальный компромисс». Отсюда – выдвижение гипотезы о неких «метаусловиях», влияющих на демократическое строительство в России.

Сошлюсь, в частности, на гипотезу С. Г. Кирдиной *о двух типах институциональных матриц («X- и Y-матрицы»)*. Согласно её позиции, «институциональная X- или Y-матрица содержит в себе **генетическую информацию, обеспечивающую воспроизводство обществ соответствующего типа**. Самовоспроизведение, хранение и реализация информации в процессе роста новых институциональных форм, то есть создание “плоти социальной жизни”, происходит на основе взаимодействия матрицы базовых институтов и матрицы комплементарных институтов, имеющей в данном

случае характер реплики (отзыва, реакции, необходимого элемента диалога). При этом матрица базовых институтов образует генетическую основу. Каждый из базовых институтов взаимодействует с определенным комплементарным (дополнительным) институтом (выполняющим ту же функцию в альтернативной институциональной системе) и “накладывает” на него свою информацию, характер, отпечаток»¹.

Основываясь на этой теоретической посылке, С. Кирдина утверждает, что если в Y-матрице сочетаются экономические институты рынка, политические институты федерации и ценности, в которых закрепляется приоритет Я над Мы, а такая матрица доминирует в большинстве стран Европы и в США, то «X-матрица образована экономическими институтами редиистрибуции², политическими институтами унитарного устройства (построения общества “сверху” на основе иерархической централизации) и идеологическими институтами коммунитарности, в которых закрепляется приоритет Мы над Я. Россия, страны Азии и Латинской Америки отличаются доминированием X-матрицы».

С. Кирдина, впрочем, не настаивает на жёстком детерминизме «матрицы», наоборот, видит «особенность проявления механизма самоорганизации социально-экономических систем, то есть систем с участием сознательного человека» в том, что «для подстройки институциональной структуры посредством использования комплементарных репликативных форм необходима целенаправленная и взвешенная деятельность социальных субъектов. Иначе стихийное действие доминирующих структур хотя и будет обеспечивать развитие, но только через кризисы. Они хорошо описаны в экономической теории как кризисы перепроизводства (в рыночных экономиках) и кризисы недопроизводства (в редиистрибутивных экономиках). В первом случае к ним приводит стихийное действие рыночных сил, не компенсируемое редиистрибутивными механизмами централизованного (государственного) регулирования. Во втором случае — экономические кризисы являются следствием недостаточного внедрения в практику редиистрибутивной экономики обменных рыночных институтов». Поэтому выход исследователь видит в том, чтобы «формировать оптимальный институциональный баланс и каждый раз находить требуемые пропорции базовых и комплементарных институтов»³.

¹ Эта и последующие цитаты взяты из работы: *Кирдина С.Г.* Институциональная структура современной России: эволюционная модернизация // Вопросы экономики. 2004. № 10. С. 89–98. (Поскольку данная статья автором анализировалась в ее электронной версии, в ссылках на цитаты не указаны страницы журнального варианта).

² Редиистрибуцию — перераспределение — в данном контексте можно обозначить как экономический патернализм.

³ В качестве примеров такого баланса С.Г. Кирдина приводит административную реформу и реформу РАО «ЕЭС», которые, по ее мнению, с одной стороны, предусматривают модернизацию соответственно общей системы управления и системы управления энергети-

Я не собираюсь вступать в дискуссию по поводу самой теоретической конструкции, хотя именно здесь и возникает ряд вопросов, например: какие институты или социальные группы являются собственно «генами», т. е. носителями «кода»? где следует искать причины возникновения той или иной «матрицы» – в истории, антропологии, религии и т. д.? из чего следует именно такая география «X-матрицы», к которой отнесены страны с доминированием совершенно разных культур, и входит ли в эту «компанию» Япония? Тем не менее предположим, что данная гипотеза верна. Но согласиться с отнесением России к такому типу институциональной матрицы трудно.

И тут дело не в эмоциональном неприятии¹. Дело в том, что усомниться в верности вывода С. Кирдиной для России заставляет одна её исходная посылка. «Изучая развитие государств, мы обнаруживаем, – пишет она, – что доминирование X или Y-матрицы носит “вечный” характер и определяет социетальный тип общества. Именно доминирующая матрица отражает основной способ социальной интеграции, **стихийно найденный социумом** в условиях проживания на данных пространствах, в определенной окружающей среде».

Вот в этом «способе, стихийно найденном социумом», кажется, и кроется главное заблуждение. Тут важно даже не то, что неизвестно, *когда* этот «способ был найден». Важно, что стихийность социального поиска предполагает все-таки субъектность социума. *Была ли эта субъектность в России?* Более или менее точный ответ могла бы дать историческая социология, но у нас её нет, а есть лишь робкие попытки социологических изысканий у историков и исторических – у социологов. Разумеется, нельзя утверждать, что в России начиная с момента образования нашей государственности, т. е. с IX века, властители полностью игнорировали мнение подданных. Как заметил Х. Ортега-и-Гассет, «правление – это нормальное осуществление своих полномочий. И опирается оно на общественное мнение – всегда и везде, у англичан и у ботокудов, сегодня,

ческим комплексом, а с другой – вынуждены встраивать модернизационные элементы в «X-матрицу», предусматривающую *иерархичность*.

Другими словами, «институты Y-матрицы встраиваются в нашу систему как необходимые и способствующие ее динамичному развитию, но их действие все более опосредуется, определяется, ограничивается действием институтов базовой X-матрицы российского государства».

¹ Как раз на эмоциональном уровне я готов согласиться с С.Г. Кирдиной, хотя соглашаться надо скорее с В.С. Черномырдиным, гениально сформулировавшим «теорию матриц» своим знаменитым «как всегда». Все мы являемся свидетелями того, как, казалось бы, проверенные мировой практикой принципы и институты («Y-матрицы») на российской почве если и не превращаются в свою противоположность, то уж точно не дают ожидавшегося от них эффекта.

как и десять тысяч лет назад. Ни одна власть на Земле не держалась на чём-то существенно ином, чем общественное мнение. [...] Даже тот, кто намерен управлять с помощью янычар, вынужден считаться с их мнением и с мнением о них остального населения»¹.

Больше того, древняя русская история, если её очистить от навязанной как советским, так и досоветским официозом мифологии «царей и героев», показывает, что на Руси были и развивались и горизонтальные связи, и живое предпринимательство, и терпимость, и демократические институты представительства, конечно, соответствовавшие своему времени. Развивались – в целом до тех пор, пока не началась эпоха активной централизации (Иоанн III), вскоре совмещенная с эпохой расширения пространственных пределов страны (Иоанн IV, известный как Иван Грозный).

Но ведь и многие европейские страны переживали похожие процессы. Почему же там идеи ограничения власти в конечном счете пробили себе дорогу, а у нас такого рода интеллектуально-политические попытки повторялись с XVI века почти при каждом самодержце: правительство А. Ф. Адашева при Иване Грозном; российско-польский договор 1610 года; долгоруковская «оппозиция» Петру I; Кондиции Верховного тайного совета для Анны Иоанновны; Н. И. Панин, Н. И. Новиков, А. Н. Радищев при Екатерине II да и сама молодая Екатерина с ее «Наказом»; тот же Н. И. Панин и масонство при Павле I; М. М. Сперанский, тайные кружки аристократов при Александре I; конституционные проекты декабристов; аристократы-реформаторы и сами реформы Александра II; Манифест 17 октября, Государственная дума, С. Ю. Витте и П. А. Столыпин при Николае II. Попытки повторялись, но не имели своего воплощения, а нередко даже становились поводом для переориентации политики на прямо противоположную. А сам факт массовой поддержки большевизма в начале XX века – он был ещё одним проявлением «X-матрицы» или её следствием? Если кто-то скажет, что здесь налицо просто набор роковых исторических *случайностей*, то я первый усомнюсь в этом, так как такое их количество и последовательность свидетельствуют как раз о некоей закономерности.

Получается, автор сам себе противоречит: ведь если соглашаться с тем, что в России имеет место сопротивление институтам «Y-матрицы», то тогда, действительно, следует признать, что развитие страны обусловлено содержанием «X-матрицы». Однако противоречия тут нет! Пусть на исторических развилках Россия избирала путь, отдаляющий её от общеевропейского пути, – это ещё не означает цивилизационной предопреде-

¹ *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М., 2002. С. 119.

ленности её развития. *Стихийность предполагает хотя бы относительную свободу — личную и общественную. Но степень такой свободы как раз и была у нас минимальной, начав неуклонно уменьшаться по мере становления и укрепления единовластия.*

Г. А. Сатаров дал, на мой взгляд, точное онтологическое определение демократии, назвав ее институализацией случайности¹. Однако в истории России случайность практически никогда не была институализирована. *Институализированной у нас всегда была воля правителя.* В данном случае неважно, как формировалась сама эта воля — под влиянием ли ближайшего окружения, психофизиологических особенностей правителя, ещё каких-то субъективных факторов или всего этого вместе взятого. Важно, что отнюдь не социум находил некую парадигму. Она ему навязывалась, и он вынужден был мириться с нею, тем самым постепенно её легитимируя.

Сегодня мы оказались в исторической ловушке: общество, завоевавшее и заслужившее свободу и демократические институты, могло покончить с политическим персонализмом, означающим в пределе не что иное, как всевластие. Однако персонализм не предстал перед обществом как зло. Наоборот, он пробил себе дорогу, облекшись в «демократическое платье», и потому сумел вновь себя легитимировать. И «виновата» в этом, повторю, отнюдь не «матрица» — «виновато» отсутствие в обществе причинной связи между качеством жизни и устройством властного организма. А связь эта отсутствует потому, что и досоветская, и советская, и постсоветская элита прикладывала и продолжает прикладывать все возможные усилия к тому, чтобы убедить народ — альтернативой единовластию, т. е. бесконтрольному единоличному правлению, является лишь смута.

И это элите до сих пор удаётся. Обратите внимание: каждый претендент на президентский пост, в том числе и из либерального лагеря, обращается к обществу не с обязательством пересмотреть традиционный принцип властвования, который за много веков и несмотря на разные формы правления, разное общественно-политическое устройство ничуть не изменился, а с обещанием проводить другую, нежели предшественник, политику или, наоборот, быть верным продолжателем его политики.

Итак, мой вывод: *не патриархальные взгляды общества востребуют персоналистский режим, а персонализм консервирует патриархальные отношения в обществе и патриархальный взгляд общества на устройство власти.*

¹ Сатаров Г.А. Как возможны социальные изменения. Обсуждение одной гипотезы. (Эта статья не опубликована, и ссылка на неё дается по рукописи с согласия её автора).

Как же выскочить из этой ловушки? Полагаю, что с помощью часто используемого метода — аннигиляции. То есть *персонализм может быть преодолен с помощью персонализма*. Другими словами, в наших нынешних условиях, только обладая президентским постом и при этом высокой популярностью, лидер может инициировать изменение самих институциональных условий, продуцирующих персоналистский режим, т. е. перейти к модели организации публичной власти, которая бы, конечно, учитывала силу исторической инерции, но не в смысле потакания феодальным стереотипам, а в смысле нейтрализации их.

В таком случае логично поставить вопрос: *что сегодня институционально мешает созданию механизма политического маятника с относительно небольшой амплитудой?* Ведь модель власти, и шире — модель политической системы, закреплённая Конституцией Российской Федерации, не является какой-то уникальной. Российская модель принадлежит к типу смешанной, или полупрезидентской, или парламентско-президентской республики. Таких государств, например, в Европе не так уж и мало — более 10, в том числе Франция, Португалия, Хорватия, Польша, Словения, Украина.

И хотя в каждой из этих стран есть своя модификация — некоторый крен либо к президентской модели, либо к парламентской, тем не менее, при всех особенностях, сохраняются главные институциональные признаки:

- наличие президента, избранного народом, т. е. имеющего собственный политический мандат;
- самостоятельная исполнительная власть, возглавляемая правительством, несущим ответственность как перед президентом, так и перед парламентом, включая рассмотрение последним вопроса о доверии;
- участие президента в формировании правительства;
- некоторая конкуренция полномочий между президентом и правительством;
- как правило, возможность роспуска парламента президентом для выхода из тупиков.

Все это в целом свойственно России. Свойственно, кстати, закономерно, ибо, как отмечается в научной литературе, «двуглавая» модель — президент и правительство — обычно рождается в ходе революционных событий или кризисов, когда на политической арене появляется харизматичная фигура лидера¹. Но европейская практика показывает, что такая модель работает и в более спокойные периоды. Она, конечно, более

¹ См., например: Конституционное (государственное) право зарубежных стран: в 4 т. 3-е изд. Т. 1–2. Часть общая / отв. ред. проф. Б.А. Страшун. М., 1999. С. 351.

сложная, чем иные модели, поскольку предполагает участие большего числа политических «игроков». Но в этом и её преимущества, одно из которых – более широкие возможности для преодоления кризисных ситуаций. Другое дело, что, в силу сложности, модель эта требует, во-первых, четкого понимания и нормативного отражения того, чем является институт президента, и, во-вторых, ювелирно отточенного баланса полномочий. В том, как эти два обстоятельства отражены в нашей Конституции, и кроются главные проблемы.

ПРЕЗИДЕНТ КАК ГАРАНТ

Президент России, как того требует логика смешанной модели, является институтом, предназначенным, во-первых, для традиционного олицетворения завершенности государственной конструкции; во-вторых, для принятия оперативных мер по защите конституционного строя, государственного суверенитета, целостности страны; в-третьих, что особенно важно, для независимого политического арбитража. Именно в последнем состоит большое преимущество модели смешанного типа. В конце концов, никто не гарантирован от парламентско-правительственных кризисов¹. В государствах с развитыми традициями компромиссов, со стабильной политической системой, с устоявшимися и доминирующими в обществе демократическими ценностями такие кризисы и тупики не представляют собой особой опасности, во всяком случае пока. А вот в государствах, где таких традиций и такой системы еще нет, подобные кризисы могут привести к весьма опасным последствиям. Поэтому охранительная и миротворческая, стабилизационная роль президента тут неопределима.

Вопрос в другом: как такая роль трактуется и не есть ли это скрытое придание главе государства доминирующего положения над всеми ветвями власти? Такое опасение некоторым образом подтверждает и сама Конституция РФ, которая в ст. 10 провозглашает: «Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную». А поскольку Президент РФ не является составной частью ни одной из этих ветвей власти²,

¹ Такой кризис образовался, например, осенью 2005 года в Германии. То, что ФРГ – государство с парламентской формой правления, сути дела не меняет.

² В российской науке, кстати, до сих пор идут споры о том, представляет ли институт президентства самостоятельную, но не формализованную ветвь власти. Автор придерживается позиции, что институт президента может быть охарактеризован как ветвь власти.

постольку он официально не входит в систему разделения властей и как бы стоит над всеми ветвями власти. В то же время, несмотря на то что Президент России не входит в классическую «триаду ветвей власти», он назван первым среди институтов, которые осуществляют, согласно ст. 11 Конституции РФ, государственную власть в стране.

Не есть ли это признание некой надинституциональности российского президента как главы государства, теоретическое основание его права на контроль за деятельностью всех других институтов? Нет. Несмотря на не вполне удачно встроенную в текст Конституции теоретическую конструкцию, ст. 11 ещё не предопределяет президентского единовластия.

Во-первых, потому, что само провозглашение принципа разделения властей и самостоятельности органов законодательной, исполнительной и судебной власти свидетельствует о том, что никто, в том числе и Президент РФ, не вправе принимать к своему ведению вопросы, отнесенные к компетенции соответствующих органов власти.

Во-вторых, надинституциональности президента не может быть в силу того, что Конституция вручает ему его собственные властные prerogatives — функции и полномочия, перечисляемые прежде всего в главе 4.

Наконец, в-третьих, фактическое нахождение президента в системе разделения властей подтверждается его обязанностью издавать указы и распоряжения в соответствии с Конституцией РФ и федеральными законами, а также правом иных субъектов власти обжаловать в суде акты главы государства.

И тем не менее институт президента в смешанной модели действительно особый. Имея свою компетенцию, как и любой другой властный институт, президент — это всё-таки *глава государства*. Глубинный смысл феномена главы государства, думается, слабо изучен в современной теоретической юриспруденции. Как правило, авторы останавливаются просто на его констатации, видимо, полагая, что само данное понятие всё объясняет. Не всё. Но, поскольку анализ данной проблемы не составляет предмета настоящей работы, ограничусь лишь утверждением, что статус главы государства как раз предполагает выполнение *фундаментальной роли хранителя государственности и стабилизатора политической системы*. Всё дело, однако, в том, какими президент для этого наделяется полномочиями.

Рискну в исследовательских целях разбить эту фундаментальную роль на два, так сказать, ролевых модуля. Модуль *хранителя государственности* прямо отражается в ст. 80 Конституции, согласно которой глава государства:

- является гарантом Конституции, прав и свобод человека и гражданина (ч. 2);
- принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, её независимости и государственной целостности (ч. 2);
- представляет Российскую Федерацию внутри страны и в международных отношениях (ч. 4).

Этим функциям корреспондируют конституционные полномочия, в соответствии с которыми Президент РФ:

- вправе приостанавливать действие актов органов исполнительной власти субъектов Федерации в случае противоречия этих актов Конституции РФ и федеральным законам, международным обязательствам России или нарушения прав и свобод человека и гражданина до решения этого вопроса соответствующим судом (ч. 2 ст. 85);
- вправе отменять постановления и распоряжения Правительства РФ в случае их противоречия Конституции РФ, федеральным законам и указам Президента РФ (ч. 3 ст. 115);
- является Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами Российской Федерации (ч. 1 ст. 87);
- в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии вводит на территории Российской Федерации или в отдельных её местностях военное положение с незамедлительным сообщением об этом Совету Федерации и Государственной Думе (ч. 2 ст. 87);
- назначает и освобождает высшее командование Вооруженных Сил Российской Федерации (п. «л» ст. 83);
- при обстоятельствах и в порядке, предусмотренных федеральным конституционным законом, вводит на территории Российской Федерации или в отдельных её местностях чрезвычайное положение с незамедлительным сообщением об этом Совету Федерации и Государственной Думе (ст. 88);
- формирует и возглавляет Совет Безопасности Российской Федерации (п. «ж» ст. 83);
- осуществляет руководство внешней политикой Российской Федерации (п. «а» ст. 86);
- ведёт переговоры и подписывает международные договоры Российской Федерации (п. «б» ст. 86);
- подписывает ратификационные грамоты (п. «в» ст. 86);
- принимает верительные и отзывные грамоты аккредитуемых при нём дипломатических представителей (п. «г» ст. 86);

- назначает и отзывает после консультаций с соответствующими комитетами или комиссиями палат Федерального Собрания дипломатических представителей Российской Федерации в иностранных государствах и международных организациях (п. «м» ст. 83);
- вносит представление в Совет Федерации о назначении судей Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (п. «е» ст. 83);
- назначает судей других федеральных судов (п. «е» ст. 83);
- вносит представление в Совет Федерации о назначении на должность и освобождении от должности Генерального прокурора РФ (п. «е» ст. 83);
- наряду с другими субъектами вправе вносить предложения о поправках и пересмотре положений Конституции РФ (ст. 134);
- решает вопросы гражданства Российской Федерации и предоставления политического убежища (п. «а» ст. 89);
- награждает государственными наградами Российской Федерации, присваивает почетные звания Российской Федерации, высшие воинские и высшие специальные звания (п. «б» ст. 89);
- осуществляет помилование (п. «в» ст. 89).

Разумеется, всё перечисленное отнюдь не способно превратить институт Президента РФ, как бы ни хотел того человек, занимающий эту должность, в институт единовластного правителя. Больше того, некоторые из названных полномочий оба российских президента либо до сих пор не использовали, либо использовали крайне редко. Понятно, что военное положение не вводилось, поскольку не было агрессии или угрозы агрессии. А вот почему президенты, как первый, так и второй, не склонны использовать (известны лишь единичные случаи) право приостановления актов органов исполнительной власти субъектов Федерации в случае их противоречия Конституции РФ и федеральным законам, международным обязательствам России или нарушения ими прав и свобод человека и гражданина до решения вопроса соответствующим судом — остается непонятным.

Модус *стабилизатора политической системы*, в том числе *политического арбитра*, отражается главным образом в функции обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти (ч. 2 ст. 80). В свою очередь, эта функция выражается в полномочиях, согласно которым Президент РФ:

- может использовать согласительные процедуры для разрешения разногласий между органами государственной власти Россий-

ской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, а также между органами государственной власти субъектов Российской Федерации до разрешения вопроса судом (ч. 1 ст. 85);

- может созвать заседание Государственной Думы ранее чем на тридцатый день после её избрания (ч. 2 ст. 99);
- наряду с другими субъектами обладает правом законодательной инициативы (ч. 1 ст. 104);
- подписывает и обнародует либо отклоняет федеральные законы (п. «д» ст. 84, 107);
- в случае роспуска Государственной Думы назначает дату выборов с тем, чтобы вновь избранная Государственная Дума собралась не позднее чем через четыре месяца с момента роспуска (ч. 2 ст. 109);
- наряду с другими субъектами данного права может вносить запросы в Конституционный Суд РФ по делам о соответствии Конституции РФ:
 - федеральных законов, нормативных актов Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства РФ;
 - конституций республик, уставов, а также законов и иных нормативных актов субъектов РФ, изданных по вопросам, относящимся к ведению органов государственной власти РФ и совместному ведению органов государственной власти РФ и органов государственной власти субъектов РФ;
 - договоров между органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов РФ, договоров между органами государственной власти субъектов РФ;
 - не вступивших в силу международных договоров РФ (ч. 2 ст. 125);
- наряду с другими субъектами данного права может вносить запросы в Конституционный Суд РФ о толковании Конституции РФ (ч. 5 ст. 125).

Согласимся с тем, однако, что для выполнения миссии политического арбитража названных полномочий маловато. Не в смысле их количества, а в смысле, так сказать, силы политического влияния. Поэтому не только российская Конституция, но и конституции других государств со смешанной моделью наделяют глав государств полномочиями с более ощу-

тимой эффективностью благодаря в первую очередь тому, что это в основном *полномочия кадрового характера*, хотя и не только. К таким полномочиям президента по российской Конституции относятся:

- назначение Председателя Правительства РФ с согласия Государственной Думы (п. «а» ст. 83);
- право председательствовать на заседаниях Правительства РФ (п. «б» ст. 83);
- представление Государственной Думе кандидатуры для назначения на должность Председателя Центрального банка РФ; постановка перед Государственной Думой вопроса об освобождении его от должности (п. «г» ст. 83);
- назначение на должность и освобождение от должности по предложению Председателя Правительства РФ заместителей Председателя Правительства и федеральных министров (п. «д» ст. 83);
- принятие или отклонение отставки Правительства РФ (ч. 1 ст. 117);
- право давать поручение Правительству РФ в случае отставки или сложения полномочий действовать до формирования нового Правительства (ч. 5 ст. 117).

Эти полномочия, при всём их весе, также не определяют моноцентризма власти. Практически во всех европейских конституциях президенты обладают примерно такими же полномочиями, но ведь там они не ведут к персонализму. И дело тут не только в демократических традициях, политической культуре и пр. Дело в том, что эти полномочия, хотя и применяются в политической сфере, остаются стабилизационными, т. е. не превращают главу государства, так сказать, в «правлящую партию», поскольку их применение оговаривается вполне определенными условиями, выступающими как сдержки и противовесы.

Итак, даже сложенные вместе, приведённые здесь полномочия никоим образом не способны быть основой для превращения Президента РФ в институт, нейтрализующий принцип разделения властей¹. *Что же тогда институционально определяет персоналистский режим в России?* Не то ли обстоятельство, что в нашей Конституции существует большая недоговоренность в отношении оснований, на которых должны осуществляться президентские полномочия; что многие полномочия сформули-

¹ Разумеется, здесь не рассматривается вариант, при котором глава государства, воспользовавшись своим статусом Верховного Главнокомандующего, вводит в стране чрезвычайное или военное положение для установления собственной диктатуры. Это уже не относится к области конституционного права и права вообще.

рованы не вполне конкретно; что в реальности президент использует иные властные рычаги за ширмой неопределенно сформулированных полномочий?

Что ж, рассмотрим эту гипотезу. Для начала имеет смысл классифицировать правовые возможности президента России. Назову их полномочиями, хотя, строго говоря, не все они подпадают под эту категорию. Если использовать главным образом такой критерий, как форма юридического закрепления правовых возможностей (полномочий), то представляется, что их можно разбить:

- на конституционные;
- «скрытые»;
- законодательные;
- «имплицитные».

Конституционные полномочия. Уже по наименованию видно, что речь идет о полномочиях, закрепленных в Конституции РФ, хотя и с разной степенью конкретности. Здесь нет особых теоретических проблем. Однако при реализации этих полномочий огромную роль играет то обстоятельство, что их реализует именно глава государства, за которым закреплены такие широкие функции, как гарантирование Конституции, прав и свобод человека и гражданина, охрана государственной целостности, независимости страны, обеспечение согласованного функционирования органов власти. И данное обстоятельство обуславливает зыбкость реальных границ полномочий, побуждает главу государства вторгаться в спорные области компетенции либо легализовать дополнительные полномочия под предлогом того, что это является конкретизацией его конституционно закрепленных функций и полномочий. Вопрос в том, что и как противостоит и противостоит ли такому вторжению. Я попытаюсь в дальнейшем доказать, что, хотя формально и существуют возможности для противостояния, при системном взгляде можно увидеть их обречённость и, соответственно, бессмысленность, а то и опасность для «противостоящего» института.

«Скрытые» полномочия. Это полномочия, которые прямо не закреплены в Конституции, но предположительно вытекают из функций президента и ряда его конституционных полномочий. С проблемой правовой квалификации «скрытых», или «подразумеваемых», полномочий в России впервые столкнулся Конституционный Суд РФ, рассматривая летом 1995 года дело о конституционности актов, на основе которых начались

вооруженные действия федеральных властей в Чеченской Республике¹. В тексте самого Постановления КС РФ от 31 июля 1995 года не применяется понятие «скрытые» полномочия, но говорится следующее: «...из Конституции Российской Федерации не следует, что обеспечение государственной целостности и конституционного порядка в экстраординарных ситуациях может быть осуществлено исключительно путем введения чрезвычайного или военного положения. Конституция Российской Федерации определяет вместе с тем, что Президент Российской Федерации действует в установленном Конституцией порядке. Для случаев, когда этот порядок не детализирован, а также в отношении полномочий, не перечисленных в статьях 83–89 Конституции Российской Федерации, их общие рамки определяются принципом разделения властей (статья 10 Конституции) и требованием статьи 90 (часть 3) Конституции, согласно которому указы и распоряжения Президента Российской Федерации не должны противоречить Конституции и законам Российской Федерации».

Таким образом, Суд не увидел противоречия Конституции в том, что Президент РФ не объявил в Чеченской Республике чрезвычайное положение, а обязал соответствующие органы и структуры осуществить меры по наведению конституционного порядка, т. е. применил полномочия, прямо не закрепленные в Конституции. При этом Суд ввёл два условия, легитимирующие применение «скрытых» полномочий: а) ограниченность рамками принципа разделения властей (фактически речь идет о том, что такие полномочия должны логически вытекать из функционального предназначения данного института и не затрагивать компетенцию других институтов); б) отсутствие противоречия Конституции РФ и федеральным законам.

Однако не все конституционные судьи поддержали такую концепцию. Вслед постановлению было высказано беспрецедентно много особых мнений – семь, и в большинстве из них речь шла о несогласии либо во-

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 31 июля 1995 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 2137 "О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики", Указа Президента Российской Федерации от 9 декабря 1994 года № 2166 "О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне Осетино-Ингушского конфликта", Постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 года № 1360 "Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа", Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 года № 1833 "Об основных положениях военной доктрины Российской Федерации"».

обще с легитимацией «скрытых» полномочий, либо с их легитимацией *ad hoc*. Приведу три особых мнения.

Н. В. Витрук написал: «Институт «скрытых (подразумеваемых)» полномочий органов государственной власти известен мировой конституционной практике, однако он используется с **достаточной степенью осторожности** и лишь в целях обеспечения эффективного действия принципа разделения властей, системы сдержек и противовесов с тем, чтобы не допустить произвольного усиления одной ветви власти за счет другой. Признание существования “скрытых (подразумеваемых)” полномочий Президента Российской Федерации в условиях действия только что принятой федеральной Конституции и писаных законов, конкретизирующих нормы Конституции, означает **неправомерное расширение полномочий Президента как главы государства за счет полномочий федерального парламента и федерального правительства**».

Еще более резко высказался В. Д. Зорькин: «Суд не исследовал **формат чеченских событий и не соотнес качество случившегося с уровнем принятых мер**¹. Апелляция к скрытым полномочиям всегда опасна. Ни разгул банд, ни интервенция такой апелляции не оправдывает, а то, что ее оправдывает (т. е. сложно построенный мятеж), нам не доказано и Судом не выявлено. И если мы это примем сегодня, то **завтра для использования так называемых скрытых полномочий окажется достаточно ничтожных поводов, может быть разбитых витрин универмага**. А это путь не к господству права и закона, а к произволу и тирании. Этого допустить нельзя».

Б. С. Эбзеев вообще отрицает возможность таких полномочий, говоря: «Действующая Конституция Российской Федерации **не предусматривает появления в периоды кризисов исключительных, или скрытых, полномочий главы Российского государства на основе надпозитивного права государственной необходимости**. Согласно части 2 статьи 80 Конституции Российской Федерации Президент Российской Федерации принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, её независимости и государственной целостности не по личному усмотрению, а в установленном Конституцией Российской Федерации порядке».

Интересно, что дискуссия о «скрытых» полномочиях не завершилась данным делом. В 1996 году Конституционный Суд РФ рассматривал другой Указ Президента РФ Б. Н. Ельцина (тут существенно, что именно Ельцина), согласно которому устанавливалась возможность *временного*

¹ Возможно, не было бы и самого запроса в КС РФ по «чеченскому делу» или его рассмотрение не вызвало бы таких противоречивых позиций, если бы удалось восстановить конституционный порядок в Чеченской Республике действительно «двумя батальонами», как обещал тогдашний министр обороны. – *М.К.*

назначения Президентом РФ глав администраций (губернаторов)¹. Кстати, тогда Суд признал конституционным право президента назначать их лишь до принятия соответствующего законодательства и проведения выборов в регионах, подчеркнув *принципиальную необходимость избрания губернаторов*. Однако судья В. О. Лучин вновь выразил особое, причем эмоционально окрашенное, мнение: «Президент присвоил себе не только право назначать глав администраций субъектов Федерации, но также право разрешать или запрещать проведение выборов глав администраций. Таким образом, Президент сам устанавливает свои полномочия по принципу: “Своя рука – владыка”. Эта “саморегуляция”, не ведающая каких-либо ограничений, опасна и несовместима с принципом разделения властей, иными ценностями правового государства. Президент не может решать какие-либо вопросы, если это не вытекает из его полномочий, предусмотренных Конституцией. Он не может опираться и на так называемые “скрытые (подразумеваемые)” полномочия. Использование их в отсутствие стабильного конституционного правопорядка и законности чревато негативными последствиями: ослаблением механизма сдержек и противовесов, усилением одной ветви власти за счет другой, возникновением конфронтации между ними».

Почему я сделал акцент на фамилии президента? Не потому, что хочу обвинить кого-то в обусловленности негативной позиции личной или/и идейной неприязнью к первому Президенту РФ, отягощаемой событиями 1993 года. Акцентирую только потому, что сама политическая ситуация середины 1990-х годов не могла не дозвать над судьями, высказавшими особые мнения. Отсюда расплывчатость, субъективизм некоторых их правовых аргументов. Таких как «отсутствие стабильного конституционного правопорядка», «формат чеченских событий», «достаточная степень осторожности» и пр. А ведь такая расплывчатость позволяет и прямо противоположно, т. е. положительно, оценивать действия любого другого президента по применению «скрытых» полномочий, в зависимости от общей социальной и политической ситуации.

Названное выше решение Конституционного Суда 1995 года вполне обоснованно с правовой точки зрения. Ведь возлагая на президента, как главу государства, такие фундаментальные задачи, как обеспечение стабильного функционирования всего государственного организма, всей системы управления страной, охрана демократической правовой федеративной госу-

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 30 апреля 1996 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 3 октября 1994 года № 1969 “О мерах по укреплению единой системы исполнительной власти в Российской Федерации” и пункта 2.3 Положения о главе администрации края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа Российской Федерации, утвержденного названным Указом».

дарственности, Конституция не могла предусмотреть, какие именно меры глава государства должен применить в той или иной ситуации. Ни один правовой акт не способен описать все разнообразие публично-правовой жизни. Если бы восторжествовала догматическая концепция, предписывающая следовать принципу исчерпывающего конституционного перечня полномочий, появилась бы опасность, что могут пострадать более приоритетные ценности, коими являются «человек, его права и свободы», «независимость, целостность государства», «конституционный строй».

В конце концов, глава государства в смешанной форме правления является и должен являться отнюдь не только представительским институтом, а значит должен обладать веером правовых возможностей для выполнения своей главной задачи – охраны государственности во всех ее ипостасях. Замечу, что возможность реализации такой сверхзадачи главы государства без регуляции методов её решения закреплена, например, в Конституции Франции, являющей собой ныне классический образец смешанной модели. В её ст. 16 сказано: «Когда институты Республики, независимость нации, целостность ее территории оказываются под серьезной и непосредственной угрозой, а нормальное функционирование конституционных публичных органов прекращено, Президент Республики **принимает меры, которые диктуются этими обстоятельствами**, после официальной консультации с Премьер-министром, председателями палат, а также Конституционным советом». Тут стоит обратить внимание на то, что Конституция обязывает Президента Франции и в кризисных ситуациях советоваться с руководителями основных государственных органов, пусть и без указания процедуры.

Законодательные полномочия. Так я назвал полномочия, которые напрямую не указаны в Конституции РФ, но *дополнительно* предоставляются президенту в федеральных законах. Некоторые из такого рода полномочий начали появляться ещё в эпоху первого президента России. Для примера упомяну ФКЗ от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации», в ст. 32 которого сказано, что «Президент Российской Федерации руководит непосредственно и через федеральных министров деятельностью» некоторых федеральных органов исполнительной власти. Имеются в виду МИД, Минобороны, МВД, Минюст, ФСБ и т. п. Но «расцвела» практика наделения такими полномочиями в эпоху второго президента¹. Видимо, конституционные судьи в середине девяностых не могли представить себе, что настанет время, когда для

¹ Наиболее известные среди них полномочия: увольнять от должности глав субъектов РФ, в том числе за утрату доверия; представлять кандидатуры для назначения на должности председателя и заместителя председателя Счетной палаты РФ; наконец, представлять кандидатуры для наделения их полномочиями глав исполнительной власти субъектов РФ (глав субъектов РФ).

президента не составит никакого труда проводить даже сомнительные с конституционно-правовой точки зрения инициативы через Федеральное Собрание, легитимируя свои дополнительные полномочия посредством законов. А с формально-юридической точки зрения это должно считаться уже не «скрытыми» полномочиями, а осуществлением функций Президента РФ «в установленном порядке». Ведь «скрытые» полномочия, как можно понять из решений КС РФ и особых мнений судей, представляют собой полномочия, которыми глава государства *наделяет себя своими же актами и/или реализует de facto, явочным порядком*, и к тому же они не являются дополнительными.

Таким образом, дискуссия о «скрытых» полномочиях ныне явно потеряла свою остроту и вообще актуальность... Надеюсь, не навсегда, ибо сама такая дискуссия является индикатором наличия хоть какой-то политико-правовой жизни.

Конечно, образ демократии ни политически, ни эстетически не вяжется с нынешней скоростью и стопроцентной вероятностью «проходимости» в парламенте президентских законодательных инициатив, кстати, касающихся не только его собственных полномочий. Однако не следует на основе этого выстраивать систему доказательств вредности и опасности самих законодательных полномочий. Здесь применима та же аргументация, что приводилась по отношению к «скрытым» полномочиям: дело не в самих полномочиях, а в политических условиях, в которых они появляются и реализуются.

В конкурентной политической среде, в условиях сбалансированной системы сдержек и противовесов далеко не любая законодательная инициатива главы государства «обречена на успех».

Тут действует все тот же политический маятник: при одной расстановке политических сил маятник качнется, скажем, в сторону большей централизации полномочий, при другой – в сторону децентрализации. Однако при нормальной системе демократии эти отклонения обычно не пугают ни общество, ни элиту, поскольку сама конструкция, гарантирующая от монополизации власти, остается в неприкосновенности.

«Имплицитные» полномочия. Автор долго перебирал варианты условного наименования полномочий, которые никак не регулируются ни в Конституции РФ, ни в законах, ни в указах и распоряжениях самого главы государства, но проявляются в повседневных его решениях и действиях. Можно было бы назвать эти полномочия «скрытыми», если бы термин не был уже занят, поскольку именно он более всего подходит к полномочиям, о которых я хочу сказать, ведь они действительно скрыты от общества, а часто скрыты и их ближайшие последствия. Пришлось остановиться

на термине «имплицитность», т. е. неявность, подразумеваемость. Действительно, это самая закрытая, но едва ли не важнейшая часть президентской компетенции — именно по ней совокупный государственный аппарат и аналитическое сообщество могут судить о реальной направленности президентской деятельности, степени его аппаратной силы, пределах «свободы действий» для самой бюрократии и т. п.

Юридическая природа «имплицитных» полномочий довольно туманна. Может быть, их вообще неверно называть полномочиями, поскольку ни они сами, ни порядок их реализации никак не описаны в правовых актах. Но такой подход будет неправильным, так как речь идет об осуществлении президентской власти, причем о презюмируемом осуществлении в рамках Конституции и законодательства. При этом управленческие решения и действия президента непосредственно или опосредованно порождают правовые последствия. Полагаю, мы имеем дело с разновидностью «скрытых» полномочий. Просто в отличие от них «имплицитные» реализуются не в режиме публичности, т. е. не в указах и распоряжениях, а в режиме, так сказать, аппаратном — в *поручениях* — как письменных, так и устных, *резолуциях* на документах¹, которые, впрочем, можно отнести к разновидности поручений, и *устных указаниях*, даваемых как на встречах с теми или иными должностными лицами, так и в телефонных разговорах.

Утверждение, что такие полномочия осуществляются в рамках Конституции и законодательства, повторю, является теоретической презумпцией, т. е. на деле так может и не происходить. Но в демократическом правовом государстве существуют механизмы, способные нейтрализовать правовые ошибки любого властного института, в том числе проистекающие из неверного толкования, понимания пределов собственной компетенции. Если у нас этого не происходит, то это ещё не повод считать сами «имплицитные» полномочия нелегальными.

Специфика «имплицитных» полномочий в то же время такова, что не всегда и далеко не сразу можно оценить законность их использования. Например, если Президент РФ дает какое-то устное поручение Генеральному прокурору РФ, то это вряд ли можно считать законным, учитывая теоретическую независимость прокуратуры, хотя такая независимость — вещь довольно странная, но по нашей Конституции она существует. Однако глава государства может ведь просто «предложить внимательнее разобраться с

¹ Резолюция может иметь как вид прямого указания совершить конкретное действие (например, «прошу рассмотреть») или словесного выражения позиции (например, «одобряю»), так и вид символический (например, крестик, галочка или восклицательный знак рядом с чьей-то просьбой, предложением, фамилией и т.п.). Разумеется, ближайшему президентскому окружению такие символы должны быть понятны, дабы они могли перевести их на язык конкретных поручений или сами предпринять некие действия.

конкретным делом», и тогда формально оно вряд ли может быть сочтено незаконным, поскольку у Президента РФ есть конституционный аргумент: он является гарантом прав и свобод граждан.

Итак, правовые возможности президента конечно же не безграничны, но в то же время они шире, чем если судить о них только по нормам Конституции РФ. И это опять-таки не наша специфика. Повторю: невозможно «загнать» главу государства в прокрустово ложе зафиксированных конституционных норм. Точнее, границы этих норм невозможно очертить с той же степенью определенности, какая свойственна математике (границы фигур) или физике (границы тел). Но *не обесмысливается ли при таком релятивистском выводе идея разделения властей, идея самостоятельности тех или иных публично-властных институтов, идея компетенции в целом?*

Нет! В политической и шире – социальной – модели действует иной принцип определения границ полномочий, правовых возможностей, свободы управленческих действий. Его можно сформулировать следующим образом:

Границы возможностей субъекта права заканчиваются там, где начинается несогласие с такими возможностями со стороны иных субъектов права, при споре подтвержденное решением суда.

Именно по тому, как действует данный принцип, прежде всего в отношении главы государства, и действует ли он вообще, можно судить о степени реальности конституционной характеристики России как правового государства. Поэтому наша политическая проблема, еще раз повторю, не в наличии иных полномочий Президента РФ, формально находящихся за рамками конституционных полномочий, а фактически – вытекающих из них. *Проблема в том, что о своем несогласии властные институты не заявляют, а если заявляют, то их несогласие, как и институтов гражданских, остается втуне.*

У автора есть гипотеза о причинах такого явления.

Институциональную причину персонализма, монополизации реальной власти в руках одного института и объективно вытекающей из этого ограниченности представительства следует искать в том, что *Президент РФ конституционно наделяется второй фундаментальной ролью – активного политического актора («игрока»), и при этом актора доминирующего.*

ПРЕЗИДЕНТ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ АКТОР

Институт российского президента так конституционно обустроен, что он *объективно понуждается вести политическую борьбу* на стороне одной из политических сил, неважно, оформленной или не оформленной как

партия, т. е. из субъекта *policy* Президент РФ превращается в субъекта *politics*. Таким образом, «арбитр» становится одновременно «игроком».

Чтобы показать особенности нашего устройства, целесообразно в табличном виде сравнить «политические» полномочия президентов разных государств со смешанной моделью¹. Замечу, что в таблицу попали также полномочия, о которых говорилось выше, прежде всего кадровые, и которые определяют перекос в системе сдержек и противовесов лишь в совокупности с другими, в зависимости от того, какими условиями оговорена реализация таких полномочий.

Взаимоотношения президента с парламентом и правительством по вопросам формирования и роспуска (отставки) последних

Страна и год принятия Конституции	Формирование кабинета министров	Основания для отставки премьер-министра (правительства), помимо добровольной отставки	Основания для роспуска парламента (нижней палаты)
1	2	3	4
БОЛГАРИЯ (1991)	После консультаций с парламентскими группами президент поручает кандидату в министры-председатели, рекомендованному наибольшей по численности парламентской группой, составить правительство. После этого (если кабинет составлен) предлагает Народному собранию избрать кандидата министром-председателем. Народное собрание производит изменения в правительстве по предложению министра-председателя	1. При вотуме недоверия. 2. Если вотум о доверии не набирает необходимого большинства. 3. В случае смерти главы кабинета. 4. При избрании нового состава Народного собрания	Роспуск не предусмотрен
МАКЕДОНИЯ (1991)	Президент назначает мандатария для определения состава правительства, т. е. вручает мандат на формирование кабинета кандидату партии или партий, набравших большинство в Собрании. По предложению мандатария Собрание избирает правительство	1. При вотуме недоверия. 2. В случае смерти главы кабинета или его стойкой неспособности выполнять полномочия. 3. При избрании нового состава Собрания	Распускается по собственному решению Собрания

¹ Автор использовал, в несколько измененном виде, таблицу, которая была опубликована в работе: *Краснов М.А.* Россия как полупрезидентская республика: проблемы баланса полномочий (опыт сравнительно-правового анализа) // Государство и право. 2003. № 10.

Персоналистский режим в России

1	2	3	4
ПОРТУГАЛИЯ (1976)	Президент назначает премьер-министра после консультаций с партиями, представленными в Ассамблее Республики, и с учетом результатов выборов. Президент назначает членов правительства по предложению премьер-министра, освобождает министров от должности	<ol style="list-style-type: none"> 1. При «начале новой легислатуры», т. е. при избрании нового состава Ассамблеи Республики. 2. При смерти или длительной неспособности премьер-министра исполнять свои полномочия. 3. При отклонении парламентом программы правительства. 4. При отсутствии вотума доверия. 6. При одобрении резолюции порицания абсолютным большинством депутатов 	Для роспуска Ассамблеи Республики президент должен заслушать «мнение представленных в ней партий» и Государственного совета (политического совещательного органа при президенте)
РОССИЯ (1993)	Президент представляет Государственной Думе кандидатуру председателя правительства и при согласии назначает его. По предложению премьера назначает и освобождает от должности министров и вице-премьеров	<ol style="list-style-type: none"> 1. При избрании нового президента. 2. По решению президента без всяких условий. 3. При повторном вынесении вотума недоверия (президент выбирает между отставкой правительства и роспуском Думы). 4. При отказе в доверии по инициативе премьера (президент выбирает между отставкой правительства и роспуском Думы) 	Распускается президентом: <ol style="list-style-type: none"> 1) после трехкратного отклонения Госдумой кандидатуры председателя правительства; 2) после повторного вынесения вотума недоверия (президент выбирает между отставкой правительства и роспуском Думы); 3) после отказа в доверии по инициативе премьера (президент выбирает между отставкой правительства и роспуском Думы)
СЛОВЕНИЯ (1991)	Президент после консультаций с лидерами фракций в Государственном собрании предлагает нижней палате кандидатуру премьера. Если кандидатура не набирает нужного большинства, президент проводит повторные консультации и предлагает ту же или другую кандидатуру. Кандидатуры в этом случае могут предлагать также фракции и депутатские группы. Если и в этом случае премьер не избран, Госсобрание может принять решение о проведении в течение 48 часов повторных выборов, причем при пониженном кворуме. Министры назначаются и смещаются Госсобранием по предложению главы кабинета	<ol style="list-style-type: none"> 1. При вынесении вотума недоверия, в том числе после обсуждения интерпелляции. 2. Если премьер был избран на повторных выборах в Госсобрании, но последнее избирает затем нового премьера. В этом случае считается, что прежний премьер получил вотум недоверия. 3. При отказе в доверии по инициативе премьера, если после этого Госсобрание в течение 30 дней изберет нового премьера. 4. При избрании нового состава Государственного собрания 	Распускается президентом: <ol style="list-style-type: none"> 1) если ни одна кандидатура на должность премьера, в том числе на повторных выборах в Государственном собрании, не наберет нужного числа голосов; 2) если Госсобрание, отказав в доверии по инициативе премьера, в течение 30 дней не избрало нового премьера или не выразило доверия действующему премьеру

1	2	3	4
ФРАНЦИЯ (1958)	Президент назначает премьер-министра без всякого официального согласования с кем бы то ни было. Президент назначает и увольняет министров по представлению премьер-министра	Правительство уходит в отставку (премьер-министр обязан вручить президенту заявление об отставке), если Национальное собрание (нижняя палата): 1) примет резолюцию порицания (вынесет вотум недоверия); 2) не одобрит программу или общеполитическую декларацию правительства	Распускается президентом после консультаций с премьер-министром и председателями палат
ХОРВАТИЯ (1990)	Президент назначает и освобождает от должности председателя правительства, по его представлению назначает и освобождает членов правительства. Спустя 15 дней с момента назначения премьер представляет правительство Палате представителей (нижней) и ставит вопрос о доверии правительству. Назначение председателя и членов кабинета считается одобренным при получении вотума доверия	1. При выражении недоверия председателю правительства или правительству в целом (по выбору президента между отставкой кабинета и роспуском нижней палаты). 2. Премьер может подать президенту заявление об отставке, если выражено недоверие отдельному члену правительству	Распускается президентом, если Палата представителей: 1) выразила недоверие правительству (президент выбирает между отставкой кабинета и роспуском нижней палаты); 2) не приняла госбюджет в течение месяца. В обоих случаях президент принимает решение по предложению правительства и при наличии контр-сигнатуры его председателя, а также после консультаций с председателем Палаты представителей

Что же следует из сопоставления данных, представленных в таблице, т. е. чем принципиально отличается российская версия модели смешанной, т. е. полупрезидентской, республики?

У нас нет конституционных рычагов, обеспечивающих зависимость формирования правительства (кабинета), а на самом деле – политического курса от результатов парламентских выборов. Если такой зависимости нет, то теряют смысл и сами эти выборы, и публичный смысл существования партий, у которых не создаются мотивы для развития. В итоге невозможна политическая конкуренция, представляющая собой движитель демократии.

Из таблицы видно, что полупрезидентские республики Европы озаботились либо вообще недопущением роли президента как активного политического актора, либо сведением этой роли к сбалансированному минимуму. В одних странах (например, Португалия, Македония) президенту прямо предписано формировать правительство на основе

итогах парламентских выборов; в других предусмотрены более тонкие механизмы, как в Хорватии или Польше, где почти сразу должно быть проведено голосование о доверии кабинету; в третьих всего этого нет, как во Франции, где даже не требуется согласия нижней палаты для назначения премьера, зато рычаги для отставки правительства находятся в руках либо премьер-министра, либо нижней палаты. И это не говоря уже о других полномочиях премьера, например его праве активно участвовать в принятии законов, обязанности контрасигновать некоторые акты президента и т. д.

На это можно возразить следующее: поскольку нормально, что в разных странах существуют разновидности смешанной модели, недопустимо говорить о том, что Россия со своей модификацией стоит особняком. Просто *наша* Конституция построена с учетом *нашей* исторической и культурной специфики, и эта специфика выразилась в «утяжелении» политического веса президента.

Чтобы понять, идет ли речь о российской специфике демократии или всё-таки об органическом пороке, нужно проанализировать не то, насколько собственные полномочия президента превращают его, по сути, в единственную политическую фигуру, а то, насколько другие властные институты могут правовым образом противостоять такому превращению, или, иными словами, почему они не выражают своего несогласия.

Выдвину гипотезу: институционально у других институтов нет достаточных сдержек и противовесов относительно президентских прерогатив. Поэтому им остаётся либо признать единовластие президента, либо, при его малой популярности, лишь демонстрировать свою оппозиционность. Они практически не влияют или влияют в минимальной степени на реальную политику, а в периоды охватываемого их отчаяния пытаются запустить конституционные механизмы, предназначенные совсем для иных целей. Такова была, например, попытка отрешения от должности президента Б. Н. Ельцина в 1998 году, когда политические претензии были натянута на формулы уголовного обвинения.

Чтобы проверить эту гипотезу, зададимся вопросом: *способна ли политическая партия, получившая большинство мест в Государственной Думе, сформировать своё партийное (коалиционное) правительство? А если нет, то что этому препятствует?*

Смоделируем политическую ситуацию. Представим себе, что на очередных парламентских выборах, т. е. выборах в Государственную Думу, большинство получает партия Z. Чтобы модель получилась более рельефной и в то же время реалистичной, вообразим, что эта партия отстаивает изоляционистскую экономическую политику, милитаризацию экономики, деприватизацию (национализацию) крупных и

средних предприятий и так далее в том же духе. А для характеристики политического лица президента Q возьмем за основу хотя и противоречивую, но в целом рыночную экономическую политику нынешнего Президента РФ. Допустим также, что Президент РФ собирается реализовать идею правительства парламентского большинства (тем более что это соответствует мотивам установления полностью пропорциональной избирательной системы).

Итак, в полном соответствии с Конституцией РФ президент Q представляет Думе кандидатуру председателя правительства, рекомендованную партией Z. Хотя у нас конституционно не предусмотрены политические консультации по этому поводу, ничто не мешает президенту их провести с руководством соответствующей фракции. Правда, в моделируемой ситуации президенту придётся сначала отправить в отставку действующее правительство, которое и не думало реагировать на парламентские выборы, поскольку согласно ст. 116 Конституции Правительство РФ слагает свои полномочия вовсе не перед новой Думой, а перед вновь избранным президентом. Но, допустим, ради новой традиции президент идёт на такую отставку и предлагает кандидатуру премьера из парламентского большинства.

Вопрос в том, сможет ли такой кабинет реализовывать социально-экономическую программу или хотя бы следовать лозунгам, выдвинутым партией Z, ставшей правящей, т. е. возьмёт ли эта партия на себя реальную политическую ответственность за проведение соответствующего курса? Или партия удовольствуется моральным призом, усадив своих представителей в министерские кресла, но оставив их полностью послушными воле главы государства?

Будем исходить из варианта принципиальной позиции: представители партии Z в исполнительной власти решили проводить свою партийную программу. Опираясь на парламентское большинство, правительство инициирует антирыночные законы и самостоятельно принимает в том же духе собственные постановления и распоряжения. Может ли, опираясь на Конституцию РФ, что-то противопоставить этому президент Q? Может! Причём без особых политических усилий, ибо для этого у него имеется огромный арсенал средств, которым, в свою очередь, ничто не противостоит.

Прежде всего, нужно напомнить, что в нашей Конституции есть весьма странное положение, согласно которому Президент РФ *определяет основные направления внутренней и внешней политики* (ч. 3 ст. 80 и п. «е» ст. 84). Такого полномочия не только нет в конституциях европейских стран, кроме некоторых на пространстве СНГ, но и не может быть. Ведь даже чисто логически это полномочие не укладывается в принцип разде-

ления властей, ибо последний предполагает, что уж в чём-чём, а в определении политики участвуют как минимум все легально представленные политические силы. Данное полномочие было попросту заимствовано из Конституции РСФСР – РФ. Таким полномочием обладал Съезд народных депутатов, что закономерно, ибо данное полномочие характерно именно для советского типа власти.

На это могут ответить, что Президент РФ не входит в систему разделения властей, что пусть он, как глава государства, определяет основные направления, а в их рамках ветви власти «конкурируют» между собой. Эти аргументы несостоятельны. Если речь идет об определении направлений политики во всех сферах, это уже есть партийность, пусть и не оформленная. Кроме того, что такое «определение основных направлений политики», коль скоро кандидат, ставший президентом, уже объявил о своих политических приоритетах? Ему остаётся лишь повторять их? А если президент меняет направления политики, значит, он попросту обманул избирателей. Конечно, в России не так все прямолинейно. У нас и кандидат в президенты может не объявлять о своих приоритетах, ограничившись лозунгами, и президент может поменять приоритеты, сознавая, что его «и так любит большинство». Всё так. Но я как раз и веду речь о том, что такая аномалия страшна для государства, ибо создаёт под ним пороховую бочку с наклейкой «непредсказуемость».

Разумеется, к данному полномочию можно относиться как к пропагандистскому «украшению». Главным образом, потому, что, если сравнивать послания Президента РФ Федеральному Собранию, а именно в этой форме публично оглашаются основные направления, с бюджетными приоритетами, нетрудно заметить, насколько они расходятся. Не случайно ещё в середине 1990-х годов появился такой не предусмотренный Конституцией жанр, как бюджетные послания президента, даже формально расходившиеся с основными посланиями. Да, само по себе полномочие определения политики осталось бы «украшением», если бы не подкреплялось целой системой президентских рычагов, делающих такое полномочие вполне весомым. Сначала перечислю, так сказать, «технические» рычаги.

Во-первых, Президент РФ вправе отменять постановления и распоряжения Правительства РФ (ч. 3 ст. 115), причём по мотивам их несоответствия не только Конституции РФ и федеральным законам, но и указам самого президента.

Во-вторых, президент в соответствии с ФКЗ о Правительстве РФ непосредственно руководит рядом министерств и других федеральных органов исполнительной власти.

В-третьих, Правительство РФ обязано издавать постановления и распоряжения на основании и во исполнение не только Конституции РФ и федеральных законов, но и нормативных указов Президента РФ (ч. 1 ст. 115).

В-четвертых, премьер определяет основные направления деятельности Правительства РФ опять-таки в соответствии не только с Конституцией, федеральными законами, но и с указами президента (ст. 113).

В-пятых, президент утверждает структуру федеральных органов исполнительной власти (ч. 1 ст. 112), а фактически и их систему¹, хотя формально он вправе это делать по представлению председателя правительства, как, впрочем, и назначать министров.

В-шестых, президент вправе председательствовать на заседаниях правительства.

Разумеется, не все перечисленные полномочия обуславливают дисбаланс властных прерогатив в нашей конструкции. Например, президент Франции по должности председательствует на заседаниях правительства. Однако есть и принципиально важные президентские рычаги в отношении исполнительной власти. Равно как и в отношении власти законодательной.

Итак, что должен делать Президент РФ, видя, что правительство проводит курс, расходящийся с определёнными им направлениями политики? Конечно, есть различия и различия. Я взял для модели, возможно, крайнюю ситуацию, намекая на программные положения нынешних коммунистов. Но взял-то не из любви к экзотике, а в силу нашей с вами реальности. Ведь что мы видим в парламенте? Партию бюрократии, что, конечно, не означает отсутствия у её отдельных членов некоторых убеждений, партию советской ностальгии и партию нездорового национализма. Как тут не вспомнить И. А. Ильина, еще в 1938 году предрекавшего: «Напрасно думать, что революция готовит в России буржуазную демократию. Буржуазная особь подорвана у нас революцией (большевистской. — М. К.); мы получим в наследство пролетаризованную особь, измученную, ожесточённую и деморализованную»².

Вспомнил я эти слова потому, что ещё раз хочу подчеркнуть: отнюдь не в «матрице» наша драма, а в непосредственно предшествовавшей эпохе, влияние которой следует учитывать, в том числе и путём соответст-

¹ Именно таковы два указа Президента РФ (от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» и от 20 мая 2004 г. № 649 «Вопросы структуры федеральных органов исполнительной власти»), установившие трёхвидовую систему органов.

² *Ильин И.А.* Основы государственного устройства. Проект Основного закона Российской Империи. М., 1996. С. 45–46.

вующей институализации власти. О таком учёте не думали, точнее, думали с противоположным знаком: сохранить некоторые советские конструкции, стереотипы и кадровый состав, но совместить их с технократически понимаемым либерализмом, забыв о «пролетаризированной особи». Потому и столкнулись с невозможностью идентифицировать существующий в России строй и с соответствующей этой невозможности причудливой картиной общественного сознания...

Вернёмся к развилке, перед которой стоит президент Q, решивший перейти к кабинету парламентского большинства. Президент, конечно, может обратиться к народу и сказать: «Раз большинство избирателей проголосовало за партию Z, то и получайте политику этой партии. Я, как гарант Конституции, конечно, не позволю им вернуть советскую власть, но и не буду влиять на политику правительства, чтобы вы на следующих парламентских выборах сами решили, устраивает ли вас такая политика». Но ведь тогда, во-первых, президента Q можно будет упрекнуть в нарушении Конституции РФ, сказав, что он не исполняет некоторые из своих полномочий. Равным образом, конституционные претензии могут быть предъявлены и к правительству, в частности за то, что оно не следует определённым президентом направлениям политики. А во-вторых, народ, среди которого не только электорат партии Z, просто не поймет «исторического замысла» президента и справедливо упрекнёт его в бесхарактерности, слабости, невыполнении своих обещаний. Такому президенту на следующих выборах, если речь идет о первом сроке, «не светит» переизбрание, а если речь идет о второй легислатуре, он не будет иметь ресурса для поддержки «продолжателя своего дела».

Поэтому ни один здравомыслящий президент в существующей конструкции власти не пойдет на согласие не только с правительством, проводящим политику, которая в корне отличается от президентских направлений, но и с любым правительством, чье мнение хотя бы на йоту формально расходится с мнением президента. Поэтому глава государства вправе будет сказать: «За *меня* проголосовало также большинство избирателей. Я определяю основные направления внутренней и внешней политики. Я несу ответственность за... («за всё», как говорит президент В. В. Путин). Поэтому я отправляю такое правительство в отставку».

В европейских государствах со смешанной моделью даже при институционально большом политическом весе президента последний не может отправить в отставку кабинет просто потому, что тот его не устраивает. В *таблице на стр. 31* можно видеть, какими условиями обставляется правительственная отставка. Условия разные, но это конкретные условия: главным образом, несогласие большинства депутатов с правительственной программой, проектом бюджета или курсом в целом. У нас же

отставка правительства по воле президента возможна вообще без всяких мотивов (п. «в» ст. 83 и ч. 2 ст. 117), не исключена даже отставка вполне лояльного президенту кабинета. Отставки практически всех кабинетов начиная с марта 1998 года, за исключением, пожалуй, лишь отставки правительства С. В. Кириенко после дефолта, обоими президентами так и производились — без всякого видимого повода. Особенно «забавно» смотрится такая отставка, когда президент, объявляя о ней, говорит, что в целом доволен работой правительства. И эта *свобода мотивов отставки правительства* — вторая существенная особенность статуса российского президента, работающая на формирование персоналистского режима.

Итак, правительство отправлено в отставку. И при этом никто официально возразить не может. Всё — в полном соответствии с Конституцией. Однако ведь перед президентом Q остаётся, казалось бы, труднейшая задача — *как в условиях большинства в Думе его идейных противников провести через такую Думу (получить согласие на назначение) кандидатуру нового премьера*. У президента, конечно, есть вариант предложить партийному большинству выдвинуть для назначения президентом фигуру другого председателя правительства. Но такой вариант маловероятен, ибо политически бессмыслен: поскольку вопрос не в неспособности премьера организовать работу, а в *иной политике* кабинета, вновь будет предложена кандидатура, заведомо не подходящая президенту. Таким образом, он приходит к необходимости сформировать не просто идейно близкое, а полностью послушное ему правительство.

Спрашивается: почему же тогда сегодня президент не спешит составлять партийное правительство из собственных послушнейших партийцев-чиновников? Остаётся лишь догадываться: то ли стыдно так откровенно превращать «партию власти» в «правлящую партию» (смеяться будут), то ли нужна свобода рук для политических назначений, то ли ещё какой мотив. Но это и неважно. Серьёзно анализировать нынешнюю ситуацию — значит соглашаться с тем, что демократия с её сдержками-противовесами, процедурами, реальными политическими консультациями, уважением оппонентов, гарантиями прав меньшинства и прочая и прочая существует, но только с национальными особенностями.

Нет никаких особенностей! Ибо без политической конкуренции нет самой демократии.

Само же отсутствие политических конкурентов обусловлено отнюдь не нежеланием их иметь. Нежелание, конечно, есть, как есть оно у правящих во всем мире. Вот только при демократии это желание прячут куда-нибудь подальше, ибо осуществиться оно не может, а политической карьере навредит. Вопрос в другом: почему такое нежелание у российского правящего класса вполне продуктивно? Для ответа на этот вопрос вер-

нужь к моделированию ситуации, при которой думское большинство завоёвывает партия, идейно чуждая президенту Q.

Как поведёт себя Дума (думское большинство), униженная отнятой у нее возможностью сформировать правительство парламентского большинства? Теоретически у Думы есть несколько конституционных «линий обороны», но для президента все они конституционно преодолимы.

Линия первая. Дума отказывает в назначении нового премьера, не представляющего уже парламентского большинства, но тем самым она подписывает себе «смертный приговор», поскольку третий отказ означает её обязательный роспуск (ч. 4 ст. 111). Для системы сдержек и противовесов это нонсенс, ибо тем самым Конституция открыто и заведомо победителем «назначает» президента. Разумеется, принципиальные депутаты из партии большинства могут пойти и на роспуск. Но, во-первых, наша политическая культура за советский период опустилась до такого уровня, что ожидать подобной принципиальности не приходится. Не случайно даже при оппозиционной в целом президенту Ельцину Думе ни одна кандидатура премьера не стала поводом для роспуска. Проходят все! Во-вторых, такое «самопожертвование» имеет смысл, когда досрочные выборы могут привести к иной политической ситуации. А у нас, если даже большинство ещё больше укрепит свои позиции после новых выборов или объединится с другой партией в коалицию, для президента это не будет иметь большого значения, ибо ему ничто не мешает точно так же поступить и с новой Думой. Правда, такое развитие событий чревато обширным политическим кризисом, напоминающим кризис 1992–1993 годов, когда каждый из институтов власти сможет апеллировать к примерно равной доле общества. Но это лишь демонстрирует, что действующая конструкция опасна не только тем, что формирует персоналистский режим, но и тем, что конституционно не предусматривает модели выхода из кризиса¹.

Линия вторая. Дума, дав согласие на назначение председателя правительства, заведомо формируемого не на партийной основе, во всяком случае без учёта итогов парламентских выборов, обладает конституционным правом выразить недоверие (отказать в доверии) правительству. Сдержка, противовес? Да, безусловно. Ведь таким способом нижняя палата может сказать президенту: «Такое правительство мы поддерживать не будем, никакие его законопроекты принимать не будем. Поэтому вам,

¹ На это указывал В.Л. Шейнис еще до голосования по Конституции РФ, предлагая «затруднить эту чрезвычайную президентскую акцию, введя, допустим, положение, по которому должны быть одновременно или через короткий срок назначены новые выборы президента, если роспуск Думы осуществляется вторично» (*Шейнис В.Л.* Новый Основной закон: за и против // Независимая газета. 1993. 9 дек.).

г-н президент, лучше сформировать кабинет из победителей». Но почему же процедура вотума недоверия (отказа в доверия) ни разу даже не была доведена до конца?

Да всё по тем же институциональным причинам. Ведь Президент РФ вовсе не обязан, в отличие от президентов других стран, отправлять в отставку кабинет, пусть даже не имеющий политической поддержки в нижней палате парламента или такую поддержку потерявший. Вместо этого глава государства после первого выражения недоверия в соответствии с ч. 3 ст. 117 сначала «включает процесс примирения», т. е. показывает, что не согласен с мнением Думы и даёт ей время «одуматься». А через три месяца (кстати, почему три? не слишком ли долгий срок для выхода из кризиса?) может отправить такое правительство в отставку... или распустить Думу. И все прекрасно понимают, что для президента естественнее второе, ибо правительство-то его, президентское.

Таким образом, и вотум недоверия есть не более чем «гильотина» для депутатов. Учитывая, что партия, даже получившая большинство мест в Думе, всё равно не сможет, как мы выяснили, сформировать правительство, зачем, спрашивается, вновь собирать деньги на выборы, мучаться с регистрацией и агитацией, опасаться включения административного ресурса, тем более от разгневанного президента? Не спокойнее ли сохранить те депутатские должности в комитетах и в руководстве Думы, что уже есть? Никто не заинтересован в такого рода потрясениях, поэтому у нас угроза вотума и является, с одной стороны, пропагандистской акцией для избирателей, а с другой – предметом закулисного торга с президентом.

Линия третья. Дума решает посредством принятия соответствующих законов повлиять на президентский курс, а самостоятельного правительственного курса у нас, как уже сказано, быть просто не может. В эпоху Ельцина крупная коммунистическая фракция вместе с союзниками инициировала, а нередко и проталкивала законы, заведомо нереалистичные, но досаждавшие президенту и заодно представлявшие коммунистов «защитниками народа». Однако о реальном влиянии на политику при этом говорить не приходится. И всё потому, что у президента есть свои контррычаги, которых как раз нет у Думы.

Первый контррычаг – *возможность влиять на Совет Федерации.* Эта палата Федерального Собрания в соответствии с ч. 4 ст. 105 Конституции РФ имеет право отклонить принятый Думой закон. Конечно, члены Совета Федерации не обязаны следовать указаниям из президентской администрации. Но, как показывает практика, следуют. И не потому, что нынче вообще все властные институты стараются выказать свою лояльность президенту, а президентская администрация сама имеет много рычагов для контроля за «сенаторами». Теперь контроль становится систем-

ным, так как в Совете Федерации будут заседать представители, зависящие от президентских назначенцев-губернаторов. Положение принципиально не изменится, даже если «сенаторов» станет выбирать население. И при менее популярном первом президенте члены Совета Федерации прислушивались к мнению Кремля. Прежде всего, потому, что для регионов важнее мнение тех институтов, которые не «правила сочиняют», а осуществляют повседневные управленческие функции, выдают трансферты, контролируют федеральные органы на местах и т. д. А кто это, как не правительство, за которым стоит президент? Кроме того, Совет Федерации, будучи объективно палатой «регионов», оценивает тот или иной закон с позиций не столько «политических», сколько социально-экономических, поскольку большинство законов приходится реализовывать именно властям регионов.

Второй президентский контррычаг — его *право отклонять законы* (ч. 3 ст. 107). Конечно, Дума может преодолеть «вето» президента, повторно приняв тот же закон большинством не менее чем в две трети голосов от общего состава. Но, во-первых, такое большинство бывает весьма трудно набрать. А во-вторых, для этого требуется ещё и одобрение отклоненного президентом закона таким же большинством Совета Федерации. Ясно, что ситуации солидарности двух палат в противостоянии президенту могут быть лишь единичными, экстраординарными.

Наконец, у президента есть *рычаги, которые не описаны в Конституции РФ*, но действуют посильнее иных конституционных и уж во всяком случае серьёзно подкрепляют конституционные полномочия главы государства.

Во-первых, президенту целиком подчиняется такая структура, как *Управление делами Президента РФ*. И хотя даже из названия этого органа исполнительной власти в статусе агентства следует, что УД должно технически обеспечивать деятельность Президента РФ, в реальности оно обязано¹ осуществлять материально-техническое обеспечение деятельности практически всех федеральных органов власти и социально-бытовое обслуживание «членов Правительства Российской Федерации, членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, судей Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации и Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации», а также сотрудников аппаратов этих органов. Не надо обладать особыми аналитическими способностями,

¹ См.: Положение об Управлении делами Президента Российской Федерации, утвержденное Указом Президента РФ от 7 августа 2000 г. № 1444 (в ред. указов Президента РФ от 12.01.2001 № 27, от 20.05.2004 № 650).

чтобы понять, как разделение властей эффективно нейтрализуется благодаря обычным человеческим слабостям.

Во-вторых, в руках президента находится такой рычаг, как подчиненная ему *Федеральная служба охраны*. А в соответствии с Положением о ней¹, ФСО России является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики, нормативно-правовому регулированию, контролю и надзору в сфере государственной охраны, президентской, правительственной и иных видов специальной связи и информации, предоставляемых федеральным органам государственной власти, органам государственной власти субъектов Российской Федерации и другим государственными органами. Таким образом, все эти символы аппаратного влияния целиком зависят от Президента РФ.

В-третьих, в соответствии с законодательством о государственной службе президент является фактически *главой всего российского чиновничества*. Следовательно, от президентских структур во многом зависит присвоение классовых чинов служащим, работающим в разных ветвях власти, зачисление в кадровый резерв и пр.

Итак, в условиях, когда на парламентских выборах «призом» для политической партии оказывается лишь возможность захватить побольше думских портфелей, но никак не портфелей правительственных, становление реальной, а не марионеточной многопартийности, возникновение ответственных парламентских партий, способных и к самоочищению, и к реальному управлению страной, невозможно. Соответственно невозможно и политическая конкуренция, вместо которой мы имеем либо её имитацию, либо конкуренцию личных амбиций. Характерно, что до отмены региональных выборов губернаторов на них между собой зачастую соперничали представители одной и той же партии «Единая Россия».

Соединение двух сверхзадач в институте президентства искажает и такое обычное для демократии понятие, как оппозиция. В нормальных условиях, при отсутствии персоналистского режима, оппозиция выполняет две основные роли. Первая заключается в том, что оппозиционная деятельность позволяет проводить более взвешенную политику, тем самым резко уменьшая амплитуду политического маятника, и, соответственно, обеспечивает предсказуемость и преемственность власти. Вторая роль заключается в том, что оппозиция в условиях реального парламентаризма является основным каналом, через который общество способно контролировать исполнительную власть и государственный аппарат в целом. В

¹ Утверждено Указом Президента РФ от 7 августа 2004 г. № 1013 (в ред. указов Президента РФ от 28.12.2004 № 1627, от 22.03.2005 № 329).

наших условиях «оппозиция» либо становится сервильной, лукаво провозглашая, что она критикует правительство, а не президента, хотя самостоятельного курса у правительства быть не может; либо радикально противопоставляет себя главе государства. Но ведь президент не только определяет и осуществляет политику в разных сферах жизни, но и гарантирует основы конституционного строя, конституционный порядок. Отсюда – возможность считать участников такой оппозиционной деятельности «врагами государства», «пятой колонной», «экстремистами» и т. п., что ныне и происходит.

Вне системы политической конкуренции государственный аппарат, т. е. служащие, подпадающие под действие законодательства о государственной службе, теряет одно из своих главных свойств, необходимых для устойчивости государства и обеспечения гарантий законности, – политическую нейтральность. Аппарат вынужден, ибо вся система отношений мотивирует его к этому, служить не обществу, не стране, а соответствующему патрону. Не случайно многие эксперты говорят, что у нас служба не государственная, а, как и прежде, государева. Любопытно, кстати, что большинство чиновников искренне не понимают разницу между этими понятиями. Большую часть общества и это не пугает: здесь как раз находит выражение традиционалистская логика – раз есть «главный начальник», то пусть ему и служат. Но при этом люди не учитывают, что такая служба, такая лояльность – мнимая, ибо аппарат, контролируемый «внутри властной вертикали», в реальности не только остаётся вообще без контроля, но и фактически контролирует самого президента. Последний получает информацию, препарированную аппаратом; объявляет о политических и социально-экономических приоритетах, определяемых аппаратом; вынужден полагаться на оценку эффективности решений, даваемую аппаратом. Наконец, в такой среде (в том числе в институтах государственного принуждения) аппарат попросту разлагается, поскольку коррупционные сети становятся вертикальными, захватывая все этажи государственного управления.

Институциональный персонализм неизбежно подавляет и самостоятельность судебной власти. Последняя, испытывая финансово-материальную зависимость от властвующей политической бюрократии, находясь под опосредованным давлением через судебное руководство, связанное зримыми и незримыми нитями с политическим руководством, и обладая фиктивными гарантиями от необоснованных репрессий за непослушание отдельных судей, перестаёт выполнять свою основную функцию – творение правосудия и превращается в «юридическое подспорье» политической власти.

ПОДВОДЯ ИТОГИ

Мои мировоззренческие единомышленники никак не могут согласиться с отстаиваемым мною выводом, что секрет консервации персоналистского режима кроется в конституционной конструкции, а не в особенностях личности лидера страны и не в особенностях нашего политического мышления. В каком-то смысле могу их понять. Нам, выросшим при отсутствии даже намека на конституционный строй¹, видевшим, что какие-то, хоть микроскопические, изменения возможны только с приходом нового вождя, действительно непонятно, как может «какой-то» документ обусловить поведение политических деятелей, а тем более «самого главного деятеля». Понятно, что такой конституционный детерминизм отвергается.

Я бы и сам еще несколько лет назад отверг такие объяснения. Однако, попытавшись разобраться с институциональными причинами и придя к выводу именно об их существенной, а лучше сказать – решающей роли, я могу понять, но никак не принять альтернативное объяснение того, что с нами происходит. Ибо эта альтернатива лежит в плоскости вечных и многим удобных аргументов, которыми в России всегда обставлялся страх перед её системным преобразованием: «не доросли», «не созрели», «народ не поймёт» и т. д. и т. п. Можно понять и этот страх: а вдруг преобразование породит хаос, а вдруг ничего не получится и при новой конструкции?

Отвечая на это, могу сказать, что, конечно же, «голый конституционный реинжиниринг» не даст ожидаемого демократического эффекта. Но речь шла только об одном аспекте преобразований – о необходимости ликвидировать условия, которые не дают вырвать Россию из горючей смеси патриархальности и постмодернизма. Только ликвидировав условия для персонализма, мы можем начать что-то выстраивать.

Ведь мы уже имеем доказательство того, что персоналистский режим в нынешних условиях объясняется отнюдь не личностными особенностями и мировоззрением лидера, а объективными условиями, в которые поставлена сама политическая система. Непредвзятый анализ показывает, что и во времена первого президента России правление, по сути, было таким же бюрократическим. Свидетельством нашей органической институциональной аномалии могут служить и крупнейшие государственные решения, принимавшиеся узкой группой политических чиновников, и внешне ничем не оправданные отставки почти всех кабинетов, и публич-

¹ При этом многие на полном серьёзе рассуждают о том, что, мол, сталинская или брежневская конституции были вполне демократическими, вот только не соблюдались.

ная непредсказуемость назначений на высшие должности в исполнительной власти, и, наконец, сам характер «передачи» президентской должности в 1999/00 году.

Конечно, та легислатура *стилистически* больше соответствовала представлениям о демократии. Но только стилистически, ибо, как и сегодня, критически настроенные в отношении президентского курса политические силы практически не допускались в «святая святых» — к определению и проведению реальной политики. Как и сегодня, не было нормальной политической конкуренции. Как и сегодня, административная власть контролировала саму себя, «информационные войны» не демонстрировали влияние СМИ, а лишь оттеняли бюрократический характер контроля, ибо апелляции предназначались не для общества, а для кланов вокруг «первого лица». Как и сегодня, пусть и либерально настроенная, но всё же бюрократия готовила для президента основные вопросы «повестки дня». Да, Государственная Дума времён президента Б. Н. Ельцина не была откровенно сервильной, как нынче. Но опять-таки дело тут лишь в стилистике, а не в принципе. Тем более что и тогда предпринимались попытки превратить Думу в послушный инструмент. А их неудача объясняется иссякшим к середине девяностых политическим ресурсом президента, но никак не торжеством принципов демократии.

Вот почему настоящая работа — ещё одна попытка доказать, что *от личности главы государства и его популярности зависит лишь степень силы или слабости персоналистского режима, но не его суть*. В какие условия ставятся политики и чиновничество — такие общие результаты мы и получаем. Нынешние институциональные условия будут и впредь формировать только бюрократию.

Каков же выход? На первый взгляд, он вроде бы лежит на поверхности: *президент должен сам быть представителем какой-либо партии, и тогда политическая ответственность будет реализовываться в ходе президентских выборов*. Допустим. Хотя не случайно ни первый, ни второй президенты не хотели себя связывать членством в какой-либо партии, позиционируясь как «президенты всех россиян», но влияя на партии из-за кулис. Что же всё-таки произойдет в таком случае?

Усугубится противоречие между двумя названными сверхзадачами президента, ибо институт, призванный к политическому арбитражу, окажется еще и формально партийным, т. е. «судья официально будет играть на стороне одной команды». Это происходит и сейчас, но не так открыто для общества. Парламентские выборы станут ещё более бессмысленными, ибо партийный мандат президенту при его полномочиях и отсутствии системы сдержек и противовесов окончательно избавит его от необходи-

мости считаться с мандатами всех других партий. Короче, даже при партийном президенте принципиально ничего не изменится, а противоречия лишь усугубятся.

Тут оппоненты резонно могут сослаться на французскую политическую систему. Действительно, президент Французской Республики традиционно представляет конкретную партию или блок партий и при этом является сильным политическим игроком. Тем не менее во Франции деятельность главы государства всё же сдерживается другими ветвями власти, что заставляет, в случае разнопартийного президента и премьера, искать компромисс либо выходить из кризиса путём досрочных парламентских выборов. Но и на это глава государства может пойти фактически лишь с согласия основных политических игроков: после консультаций со спикерами палат и премьер-министром, когда каждая из сторон считает, что исход выборов может оказаться положительным для неё.

Почему же такое невозможно в России? Потому что, когда популярный лидер Шарль де Голль в сложных политических условиях инициировал конституционную реформу, она привела в 1958 году к созданию Пятой (!) республики. То есть во Франции уже более ста лет действовала политическая конкуренция, породившая такие институты, как оппозиция, устойчивые электоральные ядра, влиятельная пресса, политическая ответственность, судебная независимость и т. п. Французы не испугались наступления авторитаризма, поскольку к тому времени политика во французском обществе не воспринималась как безраздельное господство одной партии и тем более одной фигуры. При таком состоянии политический маятник не возносит к власти клан и его патрона, а только меняет роли: ты властвуешь — я контролирую; я властвую — ты контролируешь. Именно поэтому взаимоотношения во французском властном треугольнике «президент — парламент — правительство» описаны не очень конкретно. Ведь Конституция тут уже не призвана выполнять роль «инструкции по осуществлению власти» и быть главной гарантией от политического монополизма, ибо такая гарантия заложена в самом обществе.

У нас пока совершенно иные условия. Подчеркну: не наша «матрица», а именно конкретные условия, вытекающие из недавней истории. Эти условия, безусловно, требуют соотносываться с ними. Но не в смысле отсрочки демократического строительства под предлогом «неготовности общества» и тем более не отказа от него под предлогом «нашего особого пути». У каждого государства и без того всегда *свой* путь, но у нас «особый путь» превращается в «особые цели». Соотносываться с условиями нужно в смысле создания очень конкретной и при этом ювелирно сбалансированной системы построения власти и отправления властных

функций. Только когда и если это произойдет, в России появятся ответственные партии с ответственными лидерами во главе, устойчивые электоральные группы, политика из цезаристской превратится в компромиссную, а оппоненты в свою очередь не станут перебегать всякий раз в лагерь победителей, к «статусному корыту» или, наоборот, маргинализироваться, а будут сознавать свою ответственную миссию оппозиции.

* * *

Мы, сами того не замечая, по-прежнему, т. е. архаично, воспринимаем демократию как мажоритарность, преклоняемся перед понятием большинства. Порой это понимание довлеет над политиками и над многими избирателями даже в развитых демократиях. Между тем магистральный путь представляется иным. Рискну назвать строй, который в гораздо больше степени оберегает от персонализма, *легократией*, т. е. властью закона, что, разумеется, не имеет ничего общего с «диктатурой закона».

И это не так банально, как может показаться. В 1910 году замечательный русский юрист А. С. Алексеев, возражая немецкому классику правовой мысли Г. Еллинеку, утверждавшему, что народ в республике является высшим суверенным органом, писал: «В правовом государстве **не существует ни суверенной власти, ни суверенного органа, а существует лишь суверенный закон.** Этот же закон не является предписанием того или иного учреждения — монарха или парламента, — а представляет собою результат сложного юридического процесса, в котором принимают участие несколько органов, и притом в степени и в формах, установленных конституцией. Постановление ни одного из этих органов само по себе не создает обязательных правовых норм, а производит юридический эффект лишь под условием его согласованности с постановлениями других органов. **Ни один из таких органов в процессе правотворчества не занимает преимущественного пред другими положения;** все они между собою координированы в том смысле, что участие каждого из них одинаково необходимо для того, чтобы закон получил юридическую силу»¹.

¹ Алексеев А.С. К вопросу о юридической природе власти монарха в конституционном государстве. Ярославль, 1910. С. 67–68.

Часть 1. Фатален ли персоналистский режим в России?

Этот принцип достоин того, чтобы распространить его и на всю политическую жизнь. И тогда политика, в гораздо более полной мере сделавшись результатом компромиссов и солидарности, будет надежной гарантией как против нигилизма, так и против монополизма власти.

Январь 2006 г.

ЧАСТЬ 2

ОБСУЖДЕНИЕ СТАТЬИ

«ФАТАЛЕН ЛИ ПЕРСОНАЛИСТСКИЙ РЕЖИМ В РОССИИ?»

После публикации статьи на сайте Фонда «Либеральная миссия» (<http://www.liberal.ru/>) состоялось её обсуждение группой экспертов. На обсуждение были вынесены следующие вопросы:

1. Правомерно ли утверждать, что персоналистский режим для России исторически и культурно предопределён и безальтернативен? Насколько сложившаяся в стране институциональная политическая система и, шире, тип государственности соответствуют нынешнему состоянию политической культуры и интересам российского политического класса и общества, его различных групп?

2. Можно ли говорить об устойчивости и эффективности этой государственности, её способности отвечать на современные внешние и внутренние вызовы?

3. Обеспечивают ли нынешняя политическая система и персоналистский президентский режим движение к правовой государственности или блокируют его? Если блокируют, то кто может инициировать такое движение, стать его субъектом?

4. Какие институциональные изменения необходимо осуществить для трансформации нынешней государственности в правовую?

В дискуссии, помимо автора, участвовали:

1. *Зудин Алексей Юрьевич* – кандидат политических наук, доцент кафедры публичной политики ГУ – ВШЭ, заместитель заведующего кафедрой по научной работе, руководитель Департамента политологических программ Центра политических технологий.

2. *Лапкин Владимир Валентинович* – старший научный сотрудник ИМЭМО РАН.

3. *Сатаров Георгий Александрович* – президент фонда «ИНДЕМ».

4. *Шаблинский Илья Георгиевич* – доктор юридических наук, профессор кафедры публичной политики ГУ – ВШЭ.

5. *Шевцова Лилия Федоровна* – доктор исторических наук, профессор, ведущий исследователь Московского центра Карнеги.

6. *Яковенко Игорь Александрович* – генеральный секретарь Союза журналистов России.

Вёл обсуждение вице-президент Фонда «Либеральная миссия» *Клямкин Игорь Моисеевич*.

Игорь Клямкин:

Вопрос о реформировании политической системы и переходе к формированию правительства парламентским большинством, еще несколько месяцев назад поднимавшийся даже лидерами «Единой России», был снят президентом Путиным на его январской пресс-конференции с политической повестки дня. Снят с этой повестки и вопрос о реформировании российской государственности в целом — кремлевские идеологи и политтехнологи насаждают в обществе мнение, что все необходимое в данном отношении Путиным уже сделано. Тем не менее существует более чем достаточно весомых аргументов, ставящих под сомнение стратегическую устойчивость и эффективность постсоветской государственности в России. Убедительное подтверждение тому и статья Михаила Краснова.

На обсуждение выносятся четыре вопроса. Первые два касаются особенностей российской политической системы и нынешнего политического режима, исторических и культурных причин их возникновения, их эффективности и устойчивости. Поэтому эти вопросы можно объединить и обсуждать одновременно. Другие два вопроса касаются путей, способов и направленности трансформации этой системы и этого режима, а также субъектов, в такой трансформации заинтересованных. Эти вопросы в ходе обсуждения тоже можно объединить.

Алексей Зудин: «Попытка второго издания “государства развития”»

Хотя Игорь Моисеевич и объяснил, почему трансформация существующего политического режима сделана предметом обсуждения, лично для меня осталась некоторая неясность. Проблема сама по себе в высшей степени актуальна. Но одновременно почему-то утверждается и обратное, причем со ссылкой на то, что «Единой России» указали на более скромное место, чем то, на которое рассчитывал Олег Морозов. Еще есть упоминание каких-то неназванных кремлевских политтехнологов. Ну и что, что они что-то говорят, — у них работа такая. На мой взгляд, наоборот, трансформация существующего режима неизбежна, и это является прямым следствием отказа главного игрока от третьего срока. Весь режим центрирован даже не на институте, а на личности, не на президентской власти, а на конкретном действующем президенте Путине. Михаил Краснов абсолютно прав, когда ставит вопрос о персоналистском режиме. Если действующий президент, руководствуясь теми или иными соображениями, решил уйти со своего поста, вся конструкция просто «подвисает» и неизбежно будет трансформироваться. И в этом смысле постановка вопроса совершенно оправданна и своевременна.

Конечно же, персоналистский режим в том виде, в котором он сложился к настоящему времени, не является ни безальтернативным, ни тем

более культурно предопределенным. Особенность нашей культуры, в широком социологическом смысле, состоит в том, что там можно найти представления и ценности, которые могут стать опорой для движения по самым разным политическим траекториям. В то же время, не будучи ни безальтернативным, ни культурно предопределенным, становление персоналистского политического режима было достаточно закономерно. В 1990-е годы сначала западные, а потом и российские авторы много говорили о низком уровне институционализации в России. О том, что, возможно, определяющей чертой нашей трансформации, в отличие от трансформации у соседей на Западе, являются очень слабые институты. Свято место пусто не бывает, а то, что заняло место слабых институтов, называли по-разному: «неформальные отношения», «теневые практики», «персоналистские сети». Другими словами, сами по себе учреждения, организации, институты по большому счету значения не имеют, имеет значение конкретная сила тех конкретных людей, которые в данный момент эти организации, институты и так далее возглавляют. Сочетание слабого общества со слабым государством — в этом наша особенность. Низкий уровень институционализации был важнейшей характеристикой не только системы власти, но и формирующихся политических партий и групп интересов. Слабые институты были характерны для полицентрического режима Бориса Ельцина, а при Владимире Путине превратились в определяющую характеристику нового моноцентрического режима.

Конечно, такой режим по определению устойчивым быть не может. Но, как мне кажется, в настоящее время он не рассматривает себя в качестве окончательного. Более того, рискну утверждать, что персоналистский режим с самого начала не рассматривал себя как нечто окончательное. Политическое развитие последних шести лет не вполне адекватно рассматривать через призму одной политической реформы, которая началась после 2000 года и была легализована задним числом только после Беслана. Содержанием этой реформы было формирование моноцентрического режима — политическая централизация, концентрация политической власти в Кремле и превращение действующего президента в доминантного политического игрока. Но есть основания говорить не об одной, а о двух политических реформах. Вторая началась немного позже первой, ее начало можно датировать принятием в 2001 году закона о политических партиях, инициатором которого была Администрация Президента. Эта реформа существенно отличается от предыдущей по своей направленности: если первая укрепляла персоналистский политический режим, то вторая создавала условия для деперсонализации власти; если первая реформа осуществила демонтаж ельцинского режима, то вторая, предположительно, закладывает основы нового режима, который пока

еще не создан. Путинский персонализм отличается откровенной переходностью и ничем, кроме переходного, быть не может. В этом отношении он не может быть устойчивым и не в состоянии быть эффективным. Другое дело, учитываем мы наличие этой второй реформы или нет? Вот в чем вопрос.

Когда я говорю об альтернативах, я имею в виду реальные, а не нормативные политические модели. Так вот, по моему мнению, все альтернативы персоналистскому режиму носили откровенно недемократический характер. Одной альтернативой было закрепление состояния политической системы конца 1990-х годов. Ее называют, может быть не вполне удачно, олигархической. Другая альтернатива – различные варианты откровенного авторитаризма. Эти сценарии продолжают сохранять актуальность. Но сейчас, как мне кажется, делается попытка переориентации на новую модель, которую условно можно назвать «государством развития». Какое-то время назад казалось, что время подобного рода конструкций прошло, потому что постиндустриализм и глобализация очень сильно поменяли и внутреннюю среду, и внешний контекст.

Традиционное «государство развития» выполняло две основные функции: экономический рост вместе с модернизацией структуры экономики и социальную интеграцию. Сейчас выполнение обеих функций невозможно. И тем не менее на Западе происходит возвращение к этой идее. Причем речь идет не о старом «государстве развития», а о его модификации. В качестве синонимов употребляются понятия «государство как брокер развития» и «государство конкуренции». Идея состоит в том, что государство возвращается как осмысленная сила, которая пытается каким-то образом влиять на экономическое развитие. В отличие от старой модели главная функция государства состоит в том, чтобы встраивать наиболее перспективные куски национальной экономики в глобальный рынок. Потому что стихийная интеграция не всегда может устраивать и политический класс, и основную часть граждан.

Мне представляется, что по совокупности признаков у нас предпринимается попытка второго издания «государства развития». Насколько это получится – другой вопрос, хотя и самый главный. Потому что, с одной стороны, есть запрос, а с другой – ресурсов, которые могли бы обеспечить вписывание российского развития в эту модель, недостаточно. И самая главная проблема – это качество государственного аппарата.

Игорь Клямкин:

Мне показался интересным тезис о том, что нынешний российский режим заведомо ситуативный, привязанный к конкретному персонажу и он неизбежно будет меняться вместе со сменой персонажа. Из этого сле-

дует, что сложившаяся в стране политическая система предоставляет президенту достаточно широкое поле для режимных трансформаций. Так ли это? И от чего зависит направление таких трансформаций? Только от политических установок того, кто приходит к власти? Или существует системная логика и системные ограничители, президенту не подвластные? Короче, прошу обратить внимание на этот тезис А. Ю. Зудина.

Лилия Шевцова: «Персоналистский выход из персоналистского режима невозможен»

Я считаю, что наш друг и коллега М. А. Краснов написал очень своевременную и смелую работу. Несомненно, своевременным является и обсуждение, которое организовал Игорь Моисеевич Клямкин. Почему я подчеркиваю факт своевременности? Да потому, что мы в России, как обычно, отстаем от мирового дискурса по стратегическим вопросам развития. Обсуждаем частности, следим за муравьиной возней на политической сцене и упускаем главное – концептуальные проблемы посткоммунистической трансформации, и в первую очередь трансформации России, ее будущей роли в мире и зависимости этой роли от эволюции российской системы.

Каждый из нас в какой-то степени следит, конечно, за последними статьями в транзитологической литературе, в журналах типа *Journal of Democasy*. Так вот, можно увидеть, что аналитики вновь, по прошествии 15–20 лет после начала посткоммунистических транзитов, начали размышлять о том, что в этих транзитах было неизбежного, что – случайного и что было определено субъективными факторами и обстоятельствами. Многие исследователи вынуждены пересмотреть свои прежние выводы относительно этих транзитов. Так, немало бывших советологов вынуждены сегодня по-иному взглянуть на развитие новой России, и большинство из них корректируют свои прежние позиции в сторону большего пессимизма.

Я бы обратила внимание на то, что наблюдатели, которые размышляют о России, придерживаются, как правило, двух разных точек зрения.

Одни, назовем их упрощенно «фаталистами», полагают, что Россия достойна того, что имеет, что она заслужила ту систему и то государство, которые появились в последние годы, и что российское общество не созрело для большей демократии. Нужно продвигаться вперед постепенно, шаг за шагом – именно так и делали развитые демократии, убеждают «фаталисты». Именно они говорят об исторических традициях и культурных препятствиях, которые осложняют более решительный прорыв России к новой цивилизационной парадигме. Не стоит упоминания то, что это любимая позиция кремлевских пропагандистов, которые считают,

что Россия и так двигалась слишком быстро в демократическом развитии, а теперь ей нужно «отдохнуть» и сконцентрироваться.

Другие, назовем их «инженерами», следом за Джузеппе ди Пальма и другими основателями теории более активного демократического прорыва, полагают, что, несмотря на отсутствие определенных предпосылок демократизации, Россия могла продвинуться гораздо дальше по пути либерально-демократических реформ, чем она сделала. Отмечу, что «инженеров» на российской сцене гораздо меньше, совсем мало. В зарубежной науке и политике часть «инженеров», т. е. сторонников более активного продвижения демократии, признаюсь, дискредитировала себя тем, что поддержала эксперименты с продвижением демократии в арабском мире, и мы знаем, чем такие эксперименты закончились в Ираке.

Я не хочу вдаваться в подробности спора между «фаталистами» и «инженерами», а хочу лишь заметить, что внимание исследователей вновь обращено к посткоммунистической трансформации и тому, что в результате этой трансформации получилось.

К сожалению, дискуссии вокруг российской демократизации нередко кончаются констатацией того факта, что в «России не получилось» и «Россия развернулась в противоположном направлении». Но о причинах того, почему «всё не так», мало кто задумывается. А если кто и задумывается, то его выводы не кажутся убедительными. В западных политических кругах в ситуации того замешательства, которое возникло вокруг российского вектора, всё больше усиливается скептицизм относительно перспектив демократизации России, так же как десять лет тому назад в этой среде превалировал неоправданный оптимизм по поводу наших реформ. В конкретной политике этот скептицизм ведет к своего рода прагматизму, который заключается в имитации со стороны Запада партнёрства с Россией и фактической поддержке в России любой стабильности, даже стагнирующего типа. Создаётся впечатление, что Запад махнул рукой не только на Россию, но и на все постсоветское пространство. В этом контексте попытка М. А. Краснова возобновить дискуссию о том, насколько неизбежным было российское развитие после падения коммунизма и что можно было сделать по-другому, исключительно полезна. Сама эта попытка заставляет нас задуматься, с высоты имеющегося опыта поражений и разочарований, о том, были ли мы безнадежны в 1990-е годы либо нет.

Полностью согласна с основным тезисом автора о том, что конституционно-правовая конструкция в какой-то момент обязательно приобретает свою логику и инерцию. И кто бы ни был в Кремле, вне зависимости от его установок и настроений, персоналистский фактор начинает работать на интересы самой конструкции, если её логику не удалось изменить в самом начале. То, что я сегодня вижу, наблюдая за эволюцией российского поли-

тического режима и российской системы, заставляет меня прийти к выводу, что персонализм является средством осуществления интересов правящей корпорации, как бы мы эту корпорацию ни назвали — система, государство либо режим. Да, в начале «цепочки» именно вынесенное наверх и не подконтрольное обществу единоначалие создает политическую и правовую конструкцию. Но уже вскоре единоначалие теряет над ней контроль и начинает подчиняться её законам.

Другой вопрос — возможен ли персоналистский выход из персоналистского режима? Автор считает, что да. Я в этом не уверена. Не исключаю, что можно представить себе случаи, когда носитель персонифицированной власти осознанно начинает её демонтировать и открывает окно для дегерметизации общества, за которой следует либерализация и затем построение основ демократической системы. Именно так действовали испанский реформатор Суарес и южноафриканский реформатор де Клерк. Но, во-первых, такой прорыв делали те, кто не строил режим персонифицированной власти, кто его унаследовал и начал тяготиться им. Во-вторых, системщики, которые стали антисистемщиками, начали демонтировать свои режимы, когда последние себя полностью исчерпали. Может ли эта история повториться на каком-то витке в России?

Говоря иначе, может ли сам авторитарный Субъект стать могильщиком своей Моносубъектности? Для меня этот вопрос остается открытым.

Несколько замечаний по ходу дискуссии. Прежде всего, мне хотелось бы высказаться по вопросу о предопределенности и альтернативности в посткоммунистической России. Перечислю несколько факторов, которые явно играли против формирования в России плюралистической и состязательной системы. Начну с того, что в России до падения СССР не было попыток реальной «декомпрессии» режима, которые имели место в 1950–1970-е годы в других коммунистических странах — в Венгрии, Польше, ГДР, Чехословакии. Давайте отметим и то, что в России впервые в мировой истории была осуществлена попытка провести одновременно три революции: создание рыночной экономики, создание демократического режима и реформирование геополитической роли, т. е. формирование новой модели внешней политики. Не менее важно и то, что Россия принадлежит к тем редким странам (наряду с Югославией и Чехословакией), где одновременно проводились совершенно разноплановые реформы — формирование государства одновременно с попыткой формирования демократического режима. Подавляющее число мировых наблюдателей считают, что это совмещение невозможно в принципе. Лишь один Лейпхарт полагает, что это возможно, указывая на успешный опыт Чехословакии. Но ведь существует и совсем драматический опыт совмещения государственного строительства и демократиза-

ции — опыт Югославии. Наконец, мы имеем дело с трансформацией ядерной сверхдержавы. Никакого исторического опыта такого рода преобразований не было. Именно этот фактор сегодня наиболее серьезно блокирует переход России к плюралистической системе. Словом, это всё препятствия, которые осложняли и осложняют осуществление либерально-демократического проекта в России.

Но одновременно присутствуют и факторы, которые создавали благоприятные условия для разрушения логики фатализма, о чем говорил А. Ю. Зудин. Среди этих факторов — фактор существования опыта посткоммунистической трансформации в странах Восточной Европы, которые к тому моменту, когда на путь реформ встала Россия, уже научились находить консенсус по вопросам реформ через проведение круглых столов, формировать независимые институты даже при поддержке прежних компартий. Ельцинская команда могла бы использовать этот опыт, который говорил о том, что вначале нужно проводить политическую и конституционную реформы, а потом все остальные. Если бы мы соизволили заметить опыт других трансформаций, он мог бы нас кое-чему научить. Однако мы этот опыт проигнорировали. Мы его даже не заметили, что свидетельствует о том, в какой степени наша правящая элита была концентрирована на собственных проблемах. Впрочем, и весь российский политический класс не был готов рассматривать имеющийся опыт демократического прорыва, видимо, считая Россию особым случаем. Словом, когда Россия избирала свой вектор в начале 1990-х годов, она оказалась совершенно вне мировой дискуссии и мирового контекста.

Отметим и фактор огромнейшей популярности Ельцина и его поддержки в обществе в начале 1990-х годов, что также могло помочь хотя бы нейтрализовать вышеупомянутые препятствия на пути демократизации. Напомню и о стремлении мирового сообщества облегчить для нас муки рождения новой системы. Конечно, были и попытки отдельных стран и отдельных сил использовать российскую слабость для того, чтобы вытеснить Россию из ее прежних ниш. Но было и сочувствие, и желание помочь России встроиться в западную систему. Международный фактор, как показал опыт Центральной и Южной Европы, мог компенсировать отсутствие недостающих предпосылок демократизации.

Наконец, ещё один фактор — это фактор лидерства. Существует масса литературы и немало авторов, в частности ди Пальма, Хиршман, Шмиттер, которые считают, что совершать демократический прорыв и обеспечивать гарантии его необратимости можно и при отсутствии основных предпосылок и условий для демократизации. Но для этого нужно трансформационное лидерство. В качестве примера можно упомянуть восточноевропейские страны — в Польше и Венгрии ощущение правящей ко-

мандой своего лидерства и своей миссии компенсировало отсутствие необходимых предпосылок трансформации. Что касается России, то у нас факторов прорыва оказалось недостаточно для того, чтобы нейтрализовать блокирующие факторы, и в результате мы пришли к тому, что А. Ю. Зудин назвал «закономерностью», а я называю упущенным шансом.

Отражают ли система, режим, государственность, которые оформились в России, чьи-либо интересы? Несомненно, да. Мне кажется, они отражают заинтересованность подавляющей части политического правящего класса и части общества в сохранении стагнирующего статус-кво. Любопытно и занимательно то, что в рамках тех социальных групп и слоев, которые поддерживают стагнирующее статус-кво, мы можем найти представителей самых разных политических и идеологических ориентаций: компрадоров, изоляционистов-почвенников, либералов-технократов и умеренных государственников, — отдельные их интересы могут не совпадать, но стратегически все они заинтересованы в сохранении статус-кво.

Теперь об устойчивости системы. Я не буду повторять то, что говорил в статье М. А. Краснов и о чем размышлял А. Ю. Зудин. Замечу лишь, что существует ряд ситуативных факторов, которые в принципе облегчают сохранение стабильности и поддерживают устойчивость такого типа конструкции, однако в любой момент могут начать работать против стабильности, фактически подрывая ее. К этим факторам следует отнести, например, высокую цену на нефть, консенсус среди правящего класса относительно статус-кво, президентскую «вертикаль». Но заметьте, что нефть в любой момент может сыграть ту роль, которую она сыграла в 1986 году, когда произошел шестикратный обвал мировых цен. Поддержка правящим классом статус-кво ситуативна и не содержит в себе элементов устойчивости — в первую очередь, отсутствует согласие относительно национально-государственных интересов и базовых ценностей развития. Следовательно, наша власть в поисках ежеминутного выживания не может предвидеть те обстоятельства, которые возникли, например, в результате газового конфликта в Украине, приведшего к подрыву идеи Путина о «России как энергетической сверхдержаве». Что касается пресловутой «вертикали», то ликвидация независимых институтов, по сути, выталкивает протест в несистемное и антисистемное поле.

Таким образом, сама система возбуждает и стимулирует протестные настроения, направленные против нее самой. Следовательно, ситуативные факторы стабильности весьма ненадежны. Одновременно есть и системные факторы, которые в гораздо большей степени подрывают устойчивость и стабильность возникшей в России системы. Среди этих

факторов я назову, пожалуй, три. Первый – это системный конфликт между персонифицированной властью и демократическим способом ее легитимации, т. е. между несовместимыми принципами. Второй – это конфликты, которые порождаются тенденцией к формированию бензинового или нефтяного государства («петро-стейт»), со всеми его характеристиками. Третий фактор – Россия всё больше возвращается к традиционалистской политике, от которой Европа и либеральная цивилизация начинают отказываться. Это опора на суверенитет, территорию, военную и ядерную мощь, т. е. средства «жесткой власти» (hard power). А в это время по крайней мере Европа разрабатывает другую модель политики, основанную на договоренностях, компромиссах, диалоге, опоре на культурные ценности, на элементы привлекательности образа жизни, словом на soft power. На этом фоне Россия может стать тем, чем сейчас стала арабская цивилизация, – догоняющей цивилизацией и одновременно фактором сохранения мирового традиционализма.

Недавно в своей статье министр иностранных дел Сергей Лавров сделал попытку отказаться даже от той весьма аморфной формулы многовекторности, которая обосновывала российское сотрудничество с Западом, заявив, что Россия не может принадлежать ни одной (!) цивилизации и будет претендовать на роль моста между ними. Собственно, в который уже раз мы имеем попытку обосновать «особый путь» России.

И последнее. В любом случае уже сейчас, несмотря на то что западная цивилизация согласилась иметь Россию в роли своего сырьевого придатка, Запад начинает размышлять о России как о новом глобальном вызове. Пока, правда, этот вызов для Запада не столь актуален, как, скажем, исламская цивилизация, особенно радикальная её часть. Но сам факт появления настороженности Запада по отношению к России заслуживает внимания. В этом контексте я хочу упомянуть о Всемирном экономическом форуме в Давосе – он не играет прежней роли в формировании умонастроений российской элиты и перестал быть для неё важным событием. Но он остается важным событием для элиты мировой. Пока в мире нет другого дискуссионного клуба, который мог бы в таком концентрированном виде представлять основные тенденции и основные опасения Запада по поводу этих тенденций.

Так вот, на последних форумах мировая политическая и экономическая элита изучала основные политические, экономические, геополитические риски для мира на ближайшую и отдаленную перспективу. И если в 1990-е годы Россия перестала быть глобальным вызовом и фактором риска для мирового сообщества, то после «газовой войны» с Украиной Россию вновь стали рассматривать в этом качестве. Запад начинает серьезно прорабатывать сценарий развития России как фактора глобальных

рисков и вызова для мирового сообщества. Между тем исход упомянутых событий в Украине российский политический класс почему-то считает своей победой, в чём можно усмотреть неадекватность самовосприятия российской элиты.

Игорь Клямкин:

Обозначились два, на мой взгляд, взаимоисключающих подхода. С одной стороны, А. Ю. Зудин фиксирует тенденцию к формированию «государства развития», с другой – Л. Ф. Шевцова говорит о государстве стагнирующего статус-кво.

Лилия Шевцова:

Я бы хотела добавить, что после завершения нынешнего политического цикла в 2007–2008 годах путинский режим, несомненно, будет трансформироваться в новый политический режим, в этом я согласна с А. Ю. Зудиным. Но и этот новый режим, при условии сохранения нынешних принципов упорядочивания власти, станет способом сохранения единовластия. Мы имели возможность наблюдать смену ельцинского режима на путинский, смену форм лидерства. Но эта смена, т. е. отрицание предшествующего лидерства, оказывается эффективным средством сохранения всё той же персонифицированной власти.

***Георгий Сатаров:* «Демократия – это способ случайной игры с неопределённым будущим»**

Нынешний российский режим мыслил себя как «государство развития» в момент своего зарождения, причём мыслил достаточно своеобразно: одновременно и как субъект, и как объект развития. Вот в чём была причина его превращения, довольно быстрого, в режим ситуативный. Предполагалось, что государство должно развиваться силами государства и по единственному возможному проекту, который задает само это государство. И такая философия смыкается с понятием персоналистского режима. Я хотел бы рассмотреть ту грань проблемы, которая в обсуждаемой статье не рассматривается. Я имею в виду не институциональный фактор, а фактор общественного сознания. И вот в каком аспекте.

М. А. Краснов ссылается на мои слова о демократии как институализированной случайности. Я хотел бы эту мысль уточнить. Что такое демократия? Это способ случайной игры с неопределённым будущим. Из теории игр мы знаем, что против случайной стратегии противника оптимальна только случайная же стратегия. Нет дарвинистских стратегий, которые выигрывают у случайной стратегии. Таким образом, если будущее не предопределено, если оно неопределённо, случайно, если мы не можем его предсказать и т. д., то оптимальная стратегия в игре с будущим – это случайная стратегия. Эту институализированную случайность обес-

печивает демократия. И именно потому наши российские выборы нельзя считать демократическими, что их исход предопределен.

За этой практикой просматривается тысячелетняя рационалистская христианская позиция предопределённости будущего. Но если будущее известно, то должен быть фиксируемый носитель того, что известно, на которого мы перекладываем ответственность за это знание. Это может быть персона, «единственно верное учение», всё что угодно. Ему известно — пусть ведёт. Очень удобно. Но именно это и есть тот самый цивилизационный тупик, который отвергает возможность случайной игры со случайным будущим.

Режим всегда «говорит», что он знает будущее и ведёт нас туда. Однако в какой-то момент выясняется, что обещанное будущее входит в конфликт с настоящим, так как обещания оказываются невыполненными. Советский конфликт состоял в том, что носители обещаний своих обещаний не выполнили, постсоветский конфликт — в том же самом. Демократы не выполнили своих обещаний, и демократическая система была отвергнута, как до того коммунистическая, потому что мы привыкли вместе с олицетворяющими систему людьми отторгать и саму систему. Это простой способ объяснения разочарований: вы — сволочи, которые неправильно обещали нам будущее в рамках этой системы, потому ваша система никуда не годится.

А дальше совсем грустно. Путин, как известно, сказал, что жизнь на самом деле очень простая штука. Когда всё сложно и абсолютно непонятно, человеку, которому сложное видится простым, конечно, хочется верить. При этом обратите внимание, какой ошибки избежал Путин: он не рисовал идеальной модели будущего для граждан, только для государства. У него «государство развития» — это государство в узком смысле: «вертикаль власти». Не граждане, не их развитие, не их возможности это развитие самостоятельно осуществлять. В такой ситуации рано или поздно граждане поймут, что они не «субъект» и не «объект». То есть последние пару лет они уже начали понимать, что они — не объект внимания и заботы, но это не очень их пока смущает, поскольку есть вера в человека, который сказал, что жизнь на самом деле очень простая штука. А вот когда выяснится, что они и не субъект, тут уже будет полный, как говорится, атас.

Михаил Краснов:

Статья-то не о Путине и не о его режиме.

Георгий Сатаров:

Но она о том, что любой на его месте тоже скатился бы в персоналистский режим. Я почти согласен с выводом, но не во всем согласен с обос-

нованием. Меня не устраивает обоснование чисто нормативное, поскольку нормы и институты отражают состояние общества.

Игорь Яковенко: «Искать корни персоналистского режима только в Конституции — значит впасть в юридический фетишизм»

Я, как давний поклонник М. А. Краснова, получил огромное наслаждение от чтения его статьи и хотел бы зафиксировать два ее достоинства. Во-первых, потрясающая научная добросовестность, а во-вторых, высокая информативность. Однако оба эти достоинства позволяют очень легко выделить и основные недостатки текста. Остановлюсь на двух, на мой взгляд, самых важных.

Первый я бы назвал юридическим и правовым фетишизмом. Цель исследования — проанализировать, понять причины постоянного воспроизводства в нашей стране авторитарного режима, а метод исследования — юридический анализ текстов. Это абсолютно неадекватный метод для решения данной проблемы. В силу того что общество вообще, а российское общество в частности основано на принципе полинормативности, любые социальные отношения регулируются набором разных нормативных систем — тут и корпоративные нормы, и политические, и нормы традиций и т. д. При этом правовые (юридические) нормы далеко не базовые и не единственные, а уж в России точно не базовые. Кроме того, особенность России заключается в чрезвычайно низкой степени автономности правового поля вообще. Примеров можно приводить множество. Ни в одной системе, где правовое поле обладает хотя бы минимальной степенью автономности, т. е. защищенности, невозможно было бы назначить на одну из высших юридических должностей в стране (председателя Арбитражного Суда) человека, который ни минуты не работал судьей. Поэтому правовой анализ нынешней ситуации должен быть последним, а не первым.

Второй недостаток — это идея о том, что «клин клином вышибают», что персоналистский режим может быть преодолен персоналистским же режимом. Мне эта идея кажется чрезвычайно спорной, если не сказать неверной. Это из области чуда, из области синдрома барона Мюнхгаузена.

Теперь о том, предопределен ли и безальтернативен ли персоналистский режим для России. Совершенно очевидно, что можно вести разговор лишь о степени предопределенности и безальтернативности. Глубокая укорененность в России персоналистского авторитарного режима очевидна. Но в то же время Россия — одна из самых непредсказуемых стран. Можете привести хоть один пример, когда какой-либо судьбоносный поворот в жизни нашей страны кем-нибудь был предсказан? Прогнозы типа Нострадамусовых, с возможностью их универсальной интерпретации, мы не рассматриваем.

Есть и еще одно обстоятельство. Любой персоналистский режим является по определению уникальным, «сделанным» под персоналию. Думаю, что нынешний наш персоналистский режим связан с его носителем не в меньшей и не в большей степени, чем сталинский режим был связан с личностью Сталина, а ельцинский — с личностью Ельцина. Вот, кстати говоря, еще один аргумент против конституционной обусловленности нашего персоналистского режима: сколько было сменено за последнее столетие конституций и к чему они привели? почему каждый раз возникает такая персоналистская Конституция авторитарного типа? Видимо, причина не в самой Конституции.

Мне представляется очень правильным рассуждение Г. А. Сатарова о непредсказуемости и неопределенности, но, на мой взгляд, оно нуждается в продолжении. Если отсутствуют рельсы, которые ведут из прошлого в будущее и, следовательно, возможны варианты, если существует свобода воли социального электрона, то где эта свобода воли «помещается»? Тут есть определенная ловушка, в которую попадают профессионалы. М. А. Краснов, будучи высочайшей квалификации юристом, попал в эту ловушку, избрав методом исследования юридический анализ. Многие высочайшего класса политологи, со своей стороны, выбирают методом исследования анализ политической элиты и ждут именно там проявления свободы воли политического и социального электрона. Я же глубоко убежден, что ждать и рассчитывать только на то, что вдруг, случайно, благодаря какому-то чуду произойдет смена политических элит, появится супердемократичный лидер, который изменит Конституцию и откажется от авторитарного персоналистского режима, — это значит ждать невероятного.

Очень интересен вопрос, насколько сложившаяся в стране институциональная политическая система и тип государственности соответствуют нынешнему состоянию политической культуры и интересам политического класса. Дело, однако, в том, что не политический класс как некая данность формирует определенный институциональный политический режим, а всё происходит ровно наоборот: сложившийся политический режим определенным образом формирует соответствующий ему политический класс. Обратите внимание, как стремительно изменился состав Государственной Думы, изменился тип депутата, более того, даже тип чиновника и тип криминалитета, доминирующий сегодня в стране. Криминальные структуры, характерные для середины 1990-х годов, вытеснены, и на наших глазах элита криминального мира мимикрирует под тот тип политического режима, который у нас сейчас существует.

Короче говоря, возможность трансформации заключена не в политическом классе, не в государстве — оно лишено способности к саморазви-

тию. Вероятность того, что при нынешнем механизме элитообразования, при нынешнем механизме государственного строительства во главе государства или в политическом классе окажется сколько-нибудь склонная к самореформированию структура, мне кажется, близка к нулю. В качестве смешного примера приведу тот государственный объект, который, в силу моих должностных обязанностей, находится в зоне моего пристального внимания постоянно. Это Министерство печати. Каждый (без единого исключения) новый министр, приходя, говорил о том, что Министерство печати необходимо реформировать, а затем ликвидировать. С этим приходил Полторанин, с этим приходил Лесин, с этим приходили все. И ни один из них палец о палец не ударил для того, чтобы реформировать объект собственного руководства. Ни один из них ничего не сделал для того, чтобы действительно ликвидировать это бессмысленное образование. Это так же невозможно, как для Мюнхгаузена было невозможно реально вытащить себя за волосы из болота. В государственных структурах нет никакой свободы воли социального и политического электрона. Она коренится совсем в другом месте.

Она коренится в тех институтах гражданского общества, в тех институтах общественного сознания, где формируются те социальные и интеллектуальные «приспособления», отсутствие которых отличает нас от развитых стран. Я считаю, что это иная философия истории. Я глубоко убежден в том, что судьбы истории всегда определяли те, кто изобретал эти самые социальные «приспособления», дававшие толчок развитию страны или изменявшие вектор этого развития. В России также свобода воли политического электрона не в политико-образующем классе, а в тех структурах, которые сегодня могут сформировать нормально действующую систему гражданского контроля над властью.

Власть устроена везде одинаково. Абсолютно убежден в том, что Уотергейтский скандал был возможен не потому, что Конституция Америки отличается от российской, а потому, что там существуют такие институты гражданского общества, как институт репутации, институт доверия, институализированная система гражданского контроля над властью. У нас сын министра мог сбить женщину и после этого продолжать процветать вовсе не потому, что правовая система такая плохая, а израильский начальник дорожной полиции ушел в отставку через 15 минут после того, как превысил скорость на пять километров в час, не потому, что такое поведение диктуется юридической нормой, а потому, что существуют абсолютно непреодолимые институты в общественном сознании и в гражданском обществе, которые просто не позволяют поступить иначе. Когда на глазах всего мира убивали НТВ, в нашем обществе не нашлось ни сил, ни механизмов, чтобы этому противостоять, отсутствовала мобили-

зующая сила. Так что переменная свободы воли находится в обществе, а не во власти, которая суть константа.

Игорь Клямкин:

И. А. Яковенко говорил о том, что анализировать заведомо неправовую систему в юридических терминах не очень корректно. И это так, если речь идет о системах типа советской, в которых верховная власть легитимируется не юридически, а другими способами. Но М. А. Краснов пишет о системе институтов, в которой власть, в том числе и высшего должностного лица, легитимируется именно юридически, т. е. конституционно. В такой системе многое зависит и от того, какими конституционными полномочиями тот или иной институт наделяется. Более того, от распределения полномочий зависит и характер самой системы. Если мы возьмем Конституцию РФ, действовавшую до 1993 года, то она узаконивала иную систему, чем Конституция нынешняя. И я бы не решился утверждать, что различие конституционных норм никак не сказывается на политической практике. Хотелось бы, чтобы критика соответствовала объекту критики – в данном случае, тому, о чем говорится в статье.

Владимир Лапкин: «Не решаясь на “революцию сверху”, власть провоцирует радикальную революцию снизу»

Позволю себе порассуждать о некоторых особенностях природы персоналистского режима. Оттолкнусь от важного тезиса М. А. Краснова о том, что, стремясь «обезопасить себя от антидемократического реванша путем институционального гипертрофирования президентского поста, общество прозевало другую опасность, создало все условия для всевластия бюрократии». Любопытно, что ключевой термин *общество* в данном случае используется как в известной мере противостоящий *населению*, так называемому *электорату*.

Действительно, как мы помним, в ситуации начала – середины 1990-х годов угрозу антидемократического реванша содержал в себе всенародно избираемый «охлократический» парламент, обладающий ресурсом демагогической апелляции к неразвитым политическим инстинктам постсоветских масс, от чьих «порывов», направляемых социальной демагогией против новых властно-собственнических элит, сформировавшихся в основном в ходе так называемой номенклатурной приватизации, и требовалось обезопасить «новое общество». Таким средством и стал гипертрофированный по своим полномочиям институт президентства. И именно «новое общество» выстроило под себя к середине 1990-х годов эту политическую систему.

Но вскоре система вошла в противоречие с интересами активной части более широких слоев населения, тех, кто в новых условиях принужде-

ния к хозяйственной автономии получил определенные возможности для самореализации. В результате мы наблюдали на рубеже 1990–2000-х годов появление персоналистского режима нового качества, который обрел уже известные черты бонапартизма, понимаемого как режим, претендующий на представительство интересов не столько олигархии, сколько атомизированного мелкого частного производителя-предпринимателя на той стадии его развития, когда сам он еще не в состоянии обеспечить механизм собственной политической консолидации. Политическая незрелость этого нового общественного слоя, по сути, и санкционировала процессы форсированной «персонализации» президентской власти, реализующей заложенные в российской политической системе возможности и стремительно возвышающейся над всеми прочими политическими институтами, не контролируемые этим пришедшим в движение массовым «народным» российским предпринимательством и потому непонятными ему и «бесполезными» с точки зрения его интересов. Об этой особенности природы нашего персоналистского режима стоит помнить всякий раз, когда мы пытаемся спрогнозировать его эволюцию.

Вместе с тем я хотел бы более внимательно рассмотреть условия формирования эффективной и устойчивой демократической системы. Проблема не сводится лишь к конструированию оптимальной институциональной структуры, обеспечивающей разделение и баланс властей. Решающую роль играет состояние общества и готовность его элит к диалогу и компромиссу при выработке политических решений, а это предполагает, соответственно, некий консенсус политической власти, бизнеса, гражданского общества, на основе которого формируются и Конституция, и институциональные формы политической демократии в стране. Но такой консенсус, в свою очередь, может сформироваться лишь на основе уже сложившегося в обществе элементарного правового порядка, т. е. только тогда, когда авторитет права преобладает в сознании и практике общества над авторитетом власти или по крайней мере реально претендует на такое преобладание.

Эта правовая основа политического консенсуса, формирующего основы демократического режима, имеет, в свою очередь, необходимой предпосылкой укорененность в обществе отношений частной собственности, или института частной собственности, который выступает в этом случае *основным* средством общественной консолидации и интеграции, средством формирующего политическое сообщество общения.

Иными словами, выстраивается некая последовательность обуславливающих друг друга факторов, когда демократия формируется на основе политического консенсуса власти и структур самоорганизации бизнеса и гражданского общества, а этот консенсус в свою очередь складывается на

фундаменте правовых отношений, возникающих по мере становления института частной собственности. Причём попытка выстроить верхние этажи этого здания, при отсутствии надёжного фундамента, грозит строителям и обществу в целом крупными историческими неприятностями.

Неспособность видеть эту проблему, этот фундаментальный изъян российского проекта модернизации ведёт к тому, что формально правильные институциональные формы насаждаются в России, невзирая на сохраняющиеся вопиющие лакуны в правовом и частнособственническом обеспечении этой модернизации. Приведу два весьма характерных, на мой взгляд, примера. Это, с одной стороны, отсутствие до сих пор сколько-нибудь полноценных кадастров земли и недвижимости в стране, а с другой – стремительное распространение феномена рейдерства как практики использования институтов судопроизводства в условиях неправового общества. Примеры эти из сегодняшней практики, но проблема возникла не сегодня, более того, её можно считать традиционной для России.

Так, в начале XX века в России один из основных социальных конфликтов был связан с сосуществованием общинно-передельных механизмов земельной собственности и формально-правового крупного частного землевладения. Симпатии тогдашней российской власти были, безусловно, на стороне последнего, в том числе и потому, что в нём виделась гарантия грядущего окончательного торжества принципа частной собственности на землю. Но роковое по своим историческим последствиям лукавство власти состояло в том, что, стремясь избежать обострения социального конфликта, она «другой рукой», или, как сказали бы сегодня, «в рамках проводимой социальной политики», длительное время поощряла общинно-собственнические иллюзии крестьянства, пребывавшего в условиях катастрофического и всё нарастающего аграрного перенаселения. Иные, более жесткие и рациональные решения аграрного вопроса, по существу, блокировались. Именно эта политика привела в конце концов к революционному решению проблемы. Иными словами, не решаясь на глубокую и последовательную «революцию сверху», власть спровоцировала радикальную революцию снизу. И, как мы помним, основу мобилизационного ресурса этой антирыночной и разрушающей отношения частной собственности революции составили протестные настроения крестьянства, сориентированные на уничтожение института частной собственности на землю.

Похожим образом можно интерпретировать и трансформации двух последних десятилетий. С середины 1980-х годов власть своей политикой опять же поощряла конфликтное существование двух протособственнических институтов. Одного, формирующегося на основе так называемой

собственности трудовых коллективов – своего рода «передельных общин» позднесоветского периода. И другого, формируемого теньевыми практиками складывающихся отношений собственности, центрируемых руководителями и администрациями предприятий и связанных с ними, так сказать «крышующих» их, структур партхозактива. Причем в данном случае позиция власти была не менее лукава, нежели в последние десятилетия правления Романовых. Её интересы, конечно, определялись стремлением к приватизации госсобственности, но сделать это хотелось как-нибудь незаметно. В результате власть усиленно поощряла иллюзию справедливого распределения собственности между всем населением, что в конечном счёте приобрело форму ваучерной приватизации. Последующее осознание её содержания и её итогов и сформировало нынешнее крайне негативное отношение значительной части населения к институционально-правовым основам новой собственности. В целом же проблема легитимации частной собственности в России за два последних десятилетия существенно усложнилась.

Были ли все эти процессы безальтернативными? Исторические альтернативы предполагают возможность принципиально иного выбора политических стратегий ключевыми акторами в критический момент развития. В какой мере российские политики обладали такими возможностями – вопрос сложный. Скорее, при крайне ограниченных ресурсах легитимности, они в первую очередь были озабочены собственным политическим выживанием, зачастую в ущерб потребностям модернизации общества.

Какова устойчивость и эффективность этой государственности и её способность отвечать на современные вызовы? Разумеется, крайне незначительная, поскольку с этой точки зрения в России плохо всё. И главная причина непоследовательности и «самобытности» форм текущего этапа модернизационного процесса – это 75 лет существования в условиях политического искоренения частной собственности и тем самым разложения естественных институтов социальной интеграции. В этом смысле проблема правового нигилизма населения России, равно как и её бизнеса и её власти, в том, что для торжества права нет необходимой естественной основы в виде повсеместно распространенных и освоенных в повседневной практике отношений частной собственности. Причём, как мне кажется, парадоксальность сегодняшней ситуации в том, что на низовом уровне готовность общества к принятию этого ключевого условия модернизации гораздо выше, нежели на уровне власти, где принцип незыблемости частной собственности вступает в непримиримый конфликт с общинно-передельными инстинктами ее многочисленных персонификаторов и всей её постоянно разрастающейся бюрократической машины.

Традиционная, но сохраняющаяся до сих пор модель реализации власти в России, основанная на нерасторжимости власти-собственности, несовместима с господством частнособственнических отношений в обществе. Поэтому неколебимы монополии на потребительском рынке, поэтому не идут реформы ЖКХ, поэтому невозможно решить проблемы производительных инвестиций в условиях избытка нефтедолларов, поэтому крайне затруднена капитализация доходов. Иными словами, современный капитализм как таковой у нас в стране по существу не приживается и не функционирует. Отсюда и недоступность кредитов внутреннему потребителю, и неэффективность банковской системы в деле накопления и мобилизации капиталов. Поэтому, не имея устойчивых основ современного общества, Россия вряд ли может рассчитывать на эффективность своего государства.

Илья Шаблинский: «Доминирование “Единой России” выглядит нелепо, но если она освободит своё политическое пространство, кто его займёт?»

Я, как и М. А. Краснов, юрист, поэтому мне удобнее вернуться к институциональным особенностям нынешнего российского политического режима, к той основе, с которой мы начинали и о которой идет речь в статье. Мне кажется, если вспомнить эти особенности, будет легче перейти к вопросу об их возможной трансформации. Легче перечислить их в хронологическом порядке, хотя и логически они выстраиваются в той же последовательности.

Во-первых, необходимо отметить тихую *ликвидацию условий для публичной критики власти*. Это то, что постепенно стало происходить в 2000 году и что, на мой взгляд, является опаснейшей институциональной особенностью. Причем данная тенденция персонифицируется. Некоторые эксперты исчезли из эфира и их заменили другие – в основном более или менее умело «подпевающие» власти, разными голосами, но «подпевающие». Это, повторю, основное и самое опасное.

Во-вторых, была такая правовая комбинация, как *ослабление роли Совета Федерации*. Изменение порядка его формирования привело к ослаблению его роли, однако для меня это второстепенный фактор.

В-третьих, *президент у нас получил право назначать глав регионов*. Это на самом деле опасное сосредоточение власти в одних руках. Были приняты некоторые меры по ужесточению условий регистрации и функционирования политических партий, произошло ужесточение условий политической конкуренции. Эта тенденция показала себя в 1999 году на примере схватки двух «партий власти». В условиях раскола властной элиты уже тогда полное доминирование одной политической группировки в телеэфире выглядело уродливо.

Но в 2003 году стало ещё хуже. Преференции стали носить подавляющий характер. *Преференции для конкретной корпоративной силы — Единой «партии власти»*, это в-четвертых. И это свело политическую конкуренцию к минимуму.

В-пятых, полное подчинение и размашистое *использование Генпрокуратуры в качестве политического инструмента*. Да, отношения президента и прокуратуры носят у нас административный характер: вызывается прокурор, и перед ним ставятся задачи. С судейским корпусом — по-другому. Мы знаем, что на судей всегда можно давление оказать, не грубое, а мягкое, обволакивающее, так сказать, но настойчивое. И это достаточно эффективно.

Насколько все перечисленные фундаментальные, институциональные особенности режима были характерны для времени Бориса Ельцина? Мы с М. А. Красновым обсуждали этот вопрос. Скажем так: тогда тенденция обозначилась, теперь она проявилась в полной мере. Генпрокуратура стала рычагом президентской власти до Путина, и Борис Николаевич, в общем, стремился к этому. В 1994 году, когда Ельцин увольнял Казанника без согласия Совета Федерации, я, поскольку работал замначальника Правового управления верхней палаты, обсуждал с Ю. Батуриным основание для того, чтобы отказать Совету Федерации принимать решение по этому вопросу. Мне сейчас не очень ловко за это. Лучше бы Казанника не увольняли так, как его Ельцин уволил в январе 1994 года. И все же тот режим был другим, хотя некоторые тенденции наметились уже тогда.

Для развития каких из этих тенденций имеются основания в Конституции? Прежде всего, для полного контроля президента над прокуратурой. Для всех остальных перечисленных мною институциональных особенностей непосредственной основы в Конституции нет. Зато есть простор для свободного правового творчества экспертов из референтной группы президента. Я прекрасно понимаю их политическую психологию. Они ощущают себя искателями некой «золотой середины», строителями новой государственности, и, думаю, в их сознании эта государственность и это государство — прав А. Ю. Зудин — обозначается как «государство развития». Они так видят, полагая, что перечисленные мной особенности и есть путь к «золотой середине». Кажется, что действительно юридический анализ тут вторичен и речь надо вести исключительно о политической психологии. Но этим ограничиться — значит расписаться в совершенном бессилии и свести все к пустому говорению.

Конечно, нравы мы не изменим. И вышеперечисленные особенности не вызвали у широкой общественности ни протеста, ни каких-то иных явно выраженных реакций. Они легко были восприняты политическим сознанием тех, кто голосует за статус-кво и «Единую Россию».

Но я полагаю, что статья М. А. Краснова заставляет – скажу словами В. В. Лапкина – всё-таки поразмышлять над оптимизацией институциональной структуры, обеспечивающей взаимодействие, а не иерархию властей, чтобы как-то вернуть утраченное.

Да, доминирование «Единой России» выглядит нелепо, но если она освободит свое политическое пространство, кто его займет? Его займут партии, которые призывают мстить и делить, и не знаю, что для нас хуже. Поэтому имеет смысл говорить о конкретных институциональных усовершенствованиях, очень аккуратных, которые легче всего увязать со сменой вех 2008 года.

Итак, что необходимо в первую очередь сделать для трансформации нынешней государственности в правовую? Думаю, можно сосредоточиться на том, о чём сказал И. А. Яковенко. Необходимо создать общественный совет по обеспечению контроля за использованием эфирного времени Первым каналом или каналом «Россия», например на основании федерального закона об общественном телевидении. Достижение этой локальной цели позволит добиться некоторого расширения информационного поля, создать плацдарм для оппонирования власти. Закон о средствах массовой информации вполне удовлетворителен, надо только развить заложенную в нём правовую базу. Если получится, это можно будет считать скромным шагом вперед.

Игорь Клямкин:

Завершен первый круг обсуждения. Мы пока не говорили о том, как нынешний режим трансформировать, а просто пробовали с разных позиций его описать и почти все сошлись на том, что он неэффективен и неустойчив. Значит, перед обществом рано или поздно встанет вопрос о его изменении, а перед самим режимом – вопрос о самоизменении. Но как, в каком направлении и темпе институциональные перемены должны и могут происходить? М. А. Краснов описал много систем, сходных с российской. Все они отличаются от неё статусом и местом исполнительной власти, местом правительства. Следует ли России двигаться к этим моделям? Можно ли вообще формировать правительство, ответственное перед парламентом в такой ситуации, как наша, т. е. при слабости местного самоуправления и других институтов гражданского общества? И существует ли альтернатива такому варианту, движение к которому наметилось уже, если вспомнить о Молдове или Украине, и на постсоветском пространстве? Некоторые политики и аналитики предлагали в свое время заимствовать американскую модель. Насколько это перспективно?

Теперь что касается субъекта перемен. М. А. Краснов твердо стоит на том, что в сложившейся ситуации это может быть только президент. Хочу обратить внимание автора статьи на то, что это противоречит другому его

тезису: какой бы президент ни был, институциональная система диктует ему жесткую логику поведения. Что заставит его вдруг вырваться за пределы этой системы, на какие ресурсы, на какую базу он будет опираться? И. А. Яковенко заметил, что народ как раз заинтересован в таком персонаже и в таком режиме, как нынешний. Так ли это? Давайте обсудим все эти вопросы.

Алексей Зудин: «Первым шагом на пути выхода из персоналистского режима станет ротация власти, хотя бы в управляемой форме»

Прежде всего хочу заступиться за институциональный анализ. Он принципиально правомерен и вдвойне правомерен применительно к нашей системе. Для описания российского общества японский политолог Сигики Хакамада использует метафору «общество песка». Разумеется, как любая метафора, она основана на преувеличении и не вполне справедлива, поскольку мы знаем, что ростки гражданского общества у нас есть, но тем не менее данный образ имеет под собой рациональное основание. Так вот, в подобного рода ситуациях институциональный подход и институциональные стратегии как раз и дают повышенную отдачу. А если правовые нормы не срабатывают, не надо из этого делать вывод об их принципиальном бессилии, нужно просто обратить внимание на контекст. И если мы это сделаем, то скорее всего увидим, что никто всерьез не занимается правоприменением.

Л. Ф. Шевцова справедливо напомнила об особенностях нашего транзита — он был тройной, т. е. предполагал переход к рынку, переход к демократии и новое геополитическое самоопределение. К этому тройному переходу я бы добавил еще одну характеристику, которая позволит нам более реалистично оценить коридор возможностей для осмысленного движения. Давайте не забывать, что наш переход не только был тройным по степени сложности, он еще был навязанным. Это означает, что в момент перехода ни в обществе, ни в элитах не было большинства, которое бы этот переход поддерживало. В этом кардинальное отличие начальной фазы нашего перехода от «бархатных» революций, с которыми нас так любят сравнивать.

Хочу поддержать автора статьи и немного с ним поспорить. Действительно, когда перспектива перемен связывается с единственным действующим лицом, это производит довольно тягостное впечатление. Вместе с тем Герман Дилигенский в своё время высказал интересную мысль о ложности распространенных среди политологов и социологов стереотипных представлениях о повышенном коллективизме современного российского общества. Дилигенский оценивал его как глубоко атомизированное и индивидуализированное. Это означает, что при отсутствии сложившихся коллективных акторов повышенное значение будет иметь

индивидуальная инициатива. Добавим, что эта индивидуальная инициатива может проявляться в самых разных областях и на разных уровнях. Не только в попытках создания частных предприятий вопреки административным барьерам, но и в проектах политических реформ, которые соответствуют диффузным общественным запросам, но противоречат сложившимся интересам.

Еще один тезис в обоснование подхода М. А. Краснова. Мне кажется, что в ходе нашей дискуссии произошла некоторая подмена понятий: высшее политическое руководство постоянно отождествляется с бюрократией. Понятно, что оно на бюрократию опирается, это его естественная опора. Но когда ставится знак тождества между сверхэлитой и бюрократией — это, на мой взгляд, неверно, потому что интересы у них разные. Расхождение интересов обусловлено прежде всего особым положением в системе власти, которое занимает высшее политическое руководство. Положение сверхэлиты в самом центре системы власти сильно и, я бы сказал, принудительно расширяет кругозор и побуждает к действиям, ориентированным на более долгосрочную перспективу. Таким образом, *реформа сверху, в принципе, возможна*. Можно также указать и источники давления в сторону перемен.

Во-первых, это *рыночная среда*, которую никакое «государство развития» отменить не способно да и не собирается это делать. Причем рыночная среда не только международная, но и, что бы ни говорили, внутри страны.

Во-вторых, *фактор Запада*. Политическая траектория нынешнего российского руководства во многом выглядит как попытка избежать двух крайностей, которые одинаково его пугают. Одна крайность называется *failed state*, когда Россия перестает быть игроком и на мировой арене, и внутри страны — она превращается в совокупность ресурсов, которые потребляют другие политические акторы, а высшее политическое руководство лишается привычной работы. Противоположная крайность — «государство-изгой». Оказаться в этой категории также неприемлемо. Политический курс выстраивается как движение между этими полюсами. То есть Запад в качестве значимого фактора продолжает работать для политического руководства и как соперник, и как партнер. Нынешние действия, начиная с газового конфликта с Украиной, которые побудили западную элиту в Давосе задуматься о России как о вызове и угрозе, на мой взгляд, связаны с её попыткой вернуться в качестве активного игрока в мировую политику. Наша старая роль в 1990-е годы многих устраивала, к ней успели привыкнуть и не хотят позитивно воспринимать возросшую самостоятельность России. Как известно, из старой роли не выходят, из нее «выламываются».

Наконец, есть третий фактор. Он постоянно служит объектом презрительных комментариев и травматических переживаний, но тем не менее существует. Этот фактор – *российский избиратель*. Можно как угодно ограничивать политическую конкуренцию, но выборы все равно остаются единственным способом легитимации власти, а многопартийность – эталоном нормальной политики. Российский избиратель сохраняет положение «хранителя ключей» от власти. Он слаб, не уверен в своих силах, дезориентирован и дезорганизован. Он не доверяет институциональным посредникам, но продолжает оставаться привратником власти, а импульсы, которые от него исходят, сохраняют политическое значение.

Преимущественными возможностями для улавливания этих импульсов располагает именно сверхэлита – у неё больше мотивов, стимулов и ресурсов. Да, власть медленно, с трудом и буквально «на ощупь» формулирует новую политическую повестку, но оппозиция полностью продолжает жить девяностыми годами. Теоретически, в случае дезинтеграции существующего политического режима, она может реально воспользоваться ситуацией, но для этого ей придется либо обмануть избирателя, либо позаимствовать повестку, формируемую властью. *Никакой новой повесткой, альтернативной той, которую медленно формирует власть, оппозиция в настоящее время не располагает.*

На мой взгляд, первым шагом по пути выхода из персоналистского режима станет ротация власти, хотя бы и в управляемой форме. Потому что если этого не будет – не будет и ничего остального. Это определяющее условие для начала разрыва с персоналистским режимом.

Второй шаг – укрепление реальных стимулов для укоренения многопартийной системы. Создали пропорциональную систему, а она может работать по-разному. И не только в зависимости от высоты отсекающего барьера, но и по другим причинам. Скажем, многое будет зависеть от того, на каком варианте политического позиционирования в конечном счете остановится «Единая Россия»: будет ли она по-прежнему настаивать на «социальном консерватизме», гарантирующем сохранение фактической политической монополии, или переориентируется на «либерально-консервативную» политическую нишу и освободит больше места для других политических сил. Существуют и такие стимулы для развития партийной системы, как величина «приза» для её участников. Я бы не делал никаких особых выводов из того, что «Единую Россию» лишили «сладкого сна» в виде правительства парламентского большинства. Движение в направлении партизации системы власти будет происходить по той простой причине, что никакой внятной альтернативы ему не существует. Нынешняя система, расколота по клановому принципу, функционирует

вать не может. Так что партизация власти — вопрос не принципа, а времени и скорости движения в данном направлении.

Поэтому третий логичный шаг — это появление партийных министров в беспартийном правительстве, и лучше всего, если они будут представлять не одну, а разные партии.

Последующие шаги, условно четвертый и пятый, более всего вероятны не в системе власти, а в системе отношений государства и гражданского общества. Они могут быть связаны с новой волной дерегулирования — я имею в виду делегирование госполномочий саморегулирующимся организациям. Или с повышением дееспособности судебной системы, а именно совершенствованием её возможностей обеспечивать адекватное правоприменение. Или с восстановлением реальных правовых гарантий для нормальной работы средств массовой информации. Но это, скорее всего, может стать реальностью только в среднесрочный период.

Игорь Клямкин:

Вы назвали предпосылки трансформации режима — рыночную среду, Запад и российских избирателей. Но на сегодняшний день ни по отдельности, ни все вместе эти предпосылки к трансформации не ведут. Более того, события развиваются в прямо противоположном направлении. Мы видим, что сейчас происходит с общественными организациями, со СМИ, несмотря на рыночную среду, фактор Запада и российского избирателя. К тому времени, когда эти факторы должны будут заработать по-новому, система может заостенеть ещё больше, её инерционность усилится. Возможно ли будет повернуть её в том направлении, о котором вы говорите? В рассуждениях, по-моему, не учитывается та системная эволюция, которая происходит и будет происходить в оставшиеся до выборов два года. Насколько оправдан расчет на то, что после выборов произойдет какой-то поворот под влиянием тех объективных факторов, которые сейчас, повторю, почему-то не действуют?

Алексей Зудин:

Когда речь заходит об ограничении средств массовой информации, обычно справедливо говорят о действиях власти. Но был еще один фактор, и социологи его хорошо знают. К концу 1990-х годов СМИ разошлись с общественным мнением. Они все больше ориентировались на запросы достаточно узкого социального круга и оказались в политической изоляции. Кремлевские плановики ведут себя как «вершители судеб» не только из-за особенностей политической психологии: каждый — обязательно «Наполеон» и действует без оглядки на обратные связи, коалиции и переговоры. Существует и сложившаяся расстановка политиче-

ских сил, которую мы совершенно не обсуждали. Ведь по каким-то причинам одни политические силы проиграли, а другие выиграли.

Есть и еще одна причина, которая, к сожалению, работает на модель трансформации персоналистского режима «сверху»: мы вступили в период слабых элит. Это произошло не столько по воле «великого и ужасного» В. Ю. Суркова и его политтехнологов, сколько в результате эволюции позднесоветских элит, их возросшего несоответствия общественным запросам. Если мы посмотрим, как ведет себя власть по отношению к элитам, то увидим, что она действует во многом в тех рамках, которые заданы общественным мнением. Не всегда, не во всё, но во многом.

Кремлевский агитпроп не столько производит какую-то оригинальную политическую продукцию, сколько «индуцирует» уже существующие тенденции и настроения. Сигналы из общества он улавливает достаточно чутко, потому что в противном случае все его политические проекты окажутся нежизнеспособными. Неорганизованное российское общество обладает не только символической силой «привратника», оно осталось, пожалуй, единственной автономной политической силой в персоналистском режиме. Всё это придает реальность фактору, который носит название «российский избиратель». Именно как доказательство реальности этого фактора следует рассматривать массовые протесты против монетизации льгот в начале 2005 года. Совокупность упоминавшихся мною факторов: рыночная среда, Запад и российский избиратель – не позволит укрепляющемуся государству снова «пожрать» российское общество и будет подталкивать персоналистский режим к постепенной деконцентрации власти после 2007–2008 годов.

Лилия Шевцова: «У меня нет сомнений в том, что Россия обречена на кризис бюрократического авторитаризма»

Прежде всего, мне хотелось бы прокомментировать то, что А. Ю. Зудин сказал о роли Запада. Попутно хочу попросить И. М. Клямкина собрать группу аналитиков, чтобы обсудить, влияет ли западное сообщество на процессы, происходящие в России, и если да, то каким образом. А сейчас ограничусь лишь некоторыми соображениями.

Западное сообщество расколото в своем отношении к российской трансформации. Меньшинство на Западе, если речь идет о политических кругах, бизнес-элите и транснациональных корпорациях, придерживаются точки зрения на Россию, которую можно охарактеризовать так: трансформация элиты через интеграцию. Это означает следующее: мы вас интегрируем в наши структуры и будем надеяться, что эта интеграция приведет к вашему изменению. Эта часть Запада ещё недавно надеялась, что по мере интеграции в западное сообщество российская элита сможет принять либерально-демократические правила игры.

Вторая, более массовая часть западной элиты, говорит по-другому: сначала трансформация, а затем интеграция. Это означает, что Запад считает необходимым подождать, пока Россия решит свои проблемы, трансформируется, и только после этого начнет думать о том, чтобы реально интегрировать Россию.

Есть и третья группировка, которая, к моему сожалению, расширяется и серьёзно влияет сейчас на конкретную политику западного сообщества в отношении России. Позиция этой группы такова: давайте законсервируем нынешнее положение на некоторое время, пока Россия не созреет для нового витка реформ. А ещё лучше – дистанцируемся от нее. Эта группа начинает требовать более жёсткого давления на российскую власть, вплоть до исключения России из «восьмерки». Думаю, что такой подход, который ведет к маргинализации России, может только усилить в самой России авторитарно-бюрократический крен. Как бы то ни было, в последнее время Запад, и в первую очередь США, начали довольно серьезно давить на Россию по поводу Закона о неправительственных организациях. Это фактически первая попытка за последние 15 лет вмешаться в кремлевский механизм осуществления внутривнутриполитических решений с целью предотвратить принятие решения, которое, по мнению западного сообщества, может ограничить не только возможности российского гражданского общества, но и возможности самого Запада влиять на Россию.

Есть и другой индикатор, который покажет, в какой степени Запад готов оказывать влияние на политику российской власти. Я говорю о Грузии, Украине и Беларуси. Отношение Кремля к этим государствам является источником беспокойства на Западе. В случае с Грузией и Украиной западные правительства опасаются попыток России вмешаться во внутреннюю политику этих стран с целью поддержки пророссийских сил. В случае с Минском Запад обеспокоен поддержкой Москвы режима Лукашенко, который считается в Европе единственным политиком-изгоем. Сможет ли западное сообщество повлиять на содержание российской внешней политики по отношению к упомянутым странам, мы увидим уже в ближайшие два года. Как показал «газовый конфликт» между Россией и Украиной в конце 2005 года, именно постсоветское пространство скорее всего станет полем напряженности между Россией и Западом.

А теперь мне хотелось бы прокомментировать прозвучавший термин «оптимизация» в отношении российской системы. Честно говоря, сомневаюсь в том, что её оптимизация действительно возможна. Не исключаю, что любая попытка такой оптимизации, т. е. реформирования российской системы, в конечном счете сведётся к частичному её обновлению без изменения сущности либо к откровенной и осознанной имитации реформирования. Я лично считаю, что российскую систему нельзя опти-

мизировать, т. е. её нельзя реформировать ни по частям, ни по блокам, а можно только реструктурировать как совокупность, как целое, изменив её матрицу – основные принципы её построения.

Что касается формулы «выхода», т. е. того, как реструктурировать российскую систему и кто может стать субъектом этих усилий, я полностью согласна с М. А. Красновым в том, что нынешняя политическая и конституционная конструкция блокирует все реформы. Но учтем и то, что одновременно эта несущая конструкция задает тон либо делает неизбежными «изменения через кризис». Очевидно, мы должны это осознать и, как аналитики, должны быть готовы реагировать на возникновение системного кризиса, понимать, через какие этапы он должен пройти и каковы его возможные последствия.

У меня уже нет сомнений в том, что Россия обречена на кризис бюрократического авторитаризма. И самое главное в нашем скатывании к этому кризису – предотвратить переход к еще более традиционалистской системе. Я полагаю, что первой стадией будущего системного кризиса будет *кризис гибридности*. Я имею в виду кризис той достаточно противоречивой модели, в которой заложены несовпадающие векторы, в том числе и либерально-технократическая составляющая. Именно наличие в нынешней российской системе либерально-технократической составляющей (либерал-технократы в правительстве, использование властью либеральной риторики) как части гибрида, по существу, препятствует попыткам реформирования этой системы и создает иллюзии относительно её реальной сущности.

Что станет толчком к этому кризису? Сочетание разноплановых явлений: падение цен на нефть, техногенные катастрофы, увеличение разрывов в доходах, повышение тарифов на жилье и т. д. Но, кроме появления признаков социального недовольства, кризис предполагает и неспособность правящей элиты к контролю за ситуацией. Если в обществе не окажется сил, способных предложить модернистское видение выхода, не исключено, что кризис гибридности приведет к появлению гораздо более одноцветного, жёсткого национал-популистского режима власти. И в этом случае лишь следующий кризис режима, возможно, создаст условия для либерально-демократической трансформации, о которой говорит М. А. Краснов в конце статьи.

Автор рассматривает основной субъект власти – возвышающегося над обществом президента, как возможный инструмент для обновления. Он считает, что персонализм должен стать средством разрушения персонализма. Но весь опыт мировой трансформации свидетельствует, что такая модель выхода оказывается успешной исключительно редко. Можно назвать несколько стран, в частности Испанию, где лидер, вышедший из

авторитарной системы, осознал её исчерпанность и создал условия для её дегерметизации и переводу в демократический цикл. Но это может произойти только в том случае, если, во-первых, лидер не несёт ответственности за исчерпавшую себя систему, т. е. не он был её создателем; во-вторых, налицо все признаки исчерпанности системы и недовольство ею как сверху, так и снизу. Горбачёв тоже начал медленно «открывать» советскую систему, не будучи ответственным за её создание и не желая её обвала.

Практически все успешные трансформации авторитарных и тоталитарных обществ включали в себя следующие элементы: *трансформационный лидер*, который приходит к власти в момент дряхления системы с ощущением своей миссии; *фрагментация правящего класса*, выделение из него прагматиков, готовых к реформированию; *давление снизу* в виде протестного движения. Только эта «трёхчленка» может привести к успешному выходу из прежнего режима. Во всяком случае, я не знаю ни одной успешной и необратимой трансформации при наличии лишь одного элемента этой схемы.

Для меня основная гарантия в процессе структурного реформирования бюрократически-авторитарной системы — это верховенство закона. Мы уже видели, к чему свелась российская трансформация, которую сами либералы и демократы восприняли как преимущественно выборы. Любое искусственное вычленение одного принципа либеральной демократии и игнорирование остальных элементов и принципов неизбежно ведет либо к появлению имитации, либо к деформации демократии, что почти одно и то же.

Теперь несколько слов по поводу преимуществ парламентско-президентской системы. Существующий мировой опыт доказывает, что смешанная система создает больше возможностей для учета разнообразных интересов общества и менее болезненного его продвижения к новым стандартам, для консолидации демократии и обеспечения гарантий её необратимости. Хотя в то же время становится более ощутимой угроза популистских поворотов, особенно в ходе экономической реформы, она всё же относительно невелика в сравнении с рисками, которые возникают в рамках президентской системы, работающей по принципу «победитель получает всё».

Любую систему нужно встраивать в контекст страны. У нас есть печальный опыт функционирования смешанной системы в 1991–1993 годах. Правда, тогда речь все же шла о нестыкующихся фрагментах разных исторических эпох и институтах, которые претендовали на монополию власти. В любом случае, России придется выходить из суперпрезидентст-

ва, которое, как доказал М. А. Краснов, и с политической, и с конституционной точек зрения блокирует модернизацию общества.

К каком направлению нам двигаться? Какая форма властвования и какой политический режим окажутся в российских условиях наиболее эффективными, если говорить об интересах модернистского проекта? Можно только приветствовать идею М. А. Краснова относительно премьерско-президентского режима, пусть не обязательно повторяющего французскую модель. Можно рассмотреть и вариации португальской либо финской модели смешанных режимов власти, доказавших свою эффективность. Мне очень близка идея дуализма лидерства и распределения обязанностей между президентом и премьером, которое должно предотвратить авторитаризм власти. Но в таком случае мы должны подумать и о том, как избежать другой угрозы – распыления ответственности и воспроизводства безответственности, перетягивания каната между премьером и президентом, особенно если окажется, что они будут членами разных партий. При размышлениях о новой политико-правовой конструкции нужно думать о том, как создать эффективный механизм взаимосвязи между выборами, партиями, правительством и президентом, причем выстраивая её снизу, а не сверху, как сейчас. Однако в этой связи у меня возникает следующий вопрос, возможно риторический, которым я и завершу своё выступление.

Давайте взглянем на те процессы, которые происходят с мировой политикой и её основными атрибутами. Кажется, Кардосо был первым, кто заявил, что старая политика себя исчерпала и наступает время новой политики. Он имел в виду, что политика, основанная на традиционных институтах – партиях, парламенте, выборах, начинает устаревать. Об этом свидетельствует кризис европейской модели политического развития, когда европейские партии, представленные в Европарламенте, проголосовали за европейскую конституцию, а лоббистские группировки регионов, органы самоуправления, представители СМИ выступили против неё и убедили в этом население в целом ряде стран, включая Францию. Обратим внимание, что медиа, локальные сообщества могут быть гораздо эффективнее в продвижении своих интересов, чем партии. Так вот, мой вопрос: должны ли мы, размышляя о новой российской системе, повторять традиционный цикл XIX–XX веков, по которому шли либеральные демократии, либо следует учесть и новый зарождающийся опыт, в первую очередь опыт европейской политики? В таком случае гражданское общество, экологические организации, Комитет солдатских матерей, Союз журналистов и другие подобные организации населения могут оказаться важнее, чем партии в сфере представительства интересов.

И последнее. И. Г. Шаблинский поднял очень интересную проблему, которая связана с темой нашего обсуждения. «Единая Россия» действительно «своим брюхом» лежит на той массе населения, которое готово проголосовать за «Родину» либо другую национал-популистскую силу. Точно так же и президент Путин и его команда сегодня не дают прийти к власти гораздо более жесткому авторитаризму. Всё это так. Но мы понимаем, что чем больше «Единая Россия» заполняет политическое пространство, тем больше угроза того, что население, устав от «партии власти», будет поддерживать экстремистские силы. Чем дольше нынешняя команда сидит в Кремле, тем сильнее угроза, что она будет стимулировать запрос на более агрессивный тип авторитаризма. Тем более что политическая конструкция толкает к такому сценарию: при гибридной системе, если страна не идет вперед, к демократии, то она неумолимо откатывается назад.

Георгий Сатаров: «Единственный обнадеживающий фактор состоит в том, что спрос на демократическую альтернативу по-прежнему существует»

Перспектива демонтажа персоналистского режима представляется мне вполне реальной. Даже если нам предстоит иметь дело с преемником Путина, у которого будет единственная квазилегитимность, а именно сам Путин, то всё равно он вынужден будет Путина отрицать в поисках новой легитимности. Точно так же как Хрущёв должен был отрицать Сталина, в результате чего последовала оттепель, а Горбачёв — Брежнева и застой, после чего опять наступила оттепель. При этом каждый из них не понимал последствий своего отрицания и последствий этой оттепели, они только реагировали на сложившуюся до них ситуацию.

Игорь Клямкин:

Если Путин уйдёт при 70%-ном рейтинге, то зачем преемнику его отрицать?

Георгий Сатаров:

Чтобы утвердить себя. Не более того. Сценарий оттепели как инструмент поиска новой легитимности после отрицания предшественника использовали чуть ли не все наши «цари» — каждый новый «царь» поначалу пытался ввести послабления для какой-нибудь группы. При Хрущёве это были одни группы, при Горбачёве — другие. Аналогичные процессы — с поправками на время, будут, возможно, происходить и после Путина. Я говорю про плавный сценарий при страхе, управляемом наследовании режима. Но такой тип наследования может приводить и к сценариям дестабилизирующим.

Для этого в России уже есть основания, потому что в стране растёт средний класс. В такой большой стране, как наша, затормозить этот рост

принципиально невозможно, это неконтролируемо. Средний класс начинает организовываться с фантастической скоростью и с не меньшей скоростью политизироваться, потому что его неуспехи в решении своих проблем посредством самоорганизации неизбежно приводят к его политизации. Я наблюдаю разные такие группы, которые на три порядка эффективнее тех, что были 15 лет назад. Например, прагматики-менеджеры с отличным знанием всех современных технологий и с очень жёсткой реакцией на происходящее, потому что они уже реально владеют собственностью среднего размера, за которую люди перегрызают глотки. Это всё, повторяю, развивается непредсказуемо и может вылиться как в фашизм, так и в демократию — шансы пока назову равными, потому что они непонятны.

Единственный обнадеживающий фактор состоит в том, что спрос на демократическую альтернативу по-прежнему существует. Как ни странно, он не уменьшился. Уменьшился спрос на тех, кто пытается её имитировать. Таких людей посылают куда подальше, но не нужно это выдавать за кризис идеи либерализма и демократии в стране. Его нет. Точнее, нет кризиса спроса, а есть лишь кризис предложения. И с этим надо работать.

Игорь Яковенко: «Импульсы демократической модернизации придут только из общества, где нет ни “вертикали власти”, ни “системы назначений”»

Мне кажется, всё-таки надо договориться насчет метода анализа. Во-первых, я по-прежнему возражаю против сведения институционального подхода к правовому, это неправильно. Поэтому я и говорил о необходимости дополнить правовой анализ, который имеет право на существование, другими методами, в частности социологическим. Во-вторых, сами правовые нормы начинают работать только тогда, когда на что-то опираются. Сами по себе они не работают. А опираются они не только и не столько на насилие, сколько на упругую среду гражданского общества. Если такая среда, которая проявляется прежде всего в том, что люди обращаются в суд, объединяются в какие-то корпорации, в значительной степени автономные, способные себя защищать, — если такая среда существует, то в этом случае работает и закон. Только так и не иначе.

Один пример. У нас лучший в мире на сегодняшний день закон о средствах массовой информации. Поэтому, когда говорят о том, что нужна правовая защита свободы СМИ, я просто не понимаю, о чём идет речь: у нас, повторяю, лучший в мире закон о СМИ, это показывает экспертный анализ с участием ведущих зарубежных экспертов. Чего еще желать? Да, нужна регуляция в области телевидения, нужен закон об общественном телевидении, но с точки зрения базовых законов ничего лучшего во всем

мировом законодательстве нет. Так почему закон не работает? Потому что не опирается на упругую среду гражданского общества.

Если же говорить о необходимости правового анализа в целом, дефицит которого ощущается, то напоминаю М. А. Краснову, что за ним остался долг с момента нашей совместной работы над проектом «Конституционное обустройство России». Мы тогда установили, что одна из фундаментальных проблем России заключается в том, что это самая гетерогенная в мире страна. Разница между двумя субъектами Российской Федерации по всем показателям огромна. Вы не найдёте двух европейских стран, которые больше бы отличались друг от друга, чем, например, Калмыкия и Пермская область. Отсюда резкие колебания исторического маятника: от унитарии до конфедерации. То у нас абсолютно унитарная страна, какой был Советский Союз, то маятник молниеносно проскакивает уровень федерализма, и мы «попадаем» в конфедерацию. Это проблема, которая действительно нуждается в решении, в том числе и методом правового анализа.

Факторы, о которых говорил А. Ю. Зудин, – рынок, Запад и избиратель, безусловно, не являются константой. Но если сейчас они действуют именно так, то почему завтра они должны начать действовать таким образом, чтобы уменьшить степень авторитарности нашего режима и изменить его персоналистский характер? Тем более что каждый из этих факторов проявляет себя неоднозначно. В частности, Запад частично готов интегрировать нашу элиту, но не готов интегрировать Россию в целом.

Г. А. Сатаров говорил, что следующий президент будет отрицать нынешнего. Да, он обречен на такое отрицание, это совершенно очевидно, но от чего именно он будет отказываться, что именно будет отрицать в сегодняшнем Путине? Будет ли он рубить остатки демократии и двигаться дальше в сторону персоналистского режима более жесткого толка, или он будет рубить некоторые конструкции персоналистского режима? Кто ему вектор задаст?

Михаил Краснов:

Мы, аналитическое сообщество.

Игорь Яковенко:

Степень автономности экспертного сообщества за эти годы резко уменьшилась, равно как и его роль и влияние на политическую элиту. И состав советников существенно изменился в администрации президента, и структура самой администрации изменилась, и роль этих советников в Думе и в политических партиях тоже изменилась. Их вытеснили, подобно тому как в СМИ произошло вытеснение журналистики политтехнологиями. Так что эта гипотеза не представляется мне убедительной.

Лилия Шевцова:

На трансформацию режима может повлиять обвал нефтяной цены.

Игорь Яковенко:

Может быть. Но это не очень предсказуемая вещь. Я не слышал точных прогнозов, когда это «счастье» с нами произойдет. Это может случиться завтра, а может — через двадцать или тридцать лет. Данная гипотеза мне неинтересна, во-первых, в силу моего глубочайшего дилетантизма в данной сфере, а во-вторых, потому, что это не случится в ближайшее время.

Мне представляется, что искомой точкой роста может быть только гражданское общество. Оно развивается по своей внутренней логике, которая в правовой системе не работает, потому что там в неё вмешиваются, там низкая степень автономности. Между тем в системе гражданского общества существуют достаточно автономные образования. Вот вдруг автомобилисты объединяются, и не стоит над этим смеяться. Речь идет о реальных и совершенно неожиданных поворотах, которые являются фундаментом и внутренним источником преобразований, поворачивающих судьбы народов. Источники, конечно, бывают разные. Иногда это изменение внутри религии, чему масса примеров и что проанализировано в истории социологической мысли. Иногда это изменение, допустим, в СМИ, дающее толчок всему обществу, — таких фактов тоже немало. Но это могут быть и автомобилисты, и профсоюзы, и солдатские матери, которых достанет наша армия. Приходится слышать: с чего вдруг они начнут самоорганизовываться и действовать? Всерьез заденет — начнут.

Лилия Шевцова:

А нужно, чтобы задело?

Игорь Яковенко:

Нужны два обстоятельства. Во-первых, нужно, чтобы бюрократическая система совершила то количество глупостей, на которые она обречена, будучи лишенной способности к прогнозированию, и которые рано или поздно заденут огромные массы людей. Во-вторых, нужны усилия по структуризации гражданского общества. Ничего не делается само. Я могу сослаться на пример самоорганизации медийного сообщества. Точками его кристаллизации могут быть самые разные вещи, роль исторической случайности свободы воли социально-политического электрона здесь фантастически велика. Если бы в 1998 году я не создал национальную тиражную службу, которая сертифицирует тиражи, её бы не было до сих пор, это я точно знаю.

Аналогичным образом, точки роста, точки кристаллизации структур гражданского общества могут быть разбросаны по всему социальному полю, и где именно произойдет концентрация социальной энергии, как она повлияет на будущего преемника Путина и в каком направлении заставит его действовать — это я предсказать не могу. Но я убежден в том, что источником и стимулом перемен может быть только то, о чём я сказал.

Что же касается деградации политических элит, то это рукотворный процесс. Есть исследования, которые это подтверждают. Была проведена тотальная зачистка целого ряда полей. Создан политический лифт, поднимающий наверх антиэлиты, т. е. лифт, работающий от кнопки «плохая репутация». Происходит отбор антиэлиты, в среде которой не могут иницироваться модернизационные инновации. Поэтому точка роста находится за ее пределами. Импульсы демократической модернизации придут только из общества, где нет ни «вертикали власти», ни процедуры назначений: солдатских матерей не назначают. Такие импульсы могут быть и во властных структурах, но там они отторгаются. Это мертворожденные структуры, которые не являются точками роста.

Лилия Шевцова:

Как же этот импульс приведет к реорганизации системы?

Игорь Яковенко:

Есть два сценария, и они известны. Мне незнакома теория управляемого социального взрыва, и я не хочу рассматривать сценарий такого взрыва именно потому, что не знаю, как им управлять. Что касается другого варианта, то речь идёт о создании более или менее нормального политического рынка. Когда существует электоральный рынок, тогда любой политик должен будет прийти к автомобилистам, к солдатским матерям, в профсоюз, в Союз журналистов, т. е. прийти к владельцам голосов и сказать, чего он хочет, а также услышать то, чего от него требуют. И это реальная перспектива не пятидесяти, а ближайших пяти лет. Это возможный сценарий, потому что здесь есть точка роста. Если же общество останется атомизированным, тогда наиболее реальные сценарии — либо воспроизводство ухудшенного варианта персоналистского режима, либо социальный взрыв.

Игорь Клямкин:

Всё сказанное И. А. Яковенко представляется мне очень важным. По крайней мере, просматривается перспектива, которую, кстати, чувствует и персоналистский режим. Чувствует и пытается заблокировать, причем не только посредством давления на гражданские организации, но и посредством создания имитационных структур гражданского общества, подконтрольных режиму. Более того, во власти и обслуживающих её

пропагандистских институтах появляются люди, готовые поддерживать спонтанную низовую активность тех же автомобилистов в их протесте против несправедливого судебного решения. Но делается это для того, чтобы не допустить вмешательства гражданских организаций непосредственно в сферу политики. То есть не для того, чтобы осуществить трансформацию персоналистского режима, а для того, чтобы сохранить его, представив вполне совместимым с гражданским обществом.

Владимир Ланкин: «Определённый откат назад — это наиболее реалистичный вариант политического развития России в обозримой перспективе»

Я начну с тезиса о неустойчивости и неэффективности персоналистского режима, что было отмечено И. М. Клямкиным в самом начале обсуждения. Но если этот режим неустойчив, то он обречен на перемены. При этом качество предстоящих изменений остаётся под вопросом, а возможность улучшений в процессе такой трансформации представляется неочевидной. Что же тогда придёт на смену нынешнему персоналистскому режиму?

В связи с этим не могу согласиться с утверждением А. Ю. Зудина, что наша бюрократия — это такой инструмент в руках власти, который имеет чисто функциональное значение. На мой взгляд, бюрократия и есть ключевой общероссийский политический институт согласия, который сейчас интенсивно набирает силу и становится решающим в процессах выработки политического компромисса во властной элите. Он формируется как вполне очевидная конкурирующая альтернатива проектам самоорганизации в рамках структур гражданского общества или в рамках бизнес-структур мелкого и среднего уровня. Во второй половине 1990-х годов казалось, что такой альтернативы уже не существует, что всё это в прошлом, что бюрократия никогда уже не будет претендовать на роль демиурга российской политики. Но вскоре после прихода к власти нового президента и экспертное сообщество, и широкая публика «неожиданно» обнаружили: то, что, казалось бы, ушло в прошлое, возвращается. Перспектива движения по пути властно-бюрократической консолидации общества представляется с каждым годом всё более реальной, а структуры, напрямую олицетворяющие власть бюрократии, становятся главными игроками на российской политической сцене. Это возвращение бюрократии на первые роли в политическом процессе и является для меня самым сильным доводом в защиту тезиса о реальности её (бюрократии) претензий на роль ключевого института политического согласия в сегодняшнем российском обществе.

Каким в этой новой ситуации окажется итоговый выбор интенсивно растущих сегодня структур мелкого и среднего бизнеса? Станет ли таким выбором политическая консолидация под колпаком властвующей бюро-

кратии федерального или регионального уровня? Либо, заведомо бросая вызов бюрократии, бизнес предпочтёт стратегию формирования автономных структур политической самоорганизации?

Это очень серьёзный вопрос с точки зрения перспектив российской политической жизни, и основная политическая игра идёт сейчас именно на этом поле. Нет никаких сомнений в том, что в интересах российской властвующей бюрократии блокировать всякое движение к правовой государственности. Альтернативой этому для страны является самоорганизация тех самых слоев среднего и мелкого предпринимательства. Их сверхзадача, если временно отстраниться от вопроса о её реализации, заключается в том, чтобы последовательно отстаивать свои права собственности и двигаться к легитимации и даже кодификации сложившихся практик владения.

Но проблема в том, что затянувшиеся и крайне непоследовательные постсоветские социальные трансформации сформировали не очень благоприятные условия для того, чтобы право собственности получило активную поддержку в обществе. Особенно с учетом нарастающего давления на эти процессы со стороны бюрократии. Казалось бы, мы имеем дело с естественным, достаточно длительным процессом постепенного, но чрезвычайно глубокого социального изменения. Исторические механизмы такой трансформации хорошо известны. Но, как показывает исторический опыт, наиболее эффективные и форсированные изменения обусловлены, как правило, внешним принуждением к этой самой трансформации отношений права и собственности.

Если говорить о России, то очевидно, что ни в 1991 году, ни сейчас, ни в ближайшем будущем условий, необходимых для реализации такого форсированного варианта, не было, нет и не будет. Поскольку условия реализуемости такого варианта требуют, во-первых, недвусмысленного геополитического поражения той страны, в отношении которой осуществляется принуждение к трансформации; во-вторых, столь же недвусмысленной решимости мирового лидера на долговременные и последовательные усилия и значительные ресурсные вложения в проект такой трансформации; и в-третьих, гораздо большей внутренней готовности объекта принуждения к предстоящим преобразованиям, чем это было и имеется сегодня в России.

Лилия Шевцова:

Все эти предпосылки существовали в свое время в Японии.

Владимир Лапкин:

Япония – действительно уникальный случай ранней и в целом вполне успешной модернизации, осуществлённой не на западноевропейской

социокультурной основе. Японское общество оказалось внутренне подготовленным к такой трансформации, и после 1945 года внешней администрации осталось «всего лишь» осовременить институциональные формы в политической и экономической сферах, которые успешно прижились и стали основой послевоенного «японского чуда».

Если же вернуться к России, то наиболее вероятный, с моей точки зрения, вариант развития событий, тот, о котором говорила Л. Ф. Шевцова. Я говорю не о желаемом, а об имеющем наибольшие шансы реализоваться. Выход из нынешнего стратегического кризиса российского политического развития скорее всего возможен лишь через некий этап частичной (надеюсь, не тотальной) деструкции сформировавшихся в последние 15 лет демократических институтов. Мне кажется, что такой вариант развития (через определенный откат назад) надо рассматривать как наиболее реалистичный. Не в смысле полной покорности неизбежному, напротив, он позволит проанализировать и понять причины деструктивных тенденций развития страны и возможные механизмы их сдерживания, а также выявить точки роста политической субъектности, способной в будущем сформировать более эффективные стратегии российской модернизации.

Причину неизбежности и, по существу, необходимости такой эволюционной паузы в российском развитии я вижу в том, что ни существующий политический режим, ни его радикально настроенные оппоненты не готовы к преодолению нынешнего политического кризиса, более того, нечувствительны ко многим его симптомам и безразличны к порождающим его социальным противоречиям. При этом первый практически не способен к качественному улучшению, а вторые явно преувеличивают свою способность управлять революционной стихией, на мобилизуемый потенциал и сокрушительную мощь которой они рассчитывают.

В этом отношении очень поучителен, на мой взгляд, опыт «оранжевой революции» в Украине. Идеализм её массовых участников всё более уходит в тень, а неприглядные прагматические последствия всё более проявляются. И самое главное, не происходит принципиального улучшения качества политического класса Украины. Это очень плохой признак. Структуры, самопроизвольно возникшие в ходе «оранжевой революции», так и не смогли добиться реального политического представительства. Сплоченность политического класса, сформировавшегося в первое постсоветское десятилетие на основе принципов олигархического правления, оказалась несокрушимой. Это не только украинская политическая драма, это очень плохой симптом и для России.

Игорь Клямкин:

При анализе системных трансформаций не исключена опасность попадания в ловушку объективизма. Ведь всегда есть возможность доказать,

что трансформация системы – в том виде и с теми результатами, какие хотелось бы получить, – невозможна. Строго говоря, при таком подходе не остается места для логики целеполаганий, для акторской логики. Если бы люди могли просчитывать заранее все «неприглядные последствия» своих действий, то не было бы в мире никаких революций, в том числе и киевской «оранжевой». У вас получается, что лучше бы этой революции не было вообще. Но как вы тогда себе представляете трансформацию систем и роль в этой трансформации низовой активности? И надо ли понимать так, что для Украины было бы лучше, если бы она вместо Майдана пережила «этап частичной деструкции демократических институтов» и «откат назад»?

Владимир Ланкин:

Еще раз повторю, значение «оранжевой революции» колоссально для России и очень важно именно потому, что это историческое событие дает уникальный опыт глубокой институциональной трансформации политической системы, сложившейся в постсоветский период. Значение этой попытки, этого уникального социального эксперимента трудно переоценить. Тем более что этот опыт по многим параметрам может быть использован при моделировании процессов политической трансформации в России. И не только может, но и должен быть использован. И очень хорошо для России, что Украина прошла по этому пути первой, взялась испытывать на себе рискованные технологии и практики такого рода.

В то же время мне представляется, что искусство политического целеполагания и целедостижения отнюдь не сводится к спонтанному принятию волевых решений. Всякий раз политическое действие предваряется неким мысленным экспериментированием и моделированием ситуации. И «оранжевая революция» предоставляет отличную возможность уточнить ограничения и инварианты социально-политических трансформаций на постсоветском пространстве. Потому что всякое разумное, осмысленное действие возможно только тогда, когда есть адекватное представление о граничных условиях и коридоре возможностей. В этом смысле опыт «оранжевой революции» проанализирован пока что явно недостаточно.

Игорь Клямкин:

Если бы можно было все заранее просчитать и смоделировать, то «оранжевой революции» не было бы. Если бы люди знали, что будет происходить потом, они не стояли бы сутками на площади. Но тогда не удалось бы добиться и того частичного результата, которого они добились, – утверждения демократической процедуры выборов. Трансформация сис-

тем снизу иначе и не происходит, кроме как через идеализацию частичных целей, через иллюзии относительно их универсальности.

Илья Шаблинский:

Я предпочитаю оставаться в рамках реальных возможностей. В-первых, реально возможно, как я уже говорил, создание общественного совета по использованию эфирного времени государственными телевизионными каналами, вещающими на определенной частоте. Есть мировые стандарты, скажем стандарт Би-Би-Си, которые, пусть не в полной мере, могут быть использованы. В формировании этого совета должны принять участие все крупнейшие политические силы.

Второе. Никакие законодательные инициативы не помогут в преддверии 2007–2008 годов, если не будет создана сила, способная реализовывать некоторые подразумеваемые идеи. Необходима новая консолидированная демократическая партия. Её созданием занимаются многие опытные люди, пока у них получается плохо, но есть и некоторые локальные успехи, например формирование единого демократического списка на выборах в Московскую городскую Думу. На мой взгляд, лучше создать совсем новую партию на основании всех имеющихся — нужны новые идеи, новые бренды, новые лица. Если к 2007 году такая партия не будет создана, на что тогда сетовать?

Игорь Клямкин:

Подводя итоги дискуссии, хочу сказать, что между участниками обсуждения не обнаружилось существенных разногласий в оценке российской политической системы и персоналистского режима. В то же время они разошлись в оценке темпов и способов трансформации, равно как и в представлениях о возможных субъектах последней.

М. А. Краснов просил предоставить ему возможность присутствовать на обсуждении, активно в нём не участвуя. Он намерен изучить стенограмму и подготовить развернутые ответы на прозвучавшие замечания и предложения. Я бы просил его более обстоятельно представить свой проект институциональных изменений. В обсуждавшемся тексте приведена информация о том, как устроены президентско-парламентские системы в других странах, показано их сходство с российской системой, как и отличия от неё. Однако каким мог бы быть оптимальный вариант политической системы именно для России, автор статьи не говорит, ограничившись предельно общим соображением о необходимости создания правового государства, где в законодательстве участвуют разные субъекты. М. А. Краснов обещал представить детальный проект реформирования персоналистского режима, и я надеюсь, что вскоре мы сможем с та-

ким проектом ознакомиться. Думаю, было бы также полезно, если бы автор, с учетом высказанных здесь критических замечаний, вернулся к вопросу о субъектах трансформации.

Материалы этой дискуссии мы разместим на сайте Фонда «Либеральная миссия». А когда М. А. Краснов подготовит развернутый проектный комментарий к дискуссии, мы намерены издать оба его текста вместе с материалами дискуссии отдельной книгой.

Апрель 2006 г.

ЧАСТЬ 3 ПОСЛЕ ДИСКУССИИ

Когда я приступил к этой части работы, не скрою, испытал сильный соблазн, идя по тексту стенограммы обсуждения, отвечать на критические замечания, вопросы, сомнения экспертов. Однако вовремя спохватился: читателю неинтересна полемика в режиме «диссертант – оппоненты». Ведь цель настоящей работы – не демонстрация «игры ума», в ходе которой участники показывают свою эрудицию. За большинством нынешних политических дискуссий, проходящих в разных кругах российского общества, стоит почти экзистенциальный вопрос: *какой ты хочешь видеть свою страну?* И когда такой вопрос ставится не как житейский, а как экспертный, неизбежно ожидаешь, что дискуссия как минимум прибавит какое-то новое знание.

Вот почему эту часть книги я решил структурировать таким образом, чтобы высветить не те или иные экспертные суждения и собственные ответы на них, а *ключевые аспекты проблемы политического персонализма в России*. Для этого пришлось сначала на спокойную голову проанализировать стенограмму, выявить наиболее принципиальные суждения и затем обобщить их в виде проблем, обсуждение которых позволяет углубить понимание основной темы. Причём последовательность проблематики здесь иная, чем во время дискуссии. Это связано с тем, что так и осталась непонятой главная идея, которую автор хотел донести: *не единственным, но основным детерминантом персоналистского режима в современной России является закреплённая Конституцией РФ конструкция государственной власти*.

Вполне понимаю тех коллег, которые не могут принять такой вывод. Он и мне самому долго казался пугающим своим, так сказать, нормативизмом. Но чем больше я размышлял о балансе между институциональными, ментальными, историческими причинами, тем больше находил свидетельств того, что политический персонализм в современной России обязан своим существованием в первую очередь институциональной конфигурации власти.

Думаю, не только моё правовое чувство возмущено тем, что и парламент сегодня работает как «фабрика по производству нужных или безвредных для Кремля законов», и суды по существенным для «президентской вертикали» делам выносят «правильные» решения. Но при всём том нельзя даже сравнивать нынешние и советские условия. Вот почему я

совершенно согласен с замечанием во время дискуссии *И. М. Клямкина* (таким шрифтом я буду выделять далее фамилии участников дискуссии), который сказал, что в системах типа советской верховная власть легитимируется не правовыми, а другими способами.

Действительно, в любом государстве можно сочинить документ под названием «конституция». Но далеко не везде это будет означать создание *конституционного строя*, главным отличием которого является институциональное отсутствие полновластия какого-то одного института. Другими словами, конституция – это не только и даже не столько фиксация определённого положения вещей, сколько «клетка», в которую общество помещает публично-властные институты. Поэтому можно оспорить универсальность известного определения конституции, данного Ф. Лассалем, согласно которому конституция страны есть «существующие в стране фактические отношения силы»¹. Лассалевская формула не имеет смысла при абсолютизме, неважно какого – монарха или «партии». Она годится только для государства, которое строится на принципе разделения властей².

Вот почему, как бы ни относиться к нынешнему уровню правосознания в нашем обществе и в правящем классе, к вольной трактовке властью конституционных норм, совершенно неверно утверждать, что конструкция, закреплённая действующей Конституцией РФ, никак не воздействует на механизм осуществления власти. Иное дело, что возникший у нас конституционный строй не только находится в зачаточном состоянии, что естественно после долгих лет его полного отсутствия, но и не укрепляется. Собственно говоря, исследование и было предпринято для того, чтобы показать, *почему и как конституционные нормы, закрепляющие устройство власти, препятствуют формированию конституционного строя*. Потому я и решил начать с ответов на категорическое возражение против именно этого вывода – о принципиальной роли самой институциональной организации власти.

Однако перед комментариями к дискуссии обязан чётко обозначить свою позицию в отношении одного из ключевых понятий, используемых в настоящей работе. Речь идёт о *политической конкуренции*, являющейся в современную эпоху *главным индикатором (критерием) наличия демократии*. Главным – потому, что при отсутствии конкуренции иные демократические институты (разделение властей, политическая свобода, выборы) сначала перестают нести свою функциональную нагрузку, а затем попр-

¹ Лассаль Ф. О сущности конституции (Речь, произнесенная в одном берлинском окружном собрании, в 1862 г.) // Соч. СПб., 1905. Т.2. С. 18.

² Впрочем, здесь слово «годится» применено весьма условно, поскольку лассалевская формула предназначена в основном для конституций, создаваемых в периоды революций.

сту деформируются, теряют сущность. Могут здесь только присоединиться к мнению Е. Г. Ясина, который пишет: «Если брать критерий максимума всеобщего блага, мы сталкиваемся с множеством исторических примеров, когда свободе и всеобщему благу народа служили режимы, которые никак нельзя считать демократическими. Зато с уверенностью можно сказать: если народ свободно избирает своих представителей во власть, а последние **избираются в конкурентной борьбе — это демократия**»¹.

В то же время хотел бы обратить внимание на другое его утверждение: **«Кого выберут, тот и будет реализовывать свои предложения.** Таким образом, роль народа состоит в избрании представителей, образующих орган общественного управления. А претенденты на роль представителей должны доказывать в конкурентной борьбе своё **право на управление от имени народа**»². Если речь идёт только о самой общей схеме, то действительно, через выборы происходит вручение мандата на управление от имени народа. Но если политическая конкуренция понимается тут *только* как борьба за «мандат на правление», выдаваемый по итогам выборов, то с этим согласиться нельзя.

В современной политической жизни даже «аутсайдерам»³, выявляемым в ходе выборов, должно гарантированно находиться место в системе определения путей и методов развития страны. Это вопрос не только справедливости и благородства, что само по себе тоже очень важно, так как тем самым задаётся общая атмосфера государственности, но и устойчивости самой государственности, ибо исключение «аутсайдеров» из политической жизни оборачивается радикализмом и накоплением в обществе разрушительного потенциала. Вот почему политическую конкуренцию нельзя увязывать только с выборами. В противном случае сама политическая система будет деградировать, а в ответ на упрек в отсутствии политической конкуренции в современной России противники серьёзных институциональных изменений могут сказать: «Да как же у нас нет политической конкуренции, если существует столько партий, они борются за места в федеральном и региональных парламентах, имеют возможность выдвигать кандидатов на пост президента страны». Но реальная ли это политическая конкуренция или только её имитация?

Для ответа вполне корректно воспользоваться аналогией с конкуренцией экономической, природа которой в целом такая же. Закон «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных

¹ Ясин Е. Г. Приживется ли демократия в России. М., 2005. С. 31.

² Там же. С. 30.

³ Под «аутсайдерами» я разумею отнюдь не экстремистские силы, исповедующие вражду, ненависть и т. п., а лишь носителей не очень популярных в данное время идей и ценностей.

рынках»¹, принятый в 1991 году и действующий в настоящее время с изменениями и дополнениями, определяет в ст. 4 собственно *конкуренцию* как «сопоставительность хозяйствующих субъектов, когда их самостоятельные действия эффективно ограничивают возможность каждого из них односторонне воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке», а *недобросовестную конкуренцию* — как «любые направленные на приобретение преимуществ в предпринимательской деятельности действия хозяйствующих субъектов, которые противоречат положениям действующего законодательства, обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости и могут причинить или причинили убытки другим хозяйствующим субъектам — конкурентам либо нанести ущерб их деловой репутации».

Таким образом, наличие нескольких соперников ещё не есть конкуренция, ибо последняя предполагает, кроме того, эффективное «ограничение возможности односторонне воздействовать на общие условия обращения», а также пресечение попыток получить незаконные и/или противоречащие деловой этике преимущества. Проще говоря, конкуренция существует, если все «игроки» находятся в равных условиях, т. е. имеется гарантия того, что результат борьбы невозможно предсказать и уж тем более обеспечить.

Вряд ли стоит здесь доказывать, что нынче у нас не приходится говорить о равенстве условий для всех участников выборов. Но эта ставшая уже тривиальной констатация хоть и подтверждает тезис об отсутствии реальной политической конкуренции, тем не менее является лишь следствием более существенной проблемы. Ведь закономерен вопрос: *а почему нет равенства условий или, точнее, почему у нас такое возможно?* Попробуем ответить.

Политическая конкуренция, повторю, не может, не должна заканчиваться вместе с очередными выборами. Победитель, получая право осуществлять власть, а проигравший — переходя в оппозицию, продолжают оставаться конкурентами и вести политическую борьбу. И тут выявляется принципиально важное отличие политической конкуренции от экономической: победитель в политической борьбе, «становясь властью», получает в свои руки возможность изменить сами условия конкуренции. Казалось бы, тем самым логически рушится вся идея конкуренции в по-

¹ Закон РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» от 22 марта 1991 г. № 948-1 (в ред. законов РФ от 24.06.1992 № 3119-1, 15.07.1992 № 3310-1; федеральных законов от 25.05.1995 № 83-ФЗ, 06.05.1998 № 70-ФЗ, 02.01.2000 № 3-ФЗ, 30.12.2001 № 196-ФЗ, 21.03.2002 № 31-ФЗ, 09.10.2002 № 122-ФЗ, 07.03.2005 № 13-ФЗ, 02.02.2006 № 19-ФЗ).

литической сфере. Логически – да. Но демократия тем и хороша, что является весьма адаптивной, и в данном случае вступают в силу компенсаторные механизмы, не допускающие чьего-либо доминирующего положения, которое возможно при экономической конкуренции.

Согласно той же ст. 4 Закона о конкуренции, *доминирующим* считается «исключительное положение хозяйствующего субъекта или нескольких хозяйствующих субъектов на рынке товара, не имеющего заменителя, либо взаимозаменяемых товаров, дающее ему (им) возможность оказывать решающее влияние на общие условия обращения *товара* на соответствующем товарном рынке или затруднять доступ на рынок другим хозяйствующим субъектам»¹. Признание того, что подобное положение на товарном рынке объективно возможно, означает прежде всего обязанность государства не допускать монополистической деятельности доминирующего хозяйственного субъекта. *На рынке же политическом вообще не должно быть доминирующего положения*: с одной стороны, ни один субъект здесь не обладает «товаром, не имеющим заменителя», с другой – учитывая, что «конкурентным выигрышем» является государственная власть, такое положение логически делает невозможным реальный и эффективный контроль за доминирующим субъектом. Отсюда следует одна из задач демократически организованного государства – не допустить доминирующего положения *ни одного* из конкурирующих участников политического рынка.

Мне могут напомнить, что как раз это и предусматривается нашим законодательством. В частности, что любые выборы считаются несостоявшимися, если за списки кандидатов было подано в сумме 50 или менее процентов голосов избирателей, принявших участие в голосовании по единому избирательному округу²; что на выборах в Государственную Ду-

¹ Согласно той же ст. 4, доминирующим признаётся «положение хозяйствующего субъекта, доля которого на рынке определенного товара составляет **65 процентов и более**, за исключением тех случаев, когда хозяйствующий субъект докажет, что, несмотря на превышение указанной величины, его положение на рынке не является доминирующим. Доминирующим также признается положение хозяйствующего субъекта, доля которого на рынке определенного товара составляет менее 65 процентов, если это установлено антимонопольным органом, исходя из стабильности доли хозяйствующего субъекта на рынке, относительного размера долей на рынке, принадлежащих конкурентам, возможности доступа на этот рынок новых конкурентов или иных критериев, характеризующих товарный рынок».

² См. ст. 70 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (в ред. федеральных законов от 27.09.2002 № 119-ФЗ, 23.06.2003 № 83-ФЗ, 04.07.2003 № 97-ФЗ, 04.07.2003 № 102-ФЗ, 07.06.2004 № 46-ФЗ, 12.08.2004 № 99-ФЗ, 22.08.2004 № 122-ФЗ, 11.12.2004 № 159-ФЗ, 29.06.2005 № 69-ФЗ, 21.07.2005 № 93-ФЗ, 12.07.2006 № 106-ФЗ, 12.07.2006 № 107-ФЗ, 25.07.2006 № 128-ФЗ, 05.12.2006 № 225-ФЗ, с изм., внесенными Федеральным законом от 24.12.2002 № 176-ФЗ, Постановлением Конституционного Суда РФ

му к распределению депутатских мандатов допускаются списки кандидатов, при условии, что голосование проводилось не менее чем за четыре федеральных списка кандидатов, что списков, каждый из которых получил 7 и более процентов голосов избирателей, было не менее четырех и за все эти списки подано в совокупности более 50% голосов избирателей, принявших участие в голосовании по федеральному избирательному округу¹; что за соблюдением равных условий конкуренции в ходе избирательных кампаний и выборов следят Центральная и иные избирательные комиссии, органы прокуратуры и судебной власти.

Всё это так. Но ни законодательные ограничения, ни деятельность контролирующих органов, предназначенная лишь для пресечения мошенничества, финансовых и других злоупотреблений во время избирательных кампаний, не в состоянии ликвидировать фундаментальные условия для возникновения доминирующего субъекта в системе государственной власти. Специфика политической конкуренции в том, что недопущение доминирующего положения кого бы то ни было обеспечивается не законодательными запретами и не отдельными контролируемыми действиями, а *институциональным балансом в системе сдержек и противовесов*.

Если такой баланс существует, то, во-первых, проигравшие приобретают в чём-то даже более выигрышную роль, ибо главная задача оппозиции, и не только парламентской, — контроль за правящей политической силой в разных её проявлениях. Соответственно, мнение проигравших не игнорируется при принятии государственных решений, и уж тем более они не «вышвыриваются из политики». Во-вторых, оппозиция знает, что благодаря качающемуся политическому маятнику большинство избирателей на следующих выборах может обратить взоры к сегодняшним «неудачникам». Это заставляет оппозицию не менее ответственно, чем обладатели власти, относиться к своей моральной репутации, к выдвигаемым предложениям в процессе принятия государственных решений, к объективности своей критики и т. д.

Если же институционального баланса нет, то невозможны и названные выше компенсаторные механизмы. Когда система строится таким образом, что «победитель получает всё», последний не только естествен-

от 30.10.2003 № 15-П, Федеральным законом от 23.12.2003 № 186-ФЗ, постановлениями Конституционного Суда РФ от 25.02.2004 № 4-П, 14.11.2005 № 10-П).

¹ См. ст. 84 «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» от 20 декабря 2002 г. № 175-ФЗ (в ред. федеральных законов от 20.12.2002 № 175-ФЗ, 23.06.2003 № 82-ФЗ, 23.06.2003 № 83-ФЗ, 23.06.2003 № 84-ФЗ, 23.06.2003 № 85-ФЗ, 02.02.2006 № 19-ФЗ, 25.07.2006 № 128-ФЗ, с изм., внесенными Федеральным законом от 18.05.2005 № 51-ФЗ, Постановлением Конституционного Суда РФ от 14.11.2005 № 10-П).

ным образом стремится максимально реализовать это «всё», в том числе обеспечить на новых выборах — президентских, парламентских, региональных — «внушительную победу» тех, кого бы он сам хотел видеть у власти, но и имеет для этого легальные возможности. Таким образом, система, обуславливающая доминирующее положение одного политического субъекта, превращает политический рынок в оксюморон, хотя бы потому, что само понятие «победитель» иначе как в кавычках применяться не может.

Мало того, «победитель» получает опять же легальную (или почти легальную) возможность осуществлять монополистическую деятельность, ибо в отличие от экономики, где монополистическую деятельность и недобросовестную конкуренцию обязано пресекать государство, в политической сфере доминирующий субъект сам олицетворяет государство, а все другие институты власти оказываются под его контролем. В итоге иные властные институты, скрепя сердце или с вдохновением, используют свои полномочия для поддержки действий доминирующего субъекта. Тем самым институционально формирующийся монополист получает широкие возможности контролировать деятельность, а то и предопределять само существование «конкурентов»; делить их на «сателлитов» и на «врагов государства»; наконец, регулировать в своих интересах сами условия политической деятельности.

Согласен, что в эпоху первого президента Кремлю отнюдь не всегда удавалось обеспечить контроль над политической сферой: результаты и парламентских, и губернаторских выборов были далеки от «кремлёвской модели»... Значит, всё-таки возможна конкуренция и в существующей системе? Нет! То время действительно отмечено большей степенью политической свободы. Но, во-первых, она обеспечивалась отчасти революционной инерцией, отчасти утраченным политическим ресурсом Кремля. И во-вторых, политическая свобода — существенное, но лишь одно из условий функционирования нормального политического рынка. А об институционально обустроенном политическом рынке говорить нельзя, поскольку и в то время президент занимал в системе доминирующее положение. Разве что уменьшился его собственный, а не институциональный ресурс для осуществления монополистической деятельности. Это можно сравнить с тем, как если бы хозяйствующий субъект занимал доминирующее положение, но из-за плохой рекламы, маленького платёжного спроса, в силу других причин его продукция не раскупалась...

Сказанное не означает, что все властные институты системно обязываются или вынуждены действовать по одному лекалу, поскольку институционально всё так детерминировано. Речь идёт только о том, что обусловленная Конституцией РФ институциональная система *позволяет*

монополизировать политический рынок, *позволяет* одному «игроку» контролировать всё политическое пространство. В этой *возможности*, которую можно, как сегодня, реализовать, а можно и не реализовать, и состоит современная драма России.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ВЛАСТИ И СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВА

Наиболее определённо против сделанного выше вывода высказался **И. А. Яковенко**, назвав такой подход «*юридическим и правовым фетишизмом*». Обосновывает он это тем, что «правовые (юридические) нормы далеко не базовые и не единственные, а уж в России точно не базовые».

Истоки такой позиции, в общем, понятны. Они – в глубинно усвоенном нашим обществом в ходе многовековой практики *позитивистском восприятии* социальных явлений, и прежде всего самого права. Позитивизм характеризуется, в частности, пренебрежением к ценностному контексту, технократизмом и т. д. Но в данном случае важно отметить следующую его особенность. Воспользуюсь высказыванием известного теоретика права Г. В. Мальцева:

«Все учения и доктрины, относящиеся к этатическому позитивизму, рассматривают право как систему велений или предписаний государства, адресованных гражданам и объединениям. По одну сторону – государство и право, логически и исторически связанные между собой, по другую – гражданское общество, интересы которого отражаются в праве лишь после того, как они трансформируются в государственные интересы. В своих крайних вариантах **этатический позитивизм почти полностью растворяет сущность права в государстве, рассматривает право как нечто вторичное по отношению к государству, как функцию государства, его инструмент**»¹.

Если перевести сказанное на бытовой язык, позитивизм означает, главным образом, признание того, что единственным «хозяином права» является государство, а если более конкретно – верховный правитель. Отсюда и недоумение: как можно всерьёз изучать правовые конструкции, если они реально не ограничивают власть?

¹ Теория права и государства : Учебник для вузов / под ред. проф. Г.Н. Манова. М. 1995. С. 46.

Во многом именно позитивистское мировоззрение породило то, что у нас принято именовать *правовым нигилизмом*. И это понятно: если «право» — лишь «продукт» власти, к тому же власти, не основанной на ценностях личной автономии, свободы и справедливости, власти не очень милосердной, а часто тиранической, то как можно ожидать уважения к такому «праву»? Другое дело, правильно ли в таком случае говорить о правовом нигилизме? Ведь в строгом смысле нигилизм — это глубинное презрение к праву как к ценности, внутреннее убеждение в приоритете силы перед правом, эгоистичное и самодовольное отвоёвывание пределов собственной свободы в ущерб свободе и законным интересам других. Однако под «правовой нигилизм», лукавя или искренне не понимая разницы, часто подводят лишь отсутствие законопослушного поведения, т. е. разумея под этим уважение к позитивному праву.

В России власть никогда не была ориентирована на человека со свободной волей. Правители были жестокие и мягкие, мудрые и глупые, но все они исповедовали одну и ту же философию власти: мы лучше знаем, что нужно, что полезно народу. И это при том, что «полезно» было основано большей частью всё на тех же мифах, одновременно и возвеличивающих народ, и его же уничижающих: он и богоносец, он и вороват; он и мудр, он и как малое дитя. Сам же народ если и восставал, то скорее не за полноценную свободу, а за облегчение невыносимого гнета.

В силу такого духа властвования и всего строя жизни в России появлялось множество законов, либо пустых («законы-пожелания»), либо глупых, в том числе мелочно регламентирующих жизнь, либо неоправданно жестоких, унижительных. Нормальный русский человек со здравым умом такие юридические нормы, само собой, воспринимал враждебно или, во всяком случае, был далёк от стремления выказывать себя «добропорядочным гражданином» и педантично исполнять любое требование закона. К тому же правоприменительные институты — от «коллегского регистратора» до полиции и суда — также зачастую действовали и действуют согласно своим, а не «законным» представлениям о должном и/или на основе мздоимства.

Итак, в России потому плохо приживалось и приживается законопослушание, что народ, оставаясь внешне терпеливым и молчаливо снося государственный произвол, издавна научился приспосабливаться к неправовым условиям¹, выработал свою собственную шкалу оценок властных решений. Беда поэтому не в законопослушном народе, а в том, что у нас *формальная законность слишком часто не совпадает с правом*.

¹ Социальный антрополог Н.Н. Козлова называет такую поведенческую реакцию на государственный произвол «техниками "проскальзывания и ускользания"» (См.: Козлова Н.Н. Социально-историческая антропология. М., 1999. С. 57).

Казалось бы, автор в таком случае противоречит себе, и правы как раз его критики, указывающие на то, что «правовой анализ нынешней ситуации должен быть последним, а не первым» (*И. А. Яковенко*). Иными словами, не является ли сделанный на основе анализа российской системы сдержек и противовесов вывод об институциональной причине персоналистского режима примером как раз позитивистского мышления? Нет. Попробую объяснить.

Во-первых, я совершенно сознательно влез, рискуя быть обвинённым в некомпетентности, в «чужие» области знания – историю, социологию, психологию и т. д. Влез именно потому, что вне широкого контекста предложенный вывод действительно выглядел бы, по меньшей мере, странно. Поэтому институциональный анализ предпринят, как мог заметить читатель, отнюдь не в технократическом, а в ценностном контексте.

Во-вторых, хотя, как было замечено в части I книги, я не рассчитываю на то, что «голый конституционный реинжиниринг» способен дать демократический эффект, наверное, сам текст наталкивает на подозрение, что автор исповедует именно такой подход. Значит, нужно ещё раз уточнить позицию. Для этого обращусь к следующему, возможно неожиданному, образу.

В Средние века (но, судя по одному из рассказов Мопассана, это происходило и относительно недавно) некоторые изверги рода человеческого помещали младенцев в специальные приспособления, чтобы потом на ярмарках демонстрировать «человеческие дефекты», зарабатывая на этом деньги. Однако, к несчастью, бывают люди и с врожденными физическими недостатками. Отсюда: если специально культивировать дефект, он *обязательно* появится, а без такой культивации *может появиться*, но вероятность этого гораздо меньше. Такая же логика применима и к политической жизни. Надо понять, обладаем ли мы «естественным» дефектом антидемократизма или нас скрючило от «средневековых приспособлений».

Задача состоит не в том, чтобы найти такую систему распределения властных прерогатив, которая бы гарантировала конституционный строй, а в том, чтобы эта система нормативно не извращала мотивов политического поведения.

Дискуссия показала, что даже представители экспертного сообщества часто основываются в своих рассуждениях на не совсем верных причинно-следственных связях.

Например, *В. В. Лапкин*, говоря об «условиях формирования эффективной и устойчивой демократической системы», считает:

«Проблема не сводится лишь к конструированию оптимальной институциональной структуры, обеспечивающей разделение и баланс властей. Решающую роль играет состояние общества и готовность его элит к диалогу и компромиссу при выработке политических решений, а это предполагает, соответственно, некий консенсус политической власти, бизнеса, гражданского общества, на основе которого формируются и Конституция, и институциональные формы политической демократии в стране. Но такой консенсус, в свою очередь, может сформироваться лишь на основе уже сложившегося в обществе элементарного правового порядка, т. е. только тогда, когда авторитет права преобладает в сознании и практике общества над авторитетом власти или по крайней мере реально претендует на такое преобладание».

Конечно, проблема конституционализма в России не сводится *лишь* к конструированию оптимальной институциональной структуры. Требуется и многое-многое другое. Но это «другое» невозможно сформировать, создать, вырастить при существующих институциональных условиях! В этом я и пытаюсь убедить своих оппонентов. Ни «элементарного правового порядка», ни на его основе «консенсуса политической власти, бизнеса, гражданского общества» — ничего этого не будет, ибо образовался замкнутый круг: правовой порядок ещё не обрёл силу, достаточную для того, чтобы ограничить верховную власть, но такой силы у права не появится, пока институционально всё предопределяет персоналистская конструкция власти.

Между прочим, сами эксперты невольно подтверждают такой вывод. Тот же **В. В. Ланкин**, совершенно правильно ставя вопрос об отношении к собственности на одно из первых мест, обращает внимание на сходство нынешней политики и политики первых двух десятилетий XX века в России:

«Но роковое по своим историческим последствиям лукавство власти состояло в том, что, стремясь избежать обострения социального конфликта, она “другой рукой”, или, как сказали бы сегодня, “в рамках проводимой социальной политики”, длительное время поощряла общинно-собственнические иллюзии крестьянства, пребывавшего в условиях катастрофического и всё нарастающего аграрного перенаселения. Иные, более жесткие и рациональные решения аграрного вопроса, по существу, блокировались. Именно эта политика привела в конце концов к революционному решению проблемы. Иными словами, не решаясь на глубокую и последовательную “революцию сверху”, власть спровоцировала радикальную революцию снизу. И, как мы пом-

ним, основу мобилизационного ресурса этой антирыночной и разрушающей отношения частной собственности революции составили протестные настроения крестьянства, сориентированные на уничтожение института частной собственности на землю».

Что этим иллюстрируется? Да как раз то, о чём я твержу: персоналистский режим, неважно при какой форме правления, опасен для любой современной страны. Институт-персона может, конечно, проводить и мудрую политику, но ведь может, причём с равными шансами, — и гибельную. Опасность такого режима — в отсутствии гарантий от самодурства правителя и условий для проведения политики как результата компромисса между разными политическими силами, выражающими ценности и интересы разных слоёв общества. Только такая политика способна оградить страну от потрясений, но она возможна, когда принятие решений *институционально* опирается на компромиссы.

Пример выстраивания неверной причинно-следственной связи, смешения причин и следствий продемонстрировал и *И. Г. Шаблинский*. Говоря об «институциональных особенностях нынешнего российского политического режима», он вдруг отмечает «тихую ликвидацию условий для публичной критики власти». Такой же *институциональной* особенностью он считает, что с 2003 года «преференции стали носить подавляющий характер. Преференции для конкретной корпоративной силы — Единой «партии власти». И это свело политическую конкуренцию к минимуму». Упоминает он и об уменьшении роли Совета Федерации, и о других нововведениях, меняющих политическую картину, но тут же утверждает, что всё это «свободное правовое творчество экспертов из референтной группы президента. [...] Они ощущают себя искателями некой “золотой середины”, строителями новой государственности... Кажется, что действительно юридический анализ тут вторичен, и надо говорить исключительно о политической психологии».

Мне приходится повториться: всё названное есть только *следствие нашей институциональной конфигурации*. Путаница же происходит потому, что следствия этой конфигурации не жёсткие. Как уже говорилось, субъект персоналистского режима может обладать и демократическими убеждениями. Неужели нам в таком случае остаётся только играть в «чёт-нечёт», где ставка — судьба страны? Вот почему я настаиваю: необходимо, наконец, понять, где причины и где следствия, а не изучать «политическую психологию экспертов из референтной группы президента» и гадать, в чём они видят «золотую середину». Если говорить с некоторой долей пафосности, то не для того тысячи людей стояли у Белого дома в августе 91-го, чтобы одних непубличных «вершителей судеб» заменить на других...

Итак, речь идёт не о том, что сегодня сузилось поле для столкновения открытых политических мнений; что выстроена иерархическая система управления; что можно заранее предсказать как результаты выборов, так и судебные решения, в которых затрагивается интерес власти. Проблема не в этом! Пусть бы сегодня на президентской должности находился «супердемократ». Пусть бы расцветала та самая публичная критика власти. Суть режима от этого не поменяется. Политический рынок от этого не появится.

Считающие себя демократами политики обязаны бороться сегодня не за иную политику, а за иную институциональную систему, на основе которой вырабатывается любая политика, ограниченная лишь Конституцией.

Однако, кажется, многих страшат как раз слова «любая политика». Эти опасения ясно выразил во время дискуссии *И. Г. Шаблинский*: «Да, доминирование “Единой России” выглядит нелепо, но если она освободит свое политическое пространство, кто его займет? Это политическое пространство займут партии, которые призывают мстить и делить».

Проблема эта принципиальная, а не тактическая, как может показаться. Вопрос стоит так: создавая условия для открытой политической конкуренции и реального политического плюрализма, не расчищают ли демократы своими руками поле для тех, кто их же, демократов, обещал вешать? При этом нынешнее состояние общества делает актуальной угрозу даже не коммунистического (ультралевое) реванша, а появления, как выразилась *Л. Ф. Шевцова*, «одноцветного, жёсткого национал-популистского режима власти», т. е. прихода к власти ультраправых.

Тем самым как бы предлагается дилемма: либо демократы не поступят своими принципами, но тогда сделают потенциально возможным установление репрессивного режима, либо временно откажутся от принципа плюрализма «во имя сохранения демократии». Сегодня, если судить по разным дискуссиям, чувствуется, что большинство нынешних сторонников демократии хотя и выступают за открытие закупоренных каналов политической свободы, тем не менее не готовы отказаться от персоналистского режима, а только хотели бы, чтобы его олицетворял «демократ».

Сказанное не означает, что автор абсолютизирует известный вольтеровский афоризм о готовности отдать жизнь за право оппонента высказывать свои взгляды. Напротив, я считаю, что есть взгляды, находящиеся за пределами принципа идейного и политического многообразия. Равным образом убеждён и в том, что «демократия должна уметь себя защищать», если перефразировать известные слова Ленина. Как же тогда решить образовавшуюся дилемму?

Прежде всего, нужно понять, что в общественных отношениях не бывает математически жёстких дилемм. При социальном, политическом выборе недопустимо ставить вопрос «или – или». Вот и в данном случае гарантией от окончательного уничтожения демократических институтов как раз служит то, чего опасаются иные сторонники демократии: *формирование полицентричной системы власти*. Только тогда политика перестанет быть монополией одного института, к тому же персонализированного. Система должна быть выстроена таким образом, чтобы, с одной стороны, идеи мстительного насилия вообще не могли обрести легальную форму, а с другой – чтобы приход к власти кого бы то ни было не означал, что все иные позиции, мнения, мировоззрения и ценности будут отброшены и не окажут никакого влияния на проводимую политику.

Наоборот, именно контроль за «идеологическими потоками», возможный только в условиях персоналистского режима, ведёт к опасности прихода к власти ультраправых. Как верно подметила *Л. Ф. Шевцова*, «чем больше “Единая Россия” заполняет политическое пространство, тем больше угроза того, что население, устав от “партии власти”, будет поддерживать экстремистские силы. Чем дольше нынешняя команда сидит в Кремле, тем сильнее угроза, что она будет стимулировать запрос на более агрессивный тип авторитаризма». Это вполне естественно в условиях персоналистского режима, закономерно стремящегося к безоппонентности, а потому вызывающего к жизни и активным действиям силы, для которых безоппонентность составляет их суть.

Некоторым образом подтвердил данный вывод *А. Ю. Зудин*, высказав идею, что совокупность «трёх факторов» (рыночная среда, Запад и российский избиратель) «не позволит укрепляющемуся государству снова “пожрать” российское общество и будет подталкивать персоналистский режим к постепенной деконцентрации власти после 2007–2008 годов». Он видит «радостные приметы», например, в том, что «кремлевский агитпроп не столько производит какую-то оригинальную политическую продукцию, сколько “индуцирует” уже существующие тенденции и настроения. Сигналы из общества он улавливает достаточно чутко, потому что в противном случае все его политические проекты окажутся нежизнеспособными».

Но, с одной стороны, такое «улавливание настроений» не есть демократия и, главное, к демократии не ведёт, ведь и при тирании власть зачастую прислушивается к настроениям подданных. А с другой стороны, разве в обществе существует запрос на «деконцентрацию власти»? Ведь какие нынче «тенденции и настроения» может «уловить» Кремль? Неприязнь к чужому богатству. Патернализм. Антизападничество. Ностальгию по СССР. Надежду на «вождя». Иерархический дизайн власти. И

разве пример «индуцирования сигналов из общества» в виде сталинского гимна не убеждает в том, что именно такого рода «сигналы» власть будет реализовывать?

Итак, допускаю, что вывод об огромной роли конструкции власти в уродливом функционировании нашей политической системы непривычен. Настолько, что, наверное, кажется примитивизацией сложнейшего социального явления. Но, во-первых, я постоянно подчёркиваю, что институционально не предопределяются уродства, а только создаётся для них благоприятная почва. А во-вторых, я сознаю, что институциональные условия не действуют изолированно от других факторов. Просто здесь я рассматриваю роль и механизм действия именно институционального фактора. Своеобразие же его состоит в том, что он определяет *не темп развития* демократии, а количество *препятствий* на пути её развития.

Поэтому я бы хотел завершить этот подраздел недавно попавшимся на глаза высказыванием, которое подтверждает вывод о принципиальной значимости институциональных причин сохранения персоналистского режима в России: **«Демократия выживает не там, где её любит народ. [...] Как элита, так и массы могут мириться с демократией, относясь к ней без симпатий. Но вот без разумного институционального устройства демократия выжить не может: как и любой механизм, она скоро ломается при наличии конструктивных недостатков»¹.**

КТО ПОКУСИТСЯ НА СИСТЕМУ?

Не меньший накал страстей во время дискуссии вызвал и вопрос *о субъекте и мотивах изменения* нынешней политической системы, обуславливающей персоналистский режим. Большинство экспертов выразили сильное сомнение в реальности «сценария аннигиляции», предложенного автором, не видя, какие рациональные мотивы могут толкнуть президента к конституционной реформе, открывающей дорогу для становления нормального политического рынка.

Вновь наиболее ярко недоумение было выражено **И. А. Яковенко**, и за это я ему особенно благодарен. Он сказал, что «ждать и рассчитывать только на то, что вдруг, случайно, благодаря какому-то чуду произойдет смена политических элит, появится супердемократичный лидер, который

¹ *Голосов Г.* Политические институты и демократия в России // Неприкосновенный запас. 2001. № 5 (19).

изменит Конституцию и откажется от авторитарного персоналистского режима, — это значит ждать невероятного».

Думаю, истоки такой позиции в том, что, находясь «внутри» конкретной исторической ситуации, многие из нас невольно переносят её на будущее, забывая, что история не линейна, что она пробивает себе дорогу через такие непредсказуемые события и поступки людей, через такие, не побоюсь этого слова, чудеса, что порой закрадывается крамольная мысль: а нужна ли вообще социально-политическая аналитика и не является ли она в нашем мире просто инстинктивной защитой от непостижимости истории? Во всяком случае, жизнь почему-то часто ломает наши сугубо рационалистические аргументы и выводы...

Помимо этого, взаимопониманию экспертов, судя по всему, мешает терминологическая путаница, в данном случае *необоснованное расширение содержания термина «политический режим»*. Так, **А. Ю. Зудин** утверждает: «Весь режим центрирован даже не на институте, а на личности, не на президентской власти, а **на конкретном действующем президенте Путине**. [...] Если действующий президент, руководствуясь теми или иными соображениями, решил уйти со своего поста, вся конструкция просто “подвигает” и неизбежно будет трансформироваться». Этот тезис справедлив, но только в *субъективном* смысле: для нынешней постсоветской номенклатуры действительно «режим центрирован» именно на В. Путине. В смысле же *объективном* это не так. Политический режим у нас «центрирован» не на конкретной фамилии, а, в силу Конституции, на институте и потому не меняется вместе с ротацией президентов.

Неужели, могут спросить меня, автор не видит разницы между образами правления президентов Ельцина и Путина? Конечно, вижу. Но именно — между *образами*. Мы хотим добиться того, чтобы наша страна развивалась в рамках демократической парадигмы? А это, подчеркну, не вопрос чьей-то партийной позиции, каким он стал у нас, а вопрос самого существования и стабильного развития России в современном мире. Если хотим, то обязаны различать особенности, вызванные свойствами личности главы государства, и особенности, вызванные институциональными условиями его правления. Именно поэтому я утверждаю: фундаментальный характер политического режима начиная с 1993 года и по настоящее время не изменился. Изменился лишь *стиль власти*.

Можно, конечно, «клеить режим Путина» за монополизацию основных СМИ, превращенных в средство пропаганды, за использование властного ресурса для предоставления преференций одним политическим силам и оттеснение на политическую обочину других, за использование институтов государственного принуждения вопреки принципу равенства всех перед законом и судом и т. д. Всё это есть. Но если подходить к проблеме

строго, необходимо видеть *грань, разделяющую разные политические режимы*. В нашем случае грани, которая означает переход к авторитаризму, пока не наблюдается. Понимаю, что для кого-то такой вывод означает «измену делу демократии», но, как говорится, истина дороже. Впрочем, дело тут не в теоретическом пуризме, а в том, что если мы не сумеем отличить «стилистику» власти от «режима», то не поймём, где корни этой «стилистики».

В науке конституционного права *под политическим режимом* принято понимать совокупность приёмов, методов осуществления политической власти в обществе¹, или методов правления². Однако, как только дело доходит до определения вида политического режима в конкретной стране, это перестаёт походить на науку, настолько расплывчаты тут критерии оценки (впрочем, не существует даже общепринятой классификации политических режимов). В силу этого исследователи часто полагают, что существующий в данное время *стиль власти* и есть собственно политический режим, т. е. происходит смешение понятий «режим конкретного лидера» и «политический режим», тогда как последний — явление гораздо более устойчивое и менее субъективированное. Например, нельзя всерьёз рассуждать о различиях политического режима времён Хрущёва и Брежнева («стилистика» — да, различалась, и довольно сильно). По большому счёту, принципиально от них не отличался даже политический режим сталинской эпохи. Все они являлись режимами авторитарными. Что касается эпохи Горбачёва, то здесь можно говорить об эрозии авторитарного режима, но не станем же мы из-за этого называть его демократическим?

Возможно, именно стремление хоть как-то объяснить этот парадокс заставляет некоторых учёных вводить более дробную дифференциацию политических режимов. А. С. Автономов, например, выделяет две разновидности авторитарного режима: авторитарно-либеральный, предпочитающий ненасильственные методы, и реакционно-авторитарный³.

Не считаю плодотворным по любому поводу вводить новые понятия, однако в данном случае, видимо, это придётся сделать. Установившийся в постсоветской России политический режим невозможно назвать демократическим, но его также нельзя отнести и к авторитарным. Действительно, анализируя приёмы и методы осуществления власти с 1993 до конца 1999 года и с 2000 года по настоящее время, нельзя утверждать, не

¹ См., например: Конституционное (государственное) право зарубежных стран / отв. ред. проф. Б.А. Страшун. С. 230; Мишин А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Учебник. 11 изд., испр. и доп. М., 2004. С. 110.

² См., например: Автономов А.С. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Учебник. М., 2005. С. 139.

³ Там же. С. 141.

впадая в политическую публицистику, что в период президентской легислатуры Б. Ельцина политический режим являлся демократическим¹, а в период легислатуры В. Путина – авторитарным.

Существенные характеристики установившегося после 1993 года политического режима в России правомерно описать именно термином «персоналистский» – режим не авторитарный, но имеющий тенденцию к авторитаризму.

Обе упомянутые президентские легислатуры роднит, т. е. позволяет относить к одному и тому же виду, именно их *персоналистский характер*.

При всей важности личности президента страны, особенно на нынешнем этапе развития российской государственности, выстраивать на этом факторе политическую стратегию непродуктивно. Ведь такой подход означает фактическую поддержку идеологии персонализма, уводит от решения главной нашей проблемы – поиска не личности, а системы, при которой качества любого главы государства будут, конечно, оставаться значимыми, но лишь в рамках заданных институциональных условий. Ведь если допустить, что с 2000 года изменился сам политический режим, то мы тем более обязаны задать себе вопрос: что же это за Конституция у нас такая, что позволяет без её принципиальных нарушений или даже без нарушений вовсе устанавливаться «принципиально иному режиму»? Вот где нерв проблемы.

Если посмотреть на нынешнюю ситуацию, то, казалось бы, нужно согласиться с критикой идеи аннигиляции персоналистского режима. Обволакиваемый лестью царедворцев, процентами рейтинга популярности, восторгами подданных во время поездок по стране, президент не только перестаёт трезво относиться к себе и своей политике, но и обретает уверенность, что стране нужен либо только он, либо такой же, как он.

Джордж Вашингтон ради принципа свободного народного выбора сумел в конце своего президентства отказаться от льстивых предложений стать американским монархом или по крайней мере «указать перстом на достойного преемника». Но где у нас фигуры такого масштаба и такой верности принципам?..

Могу согласиться, что и в нынешних западных демократиях такие фигуры – большая редкость; что и там среди политиков есть демагоги, беспринципные ловкачи, наконец, коррупционеры; что и там иногда возникают скандалы по поводу ущемления политических свобод, прежде всего свободы массовой информации. Но нельзя согласиться с тем, чтобы это считать поводом для самоуспокоения: мол, российская демократия не

¹ Признать это автору достаточно горько, поскольку в 1993–1998 годах он работал в Администрации Президента РФ.

лучше, но и не хуже западной. Бессмысленно убеждать тех, кто использует такой прием для пропаганды в худшем смысле этого слова. Но есть ведь и те, кто, видимо, искренне не видит принципиальных отличий между политическими условиями «там» и «здесь». Например, такой образованный и ироничный публицист, как Максим Соколов, написал: «Президенты США, заканчивающие второй срок, часто выражают поддержку избирательной кампании своих вице-президентов. Когда удачно (Буш-старший после Рейгана), когда неудачно (Гор после Клинтона), но в любом случае американская операция «Преемник» — в порядке вещей. В Старом Свете не лучше — о желании Ширака видеть своим преемником в Елисейском дворце премьера де Вильпена какая только газета не отписалась, Ширака обвиняли в интриганстве и политиканстве, но про спецоперацию, которую необходимо пресечь, все же хватило ума не говорить»¹.

Действительно, порой действующие президенты объявляют о своих предпочтениях на предстоящих выборах, не исключая также «интриганства и политиканства». Но, мягко говоря, некорректно сравнивать такие действия в разных политических средах — при наличии немонополизированного политического рынка и при его отсутствии. В конкурентной политической среде подобные заявления не более чем один из многих предвыборных шагов, но отнюдь не решающий. Недаром сам М. Соколов говорит, что поддержка Б. Клинтон А. Гора не принесла последнему победу, равно как и усилия Ж. Ширака по продвижению де Вильпена могут оказаться напрасными. А не решающий этот шаг потому, что в условиях реальной политической конкуренции в этих государствах:

- конкуренты (оппозиция) имеют практически такие же возможности для агитации, что и политики из правящей партии;
- «административный ресурс» не может быть задействован уже хотя бы потому, что при длительном «качании политического маятника» государственный аппарат во имя самосохранения старается соблюдать политическую нейтральность;
- партии имеют устойчивый электорат, и, собственно, этот «маятник» качается благодаря лишь некоторому числу не определившихся избирателей, у которых «проталкивание преемника» может вызвать как раз негативную реакцию.

Впрочем, в условиях политической конкуренции вообще неправомерно говорить об *операции* «Преемник», ибо заявление действующего президента о его персональном предпочтении и даже политическая поддержка конкретного кандидата не есть операция, понимаемая как цепь последовательных шагов. Тем более речь не может идти об операции, если, как иногда в той же Франции, правительство возглавляет политик из

¹ Соколов М. «Отдайте все...» // Известия. 2006. 21 февр.

оппозиционной президенту партии. Или разве можно назвать «первым этапом» операции «Преемник» рекомендацию, которую дал в мае 2006 года президент США Дж. Буш своему младшему брату – губернатору Флориды? В американской политической системе это не только не повлияет сколько-нибудь значимым образом на выборы 2008 года, но вряд ли скажется даже на ходе партийных primaries.

У нас в принципе иная система. Будучи неконкурентной, она родила эффект как бы *естественности* фактической назначаемости, а не избираемости следующего президента. И вправду, если даже у непопулярного в конце его легислатуры Б. Ельцина операция «Преемник» прошла с успехом, то уж у популярного В. Путина она будет успешной наверняка. Данные социологических опросов летом 2006 года зафиксировали это. Ставший уже дежурным вопрос о «преемнике», задаваемый журналистами, показывает, что такой характер замещения президентского поста органически вплетён в нашу политическую ткань и мало кого шокирует. Потому у нас и слово «операция» тоже постепенно всё меньше будет отвечать своему значению, и в ординарных условиях смена власти превратится в рутинную аппаратную технологию: назначение лица на соответствующую публичную должность + «раскрутка» в подконтрольных власти СМИ + «административный ресурс» (на всякий случай) на выборах.

Общество, не видящее альтернативы этой системе, тем самым легитимирует её. Закономерный ответ получил журналист, задавший Ю. А. Леваде вопрос, как формируется людьми оценка неизбежности. Этот вопрос был задан в связи с данными, полученными «Левада-Центром» при опросе о степени неизбежности нескольких исторических событий. В частности, приход В. Путина сочли предопределённым 51%. Социолог ответил: «Я думаю, что к Путину привыкли, другого не видят, альтернативы ему нет. Из ответов, которые мы публиковали, следует, что если бы Путин мог оставаться президентом дальше, то люди бы это с удовольствием приняли, потому что **они просто не видят никого больше**. Поэтому люди считают, что приход к власти Путина и его команды неизбежен»¹.

Так общество загоняется в рамки фаталистического восприятия публичной жизни: сначала его ставят перед фактом (иногда, как, например, сегодня, этот «факт» создается формально самим обществом), а уже потом неизбежная адаптация к конкретным условиям, их длительная неизменность плюс «идеологическая обработка» приводят к возникновению чего-то похожего на безальтернативность сущего («...это наша родина, сынок»).

¹ Фатализм неопределённости (интервью с Ю.А. Левадой) // Интернет-портал «Газета.Ru» (http://www.gazeta.ru/comments/2006/05/10_x_635729.shtml).

Таким образом, возвращаясь к возражениям ряда экспертов по поводу аннигиляции, могу ответить: конечно же, при существующих условиях нельзя рассчитывать на чей-то внезапный отказ от фактически неограниченной власти. Но это — *при существующих условиях*, когда, по справедливому замечанию **Л. Ф. Шевцовой**, «в рамках тех социальных групп и слоев, которые поддерживают стагнирующее статус-кво, мы можем найти представителей самых разных политических и идеологических ориентаций: компрадоров, изоляционистов-почвенников, либералов-технократов и умеренных государственников, — отдельные их интересы могут не совпадать, но стратегически все они заинтересованы в сохранении статус-кво». И действительно, такая заинтересованность подтверждается паникой или как минимум нездоровой суетой, охватившей властвующую элиту в преддверии 2008 года — окончания второго срока полномочий президента В. Путина. Ведь в её глазах именно он олицетворяет собой этот самый «статус-кво».

Но можем ли мы быть гарантированы от того, что, например, произошло в Украине? Имею в виду не «оранжевую революцию», а радикальную конституционную реформу, в результате которой Украина, в целом сохранив смешанную форму правления, качнулась к её парламентской модификации. Реформу инициировал и провёл тогдашний украинский президент Л. Д. Кучма, пусть даже его мотивы и не были обусловлены заботой о развитии демократии. Причём обратите внимание: даже при более сильных, более самостоятельных, нежели в России, политических организациях реформа проведена по воле и сценарию именно президента.

Напротив, главным лозунгом так называемой оранжевой революции была смена национального лидера, а не изменение конструкции власти. Именно поэтому, строго говоря, это была никакая не революция. Так что *персоналистский режим объективно оказался прогрессивнее «майдана»*.

Когда я говорю о решающей роли субъекта персоналистского режима в создании условий, при которых такой режим перестает самовоспроизводиться, я далёк от апелляции к «надёже-государю», а руководствуюсь следующим убеждением: *в сложившихся условиях реформа, инициируемая самим лидером, — наименее болезненный и наиболее легитимный способ её проведения и залог успеха*.

Все другие варианты в той или иной степени означают крайне нежелательный для страны сценарий неконтролируемого развития событий. Тем не менее, кажется, и с этой оговоркой некоторые эксперты не видят возможности аннигиляции. Посмотрим, что они ей противопоставляют.

1. **И. А. Яковенко** исходит из того, что «в государственных структурах нет никакой свободы воли социального и политического электрона», а коренится она *в институтах гражданского общества*.

Что ж, этот тезис мне близок. Собственно, причиной появления настоящей работы послужило то, что автор считает социальным уродством подавление политической субъектности народа. Однако если мы хотим что-то реально изменить, то не имеем права убаюкивать себя мифологемами, а проще — заклинаниями типа «народ-богоносец» или, как сегодня, «гражданское общество»...

Мы рискуем впасть в ошибку конца 1980-х — начала 1990-х годов, когда вся наша политическая мысль свелась к общим лозунгам перехода к «демократии и рынку», без осмысления исходной специфики момента, влияющей на способы такого перехода. Так и сегодня с «гражданским обществом». Мы ещё толком не договорились о том, какое содержание вкладываем в понятие «гражданское общество», а уже направо и налево оперируем им. Неудивительно, что этот термин в наши дни превратился в фетиш, используемый в разных целях.

Мне вообще кажется, что масса проблем возникает именно из-за пренебрежения к смысловой нагрузке того или иного понятия. Нередко в результате ни в чём не повинное понятие, которое начинают широко трактовать, перестаёт быть инструментальным... Забавно и грустно наблюдать, например, как сами власти озаботились «построением гражданского общества»: тут вам и Гражданский форум (2001), и Общественная палата (2005), и дежурные упоминания о гражданском обществе в речах высоких должностных лиц. При этом мало кто задумывается, что тем самым уничтожается смысл данного понятия. И уж совсем мало кто помнит о том, что гражданское общество достаточно точно описано ещё К. Марксом, хотя в чём-то его определение кажется сегодня устаревшим (так, в гражданском обществе Маркс видел лишь сферу эгоизма, «где царит *bellum omnium contra omnes*», т. е. война всех против всех)¹. При всех различных подходах к пониманию того, что такое гражданское общество, *его суть — в независимости частного человека от государства.*

Так вот, не слишком ли расширительно мы толкуем понятие гражданского общества? И, наделяя его несвойственными ему чертами, не слишком ли многого хотим от него? Не правильнее ли апеллировать к *обществу политическому*, которое у нас ещё не сформировалось и в формировании которого как раз не заинтересованы власть имущие?

Но даже если оставить в покое терминологию, есть ли реальные основания ожидать от нашего общества необходимой активности, т. е. той, по *И. А. Яковенко*, «свободы воли социального и политического электрона», которая делает протест конструктивным? Конечно, в современном

¹ См.: *Маркс К. К еврейскому вопросу // Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 1. С. 389–395.*

российском обществе есть не только отдельные люди, но и структуры, догадывающиеся, что власть в самой своей основе организована как-то не так. Но, во-первых, таких структур очень мало, ибо основная часть самоорганизующихся для протеста граждан не поднимается до принципиальных обобщений, максимум — «такого-то в отставку». А во-вторых, отнюдь не протестные настроения определяют сегодня мейнстрим общественного сознания, а скорее конформизм, причём, как в былые времена, приобретающий языческие формы: массовое поклонение «лидеру» есть «сотворение себе кумира», что составляет ядро любого языческого культа.

И. А. Яковенко призывает к «иной философии истории». Такой, чтобы «судьбы истории всегда определяли те, кто изобретал эти самые социальные “приспособления”, дававшие толчок развитию страны или изменявшие вектор этого развития». Опять же, лично я за такую философию. Но ведь оттого, что её исповедуют несколько экспертов или пусть даже часть общества, она не станет реальной «философией истории». Просто потому, что институциональные барьеры, встроенные в конструкцию власти, не дают возможности сформироваться этой «иной философии», а воспроизводят философию традиционную.

В этой связи не могу не удивиться предложениям **И. Г. Шаблинского**, сделанным, видимо, в рамках идеологии «теории малых дел». Например: «Необходимо создать общественный совет по обеспечению контроля за использованием эфирного времени Первым каналом или каналом «Россия», например на основании федерального закона об общественном телевидении. Достижение этой локальной цели позволит добиться некоторого расширения информационного поля, создать плацдарм для оппонирования власти».

С какой стати, однако, Кремль отдаст свои едва ли не главные политические рычаги под общественный контроль? А если он и пойдёт на это ради выпуска пара, то по составу и принципам функционирования такой совет ничем не будет отличаться, скажем, от Общественной палаты. В том-то и дело, что не только государственные, но и любые общественные институты, претендующие на то, чтобы осуществлять гражданский контроль, имеют смысл лишь в условиях политической конкуренции, когда чиновники не могут контролировать эти общественные структуры.

И. А. Яковенко говорит, что «у нас свобода воли политического электората не в политико-образующем классе, а в тех структурах, которые на сегодняшний момент могут сформировать нормально действующий гражданский контроль над властью». Так в том-то и дело, что *не могут!* Не потому, что не умеют, а потому, что сформировавшаяся институциональная система либо, в зависимости от обстоятельств, воспринимает такой

«контроль» как писк комара, либо вообще не позволяет его осуществлять. Хотя, надо признать, на отдельных направлениях общественного контроля при подключении к нему оставшихся независимыми печатных СМИ удаётся изредка добиваться некоторого позитивного эффекта. Однако, во-первых, масштабы контроля настолько малы, что не позволяют создать «критической массы», необходимой для радикального решения той или иной социальной проблемы. И во-вторых, явственно обозначилась тенденция как к ограничению даже формальных возможностей для общественного контроля, так и к созданию обманных его форм, когда власть инициирует, а то и сама создаёт «общественные структуры» для демонстрации «гражданской активности», на фоне которых подлинно самостоятельные структуры представляются как «маргинальные».

Я понимаю, в чём истоки такой позиции *И. А. Яковенко*, который относится к числу активных и равнодушных деятелей. Возглавляемый им проект «Общественная экспертиза» весьма благороден. Однако сильно ли сказались результаты этой экспертизы на практической жизни? Этот проект мог бы иметь огромный успех... Но опять-таки только в конкурентной политической среде. Об этом я и толкую.

Бессмысленно рассчитывать на общественную активность, поскольку система устроена так, что эта активность выглядит в ней в лучшем случае, как поведение «городских сумасшедших», в худшем — как деятельность «врагов народа»...

Сказанное вовсе не означает неверия в силу общественной активности. Но речь же не о том, чтобы пропеть оду народу, сложить о нём сагу или балладу, где в силу жанра рационализм уступает место героике. Речь идет о трезвой оценке того, кто, что и как может противопоставить сложившейся традиционалистской системе власти, устроенной по образу пирамиды. Скажу банальную вещь: общество способно влиять на власть по принципиальным вопросам лишь в условиях институциональной зависимости власти от общества. А такая зависимость появляется только при наличии политического рынка, на котором действуют такие же закономерности, что и на рынке экономическом. Если же рынка нет, а есть монополист, неважно как приобретающий такое положение, то его естественным принципом будет известное с советских времён «бери, что дают». Протест против монополиста может, конечно, стихийно вырваться, особенно если монополист зарвался и предлагает уже откровенно гнилой «товар». Но такой протест приводит лишь к погрому лавок, лабазов, магазинов, складов и проч., а в сфере политической — к массовым беспорядкам и замене одного монополиста на другого.

2. По существу, противоположный вариант трансформации режима, поскольку он апеллирует не к обществу, а к политической бюрократии, предложил *А. Ю. Зудин*:

«На мой взгляд, первым шагом по пути выхода из персоналистского режима станет ротация власти, хотя бы и в управляемой форме. [...]

Второй шаг — укрепление реальных стимулов для укоренения многопартийной системы. Создали пропорциональную систему, а она может работать по-разному. И не только в зависимости от высоты отсекающего барьера, но и по другим причинам. Скажем, многое будет зависеть от того, на каком варианте политического позиционирования в конечном счете остановится “Единая Россия”: будет ли она по-прежнему настаивать на “социальном консерватизме”, гарантирующем сохранение фактической политической монополии, или переориентируется на “либерально-консервативную” политическую нишу и освободит больше места для других политических сил. Существуют и такие стимулы для развития партийной системы, как величина “приза” для её участников. Я бы не делал никаких особых выводов из того, что “Единую Россию” лишили “сладкого сна” в виде правительства парламентского большинства. Движение в направлении партизации системы власти будет происходить по той простой причине, что никакой внятной альтернативы ему не существует. Нынешняя система, расколотая по клановому принципу, функционировать не может. Так что партизация власти — вопрос не принципа, а времени и скорости движения в данном направлении».

В данном сценарии делается ставка на эволюцию взглядов самой верхушки, т. е. на то, что она осознает свой интерес в переходе к политическому рынку. Такое предположение имеет сторонников среди аналитиков и политических публицистов. Похожее мнение, например, высказал политический обозреватель И. Мильштейн:

«Что же остается кроме этой власти, которая никуда не уйдет в 2008 году? Запасаться терпением, как хлебом в блокадной колывеле трех революций. На территории бывшего “совка” возможен лишь один-единственный способ мирной передачи власти: номенклатурная революция. Все прочее — не дай Бог. Когда-то мы были первыми — в августе 1991 года. Потом заметно отстали, вернувшись после долгих блужданий на обетованную советскую землю. Однако выход из нынешнего маразма только один: когда верхи, после очередной смены элит, смогут осознать необходи-

мость перемен, а низы не станут слишком сопротивляться. **Оттуда, из бывших или грядущих номенклатурных князей, только и следует ждать российского Ющенко.** Человека, который хотя бы самому себе задаст самые главные вопросы текущей жизни»¹.

Но и с этим сценарным вариантом трудно согласиться.

Во-первых, насколько я понимаю, разговор ведётся в плоскости не институциональных изменений, а изменений лишь стилистики власти. Другими словами, эксперты надеются, что инстинкт самосохранения заставит нынешнюю «элиту» выдвинуть более «демократичного» лидера. *Я не говорю, что это нереально. Говорю лишь, что это бесперспективно, если не будет соединено с изменением самой среды обитания власти.*

Во-вторых, как «ротация власти» может стать одним из условий трансформации, тем более «в управляемой форме»? Современному политическому классу, взрослому на персоналистских традициях, гораздо комфортнее ощущать себя в условиях конкуренции людей, а не идей; конкуренции аппаратной, а не публичной. И в нынешних институциональных условиях эта традиция будет только укрепляться, а не истаявать. Если в начале ельцинской legislatury правящий класс, включая и ближайшее окружение президента, формировался довольно стихийно, то уже на её последних этапах стали завязываться новые аппаратные связи; новые команды стали выдавливать «случайных игроков». В период же путинской legislatury этот процесс приобрёл откровенные формы. Фактически мы имеем дело с формированием новой номенклатуры. Спрашивается, что подвигнет её к изменению правил игры? Ведь этой номенклатуре привычнее и удобнее искать и делать ставку на лицо, т. е. на тот «паровоз», который потянет за собой «команду», нежели ступать на неведомое и зыбкое поле открытой и равной политической борьбы.

В-третьих, никакие манипуляции с законодательством не помогут обеспечить процесс «партизации власти». Если бы это было возможно, не стоило бы скрупулёзно исследовать существующую политическую конструкцию. Ведь одно дело, когда развитие демократии просто требует времени, и другое — когда такое развитие упёрлось в неодолимую стену конструктивного порока, без исправления которого невозможна никакая демократическая эволюция!

В-четвёртых, если некоторые эксперты понимают, что «никакой внятной альтернативы партизации власти не существует» и «нынешняя система, расколота по клановому принципу, функционировать не может», то почему это должны понимать глава государства, его окружение и

¹Мильштейн И. Вопросы к путинизму // Грани.ру. 2006. 13 апр. (<http://www.grani.ru/opinion/m.104405.html>).

вообще вся политическая верхушка? Но допустим, поймут. Допустим даже, что независимые экспертные мнения о гибельности персонализма «потревожат» если не совесть, то gasio высшего эшелона власти. Неужели последний, что называется, с испугу начнёт проводить реформу власти? Нет конечно. В борьбе мотивов победят те, которые побуждают к сохранению status quo. Можно предвидеть, например, такие «успокоительные» контраргументы:

а) «эти эксперты просто ангажированы и потому пугают себя и нас. Они говорят, что клановая система не может функционировать. Ничего подобного, функционирует вполне успешно»;

б) «смотрите, как славно всё выходит — что бы ни делалось, президент окружён народной любовью, так почему же его преемник не будет находиться в том же положении, раз нет даже тенденции к падению цен на углеводородное сырьё?»;

в) «любые принципиальные изменения правил политической игры чреваты непредсказуемыми последствиями, а потому, как говаривал В. С. Черномырдин, “не чешите, если не чешется”».

В общем, хотя и нет при власти золотого петушка, который бы гарантировал: «Царствуй, лёжа на боку!», зато есть свои аналитики, которые утверждают, что всё идёт нормально и главное — нужного преемника сыскать.

Наконец, в-пятых. Если не менять институциональных условий, стиль организации власти действительно может измениться в ходе «ротации» и «партизации». Например, в результате аппаратных договорённостей, реальную власть может обрести премьер, а не президент. Именно такой вариант мы наблюдаем нынче в Чеченской Республике! Но от всего этого суть политического режима не изменится, ибо общество так и не получит систему открытой политической конкуренции и реального разделения властей.

С точки зрения обеспечения стабильности политической системы и в целом государственности, возможности определения стратегии развития общества, изменения в стилистике власти не только не окажутся позитивными, но, скорее, наоборот, окончательно запутают, изуродуют политические отношения в стране.

3. Ближе всего к идее аннигиляции, казалось бы, стоит *Л. Ф. Шевцова*:

«Автор рассматривает основной субъект власти — возвышающегося над обществом президента, как возможный инструмент для обновления. Он считает, что персонализм должен стать средством разрушения персонализма. Но весь опыт мировой трансформации свидетельствует, что такая модель выхода оказывается успешной исключительно редко. Можно

назвать несколько стран, в частности Испанию, где лидер, вышедший из авторитарной системы, осознал её истощенность и создал условия для её дегерметизации и переводу в демократический цикл. Но это может произойти только в том случае, если, во-первых, лидер не несёт ответственности за истощившую себя систему, т. е. не он был её создателем; во-вторых, налицо все признаки истощенности системы и недовольство ею как сверху, так и снизу. Горбачёв тоже начал медленно «открывать» советскую систему, не будучи ответственным за её создание и не желая её обвала.

Практически все успешные трансформации авторитарных и тоталитарных обществ включали в себя следующие элементы: *трансформационный лидер*, который приходит к власти в момент дряхления системы с ощущением своей миссии; *фрагментация правящего класса*, выделение из него прагматиков, готовых к реформированию; *давление снизу* в виде протестного движения. Только эта «трёхчленка» может привести к успешному выходу из прежнего режима. Во всяком случае, я не знаю ни одной успешной и необратимой трансформации при наличии лишь одного элемента этой схемы».

Однако, если разобраться, эти условия предполагают фактически предреволюционную ситуацию, при которой, хотя «сигнал» и подаётся «сверху» («трансформационный лидер с ощущением миссии»), общество уже готово его принять и в свою очередь толкает лидера к более активным действиям. Однако для этого требуется какая-то *масштабная, вдохновительная и понятная обществу идея*, какой, например, была идея «демократии и рынка» в СССР конца 1980-х – начала 1990-х годов. Изменение институциональной конфигурации власти ради преодоления персоналистского режима явно, во всяком случае пока, не относится к такого рода идеям.

Да и вообще, когда я говорил об аннигиляции, то не имел в виду ликвидацию персоналистского режима в духе «революции». Речь шла об устранении органического порока нашего властного механизма в рамках Конституции, а такое устранение возможно лишь при наличии воли самого субъекта персонализма – Президента РФ. Правда, именно в этом *И. М. Клямкин* увидел противоречие между двумя моими тезисами: с одной стороны, «какой бы ни был президент, институциональная система диктует ему жёсткую логику поведения», с другой – субъектом перемен может быть только президент. Противоречия тут, однако, нет.

Я не утверждаю, что «институциональная система диктует жёсткую логику поведения президента». Говорю лишь о том, что в зависимости от

уровня популярности, личных качеств главы государства, его мировоззрения, других внеинституциональных факторов режим может в меньшей или большей степени закупоривать каналы для свободной политической жизни, для публичной критики власти и т. п., но любом случае он остаётся персоналистским. Другими словами, система не диктует авторитаристскую логику поведения монособъекта, а только, повторю, позволяет развиваться авторитарному стилю. Исходя из этого, я и выдвинул гипотезу, что легально лишь сам субъект персоналистской системы способен инициировать её слом.

Отсюда вытекают и ответы на вопросы *И. М. Клямкина*, «благодаря чему он [президент] вдруг вырвется за пределы этой системы и какие у него есть ресурсы, какая база, на которую он будет опираться?». Как я уже сказал, институциональная система, продуцирующая персоналистский режим, не только не означает невозможности для монособъекта каких бы то ни было институциональных изменений, но, наоборот, радикально облегчает их проведение. Соответственно, отпадает проблема «ресурсов и базы» для конституционной реформы. О последних можно было бы говорить в условиях устоявшейся демократической системы. Тогда действительно требуются и ресурсы, и база, на которую реформатор мог бы опереться. Именно это происходило, например, при конституционной реформе, проведённой Ш. де Голлем в 1958 году. В наших же условиях ничто не мешает президенту, даже не очень популярному, учитывая, что он собирается деконцентрировать свою власть, провести конституционную реформу.

Иная проблема – что подвигнет какого-либо президента на такую реформу. Если оставить в стороне мотивы президента Кучмы при проведении конституционной реформы в Украине, что ещё может быть толчком для деперсоналистской реформы в России и какие дополнительные условия понадобятся? Чтобы ответить на эти вопросы, нужно различать два сценария.

Первый сценарий – президентскую должность занимает лидер, находящийся вне системы и провозгласивший идею конституционной реформы ещё на этапе избирательной кампании.

Маловероятность успеха этого сценария связана с тем, что такая идея пока не владеет умами не то что общества, но даже политической элиты. К тому же *Л. Ф. Шевцова* говорит о том, что трансформационный лидер, помимо прочего, должен появиться «в момент дряхления системы». Но о степени «дряхлости» системы можно судить только по последствиям реформы или революции: одолеет трансформация эту систему, значит, последняя была дряхлой. В фундаментальном смысле персоналистская система уже таковой является, ибо исторически исчерпала себя, хотя

бы потому, что система единоличного правления, если не обращать внимания на типы государственной власти, насчитывает тысячелетия. Но сегодня она мало кому представляется дряхлой: выросший государственный бюджет России, демонстрация запаса жизненных сил нынешнего лидера не позволяют разглядеть убогость, архаичность системы единовластия.

Отсюда следует, что хотя бы относительный успех возможен при следующих условиях:

- выдвижение достаточно харизматического внесистемного лидера;
- активная работа по убеждению граждан в причинно-следственной связи между уровнем чиновничьего, полицейского, судебного произвола, коррупции и т. д. и отсутствием политической конкуренции;
- включение в политическую повестку дня не призывов к «демократии» или требований «свободы слова», а лозунга типа «Даёшь честный политический рынок!», но только как составной части более общей идеи *обновления*, подразумевающего необходимость решения наиболее болезненных проблем.

Второй сценарий – трансформация системы «преемником». Здесь как раз уместно одно из условий трансформации, перечисляемых *Л. Ф. Шевцовой*: дистанцирование нового лидера от исчерпавшей себя системы. *Г. А. Сатаров* верно предположил, что, «даже если мы будем иметь дело с преемником Путина, у которого будет единственная квазилегитимность, а именно сам Путин, то всё равно он вынужден будет Путина отрицать в поисках новой легитимности».

В системах единоличного правления очень часто преемники, если отвлечься от способа приобретения ими поста, в политическом смысле действительно легитимируют себя, дистанцируясь от предшественника. Так, американский историк Ричард Уортман, педантично ссылаясь на документальные свидетельства, показывает, что «сценарии власти» российских государей – от Петра Великого до Николая I – включали в себя идею противопоставления. Он, в частности, пишет: «О захвате власти Екатериной сообщали как о героическом освобождении. Манифест о восшествии на престол от 6 июля 1762 г., сочиненный Н. И. Паниным и Г. Н. Тепловым, рисовал царствование Петра III в чёрном цвете»¹. Или вот о Павле I: «Хотя Павел был законным наследником престола – так он

¹ Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии // Материалы и исследования по истории русской культуры. Вып. 8. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002. С. 153.

был назван в екатерининском манифесте 1762 года, — он последовал модели насильственного захвата, пойдя на смелый разрыв с царствованием своей матери»¹.

Причём дистанцирование происходило отнюдь не только в форме заявлений. В первую очередь демонстративно менялась эстетика царствования: «Державин назвал вступление Павла на престол актом “завоевания”. Зимний дворец начал походить на казармы, по залам разносился топот сапог и звон шпор»². Не так ли и В. Путин «эстетически» дистанцировался от Б. Ельцина, «возведшего его на престол», когда ровно через год после добровольной отставки первого президента, почти минута в минуту официально вновь зазвучал советский гимн. Символы — они ведь порой красноречивее иных государственных решений...

Но, сознавая большую вероятность такого способа легитимации «пре-емника», мы не можем знать, под влиянием или посредством каких идеологем будет происходить отрицание предшественника. Вряд ли такой идеологемой станет в ближайшее время радикальное изменение условий политического бытия. Ведь, с одной стороны, «вырваться за пределы системы» лидер захочет и сможет, если он будет ощущать мощный общественный заказ, как в своё время президент В. Путин слышал заказ на «порядок». С другой стороны, сам собою заказ на трансформацию персоналистской системы общество ни с того ни с сего не выдвинет.

Тупика здесь, однако, нет. В этой точке неожиданно сходятся оба сценария. Неудача (но не провал!) первого вполне может стать основой для реализации второго. Проще говоря, внесистемный лидер и поддерживающие его политические силы способны возбудить в обществе потребность в заказе на реформу власти и сделать эту потребность достаточно мощной. Настолько мощной, чтобы у власти появилось желание самой оседлать её, вырвать из рук оппозиции.

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ В РОССИИ ПРЕДОПРЕДЕЛЁННОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПЕРСОНАЛИЗМА?

Напомню, что в статье, послужившей поводом к дискуссии (часть 1), автор затронул эту сложнейшую проблему, главным образом, отталкиваясь от концепции «матриц» С. Г. Кирдиной. Поэтому для последующего обсуждения экспертам и был предложен вопрос: «Правомерно ли утвер-

¹ Уортман Р.С. Указ. соч. С. 231.

² Там же.

ждать, что персоналистский режим для России исторически и культурно предопределён и безальтернативен?».

Сразу же повинюсь в том, что понятие «*предопределённость*» в данном контексте применено не очень удачно. Если о предопределённости и можно говорить, то только условно. Иначе – если относиться к предопределённости без кавычек, т. е. как к абсолютной категории, – необходимо будет признать: либо мы, люди, обладаем точным знанием причинно-следственных связей в социальной сфере, что невозможно, ибо жизнь общества – не физическое явление; либо мы находимся в плену рока, фатума, кismetа и т. д., что в духовном плане, по словам В. И. Даля, «гибельно для нравственности, [ибо] фаталисты отрицают свободу воли человека и ответ его за дела»¹, а в материальном – обесмысливает всякую общественную активность. Поэтому правильнее ставить вопрос о *предрасположенности* российского социума к традиционализму, и в частности к персоналистски устроенной власти. С этой оговоркой попытаюсь теперь более чётко выразить и обосновать свой отрицательный ответ.

На мой взгляд, совершенно прав **Ю. А. Зудин**, который при обсуждении сказал, что «особенность нашей культуры, в широком социологическом смысле, состоит в том, что там можно найти представления и ценности, которые могут стать опорой для движения по самым разным политическим траекториям». В данном случае релятивистский подход, на мой взгляд, – ключ к пониманию проблемы предрасположенности страны к определённому пути развития («матрицы»).

Дело в том, что, кто бы ни пытался настаивать на фатальном доминировании каких-то определённых представлений или ценностей, а пытаются представители разных научных дисциплин: историки, социологи, философы, правоведы, – верифицировать такие «теории» не представляется возможным. Даже практика («критерий истины») не может служить подтверждением или опровержением, поскольку никто не в состоянии доказать, что именно данная практика есть прямое следствие таких-то выявленных закономерностей.

Вот, например, **В. В. Ланкин** считает, что японское послевоенное общество «оказалось внутренне подготовленным к такой (демократической. – М. К.) трансформации, и после 1945 г. внешней администрации осталось “всего лишь” осовременить в политической и экономической сферах институциональные формы, которые успешно прижились и стали основой послевоенного “японского чуда”». Но ведь это нам *сегодня* кажется, что американской оккупационной администрации оставалось лишь «осовременить институциональные формы». На самом деле было совершенно не-

¹ <http://dal.h11.ru/>

известно, приживётся ли демократия в довольно закрытой нехристианской стране с тысячелетними иерархическими и сословными традициями. Именно поэтому трудно согласиться с мнением, что «Япония представляется уникальным, единственным случаем ранней и в целом вполне успешной модернизации, осуществлённой не на западноевропейской социокультурной основе». Нельзя тут не заметить и некоего логического противоречия: если японское общество оказалось подготовленным к модернизации, то почему это следует считать уникальным случаем?

Сказанное нельзя понимать таким образом, что демократическую модернизацию можно провести в любом обществе. Некая историческая подготовленность к ней всё-таки должна существовать. Трудность заключается в том, что, видимо, никто пока не знает, как определить её наличие и/или «замерить» степень такой подготовленности. Но я веду сейчас речь о правомерности самой концепции предрасположенности. Японский «феномен» как раз показывает, что при определённых институциональных условиях и последовательных политических усилиях традиционализм не может стать неодолимой преградой на пути модернизации.

Теоретически представимо общество, в котором существует консенсус по вопросу о неприемлемости каких-либо изменений («нас и здесь неплохо кормят»), но это будет именно теоретическое допущение, поскольку мы не найдём страны, где граждане пришли бы к такому консенсусу, во всяком случае страны, принадлежащей к евро-атлантической цивилизации, а Россия к ней принадлежит.

Другое дело, что культурно-исторический фатализм для многих оказывается очень «удобным» миропониманием, очень многое он «объясняет», снимает вину и с властей, и с народа, а главное, это прекрасное манипулятивное средство. Верно подметила в ходе дискуссии *Л. Ф. Шевцова*, что сегодня «именно “фаталисты” говорят об исторических традициях и культурных препятствиях, которые осложняют более решительный прорыв России к новой цивилизационной парадигме».

В спор о «предрасположенности» всегда вмешивается огромной силы *субъективный фактор*: тем, какой именно образ страны представляет себе тот или иной исследователь, определяется набор и трактовка предъявляемых им фактов и аргументов. Впрочем, такой субъективизм вообще имманентен исследованиям в социальной, гуманитарной сфере. От него никому не удавалось уйти. Даже наиболее «точная» из всех гуманитарных наук — наука историческая — не в состоянии дать полностью объективную картину состояния общества, государства на тот или иной период времени. И не от низкой квалификации, а в силу ограниченности человеческого мышления и ценностной ориентации всякого исследователя. Предложите нескольким историкам разных направлений описать совре-

менный период развития России, предоставив им одинаковый набор документальных свидетельств, и вы лишь по некоторым деталям будете догадываться, что речь идет об одной и той же стране, об одном и том же времени.

Поэтому не приходится удивляться тому, насколько радикально расходятся между собой утверждения разных учёных в зависимости от их мировоззренческой и политической позиции, когда они пытаются объяснить нынешние процессы и явления в России *историческими, иногда соединяемыми с геополитическими, факторами*. Приведу лишь несколько примеров.

Историк права, отражающий взгляды евразийства, В. И. Карпец отстаивает геополитическую детерминацию традиционализма:

«Российское государство исторически развивалось в пределах месторазвития от Карпат и Подунавья на западе, через Закавказье, Афганское нагорье, Памир и Тибет на юге, Алтай, гористую местность и реку Амур на Востоке с выходом в бассейн Тихого океана. Нетрудно видеть, что перед нами *единое пространство*, которое Урал – предполагаемая граница Европы и Азии – не разделяет, а скорее соединяет. Заметим, кстати, что пространство это имеет явно выраженную форму чаши. При этом оно характеризуется тяжелыми климатическими условиями (годовая изотерма $+1^{\circ} - -1^{\circ}$ проходит в Европе по территории бывших государств Варшавского договора); климат за редкими исключениями резко континентальный, почвенные условия малоблагоприятные (при изобилии нефти и полезных ископаемых, включая драгоценные металлы), большая часть покрыта лесами при четкой границе их с т. н. Великой Степью – от Трансильвании до Алтая, – территориально и стратегически объединяющей это пространство. Такие условия определили военно-тягловый характер государственности, преобладание добывающей промышленности над обрабатывающей, общинный характер жизни и трудового процесса, сакральное отношение к земле (“земля – Божья и государева, а так ничья”), предполагавшее невозможность полной на неё частной собственности (право владения и пользования без права распоряжения, т. е. продажи), стремление к стягиванию пространства (“чаши”) в единый имперский комплекс [...] Эти характеристики оказались совместимы с традиционными религиями народов России (православие, ислам, буддизм, каждая из которых по-своему подчиняет индивидуальное начало всеобщему и часть – целому, что позднее отразилось даже и на единой советской идеологии, сильно отличавшейся от первоначального марксизма. [...]

Если же Россия сумеет сохранить своё “большое пространство”, причем через интеграцию с другими новыми евразийскими странами — Белоруссией, Казахстаном, Узбекистаном, Арменией и, быть может, в какой-то степени и с Украиной (а иного пути у нашей страны, если она всё-таки хочет остаться политическим субъектом, просто нет), — то **все парадигмальные основания российского государства и права, включая тяглого-трудовой строй и категорию правообязанности, так или иначе проявятся**, причем, возможно, более мощно, чем когда-либо прежде, ибо речь пойдет о самом *выживании типа*, о *реакции* организма (в медицинском смысле этого слова)¹.

Наоборот, представитель либерального течения, историк науки Г. П. Аксёнов обосновывает концепцию «ухода русских людей»², считая, что пространственные параметры России — следствие «тихой борьбы» людей с властью за свободу, в ходе которой, однако, власть вышла победительницей:

«...Наши великие просторы завоеваны не государством, не князьями пресловутыми, а чаще всего благодаря беспрестанному уходу от них русских людей. Ситуация развивалась естественно, по модели “антилопы и львы”. Русское племя все время расселялось, мигрируя по маршруту: Киев, Новгород, Чернигов, Курск, Рязань, потом на северо-восток до Нижнего, а варяжские полевые командиры его все время догоняли. Новгородцы пятьсот лет мирно продвигались на Архангельск и Вологду, потом на Урал и Сибирь до Тобольска. С завоеванием Новгорода Иван III заглотил его обширные колонии. Москва победила Тверь и Псков. Так что **огромная страна возникла не завоеванием инородцев и их христианизацией, а путем жесточайшего покорения и удержания русских христиан.**

Мало кто теперь может ясно себе представить, как крестьяне поодиночке, семьями, селами все время уходили от вооруженных этих насильников и грабителей “туда, где люди по-божецки живут”, то есть в так называемые резервные пространства? По легендам и “скасам” бывалых людей в XVII в. дошли до Апонии, в XVIII — до Анапы. **Потом стало некуда бежать.** Те, кто столетиями догонял и закрепощал своих же соплеменников, всегда относились

¹ Карпец В.И. Реформы и право в России: история и современность // Реформы и право / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М., 2006. С. 61–62, 75.

² О концепции «ухода» см. подробнее: Аксёнов Г.П. Крылья орла // Открытая политика. 1997. № 2–3. С. 98–107.

и до сих пор относятся к ним как к завоеванному своему достоянию. Оккупационный вирус скрывается в подсознании наших силовиков, в мозгу любого милиционера, он проявлен в самой структуре страны: любой наш более или менее значимый населенный пункт прежде всего – гарнизон. Страна имеет статус покоренной, и никогда эти вооруженные люди не защищали невооруженный народ, и ни в одной войне не освобождали, а отбивали у чужих для себя, потому что сразу устанавливали жесточайший режим. Жителей любого пункта не миновали разоружение, комендантский час, заставы, паспорта и прописки. Тотальная несвобода – вот с чего начинается судьба любого города»¹.

Свою версию истоков российского авторитаризма выдвигает американский исследователь Ричард Пайпс, посвятивший этому отдельный труд. В частности, он утверждает:

«Автор держится той точки зрения, что если Россия не сумела обзавестись правами и свободами, то **решающую роль в этом сыграло уничтожение земельной собственности в Великом княжестве Московском, которое завоевало всю Русь и установило в ней порядки, при которых монарх был не только правителем своей земли и ее обитателей, но и в буквальном смысле их собственником.** [...] Русские крестьяне никогда не признавали землю принадлежащей кому бы то ни было, кроме как государству, то есть царю, и поэтому никогда не мирились с установлениями Жалованной грамоты 1785 года, которые отдавали землю дворянам, освобождая их при этом от обязательной государственной службы»².

Любопытную концепцию рисует историк и юрист Ю. К. Краснов, исходя из того, что в XVI–XVII вв. сформировался новый класс «государевых служилых людей», состоявший из потомков «захудавших» княжеских и боярских родов и их слуг, выходцев из Литвы, крещёных татар, поповичей и казаков:

«Вся эта огромная масса людей, не знакомых в основном с древнерусской культурой, чуждых по менталитету большинству населения, часто плохо владеющих русским языком и действовавших в основном во враждебно относящемся к ним окружении, была заинтересована в широкой экспансии московских князей сначала в древнерусских землях, а затем и по всем другим направлениям. [...] Именно такой **служилый класс был социальной**

¹ Аксёнов Г. Слово и дело церкви // Отечественные записки. 2005. № 3. С. 324–325.

² Пайпс Р. Собственность и свобода. М., 2000. С. 211, 258.

опорой московских князей, именно он принес в российскую жизнь политическую традицию служения государю, а не стране»¹.

Менее конкретный, но потому и менее уязвимый детерминант предложил философ И. Б. Чубайс:

«По сей день за границами и внутри страны можно услышать утверждение — России демократия несвойственна и не нужна, здесь иные правила и традиции. Поясню оппонентам, что в период экстенсивного роста демократия не нужна никому, ни шведскому королю Карлу XII, совершавшему один военный поход за другим, ни европейским переселенцам на североамериканский континент, привозившим африканских рабов и изгонявшим индейцев с их исконных земель, ни русским первопроходцам, казакам, генералам, присоединявшим к Империи одну территорию за другой. [...] Но **совершенно необходимой становится демократия с переходом к внутреннему, качественному росту**. Поэтому сегодня можно утверждать, что Россия выстрадала демократию, как никто другой, без действительной демократизации реальное продвижение по пути прогресса будет невозможно»².

Говоря о большом влиянии субъективного фактора (мировоззрения исследователя), я вовсе не подвожу к тому, что к этим, а равно и к другим точкам зрения не может быть доверия. Доверять или не доверять — это тоже субъективизм, ибо предполагает мировоззренческий, идейный, наконец, политический выбор. В этом смысле, конечно же, и отстаиваемая мною позиция в отношении институциональных условий не менее уязвима. Но, если читатель заметил, я не выстраиваю, если можно так выразиться, «теорию институциональных ошибок», т. е. не пытаюсь доказать историческую универсальность нынешних причин персоналистского режима. Ни в коем случае. Наоборот, исхожу из того, что, мягко говоря, некорректно и даже вредно представлять общество как пчелиный рой или муравейник — сообщество безмозглых особей, действующих на основе инстинктов. Это означает, что хотя названные выше и иные факторы влияют на самосознание россиян, на их отношение к власти, на само её устройство, на характер функционирования, но влияют *отнюдь не фатально*, т. е. не означают ни предопределённости, ни даже предрасположенности к какой-то парадигме развития. Даже такая общая закономерность, которую обосновывает И. Чубайс, «автоматически» не везде

¹ Краснов Ю.К. Модернизация российской государственности: уроки незавершенных перемен // Право и управление: XXI век. 2005. № 2. С. 11.

² Чубайс И.Б. Россия в поисках себя. Как мы преодолеем идейный кризис. М., 1998. С. 38.

подтверждается. Например, в ряде стран Юго-Восточной Азии («Восточные тигры») или в современном Китае переход к интенсивному развитию отнюдь не повлёк за собой установление демократии. Следовательно, существует огромный «букет» объективных и субъективных факторов, сочетание которых на каждом историческом этапе создаёт конкретный образ государственности и общественности. И это сочетание, полагаю, для нас, людей, непостижимо, как бы кто ни пытался не то что предсказать будущее, но даже объяснить сущее.

Итак, здесь вовсе не отрицается ценность исторических предпосылок, а лишь обосновывается своего рода разумный *исторический релятивизм*. Подобный подход к историческим факторам просматривается, в частности, в книге А. С. Ахиезера, И. М. Клямкина и И. Г. Яковенко¹. О нём же говорил И. М. Клямкин, представляя эту книгу:

«Наш экскурс в историю России мы предприняли **не для того, чтобы искать в прошлом ответы на сегодняшние вопросы**. Мы предприняли его для того, чтобы показать **принципиальные отличия нынешних проблем от прошлых** и непригодность для их решения прежних методов — в том числе и тех, которые принято считать успешными. Потому что их успешность обуславливалась конкретными обстоятельствами, которых в наши дни уже не существует. [...] **В отличие от времен столетней давности, никаких культурных противопоставлений против правового типа государственности в массовом сознании не осталось. А тогда они существовали**. Тогда им отторгалась сама идея частной собственности, без которой правовая государственность немыслима»².

Отсюда следует в общем-то простой вывод. Мы конечно же должны пытаться понимать основные исторические закономерности. Но при этом понимать и то, что существует свободная воля, свобода выбора, а не тупая предопределённость.

Рука об руку с обоснованием выводов об особом пути России на основе исторической и геополитической специфики идёт обоснование такого пути на основе *специфики этнокультурной*. Безусловно, культурные особенности (самобытность) народа России, прежде всего русского народа, основавшего российскую государственность, существуют. В том числе и та особенность, которая здесь нас интересует больше всего.

¹ См.: Ахиезер А.С., Клямкин И.М., Яковенко И.Г. История России: конец или новое начало? М., 2005.

² Презентация книги А. Ахиезера, И. Клямкина, И. Яковенко «История России: конец или новое начало?». 14.02.2006 // http://www.liberal.ru/sitan_print.asp?Rel=152.

Исследователи в области социальной психологии называют её царцентризмом¹. Посмотрим, не этот ли социальный стереотип обуславливает воспроизводство персоналистского режима в России на протяжении многих веков. Разумеется, он влияет на государственно-правовую реальность, но влияет лишь в том смысле, что сам служит звеном замкнутого круга: царцентризм легитимирует *уже существующий* персоналистский режим, а на основе этого последний культивирует «неизбывный царцентризм народа», что даёт удобную возможность адептам системы спекулятивно апеллировать к нему, вновь и вновь обеспечивая легитимность правителя.

Но настолько ли сильна этнокультурная специфика, чтобы при иных институциональных условиях не начать исчезать? И за какое «звено надо потянуть», дабы разорвать этот круг?

Чтобы ответить на эти вопросы, полезно обратиться к анализу, казалось бы, весьма далёкой от российской жизни проблемы – кризиса конституционализма в Великобритании, проведённому профессором политологии из Оксфорда Ларри Зидентопом². По его мнению, кризис этот своим появлением обязан специфике государственного строя в Британии, а её, специфику, в свою очередь, определяют два фактора.

Во-первых, гордость Британии – представительная демократия – поκειται главным образом на «аристократической форме общества», при которой мнение замкнутого правящего класса только и сдерживает экспансию исполнительной власти:

«На протяжении долгого времени считалось, что в парламенте должен преобладать **праздный имущий класс**, который способен пресекать любые попытки исполнительной власти выйти за пределы своих полномочий и претендовать при этом на бразды местного самоуправления. Не подвергалось сомнению, что **такой класс будет выступать в качестве гаранта широких прав личности, особенно имущественных**»³.

И, во-вторых, неформальные отношения, обычаи и «сложившиеся представления» превалируют над формализованными процедурами:

¹ См., например: *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология : Учебник для вузов. 3-е изд., испр. и доп. М., 2003. С. 147.

² Анализу природы этого кризиса Л. Зидентоп посвятил главу «Как Британия потеряла свой голос» в своей книге, названной явно как парафраз известного труда «Демократия в Америке» А. де Токвиля, к которому Зидентоп испытывает глубокое почтение (*Зидентоп Л.* Демократия в Европе / пер. с англ.; под ред. В.Л. Иноземцева. М., 2001. С. 79–100).

³ *Зидентоп Л.* Указ. соч. С. 88.

«Та часть конституции, которая обеспечивает баланс между законодательной и исполнительной властями, защищает местную автономию и в значительной мере гарантирует личные свободы, оставалась неформальной. Таков был характер взаимодействия между социальной структурой и политическими институтами в Британии. [...] Трудно не согласиться с тем, что неформальная сторона любой конституции является её важнейшей частью, с тем, что обычаи и устои служат в конечном счёте самой надёжной гарантией любой политической системы. Именно поэтому многими отторгается идея проведения конституционной реформы в Соединённом Королевстве. Больше всего в британской (неписаной. — *М. К.*) конституции англичанам нравится её гибкость — гибкость, которая может исчезнуть в тщательно прописанной хартии. Однако такая точка зрения (особенно после социальной революции, осуществлённой г-жой Тэтчер) представляется опасным самообманом. Те, кто и сегодня отрицает необходимость конституционной реформы, вольно или невольно разделяют аристократические понятия о природе британского общества. Между тем они давно уже не соответствуют действительности»¹.

Такая государственная модель, утверждает британский политолог, ограничивает социальную мобильность. В XVIII столетии «даже малая её степень отличала Британию от всё ещё кастовых европейских обществ», но в то время как последние постепенно избавлялись от сословности и иерархичности, британская аристократическая форма оставалась неизменной². Поэтому на открытие каналов для социальной мобильности была направлена политика М. Тэтчер, которая, по словам Л. Зидентопа, завершила буржуазную революцию, нанеся жестокий удар британскому аристократизму. Но ошибкой «железной леди» стало то, что всё внимание она сосредоточила на экономических преобразованиях, оставив в стороне политические. Поэтому последовавшие социальные изменения привели к тому, что «либеральные конституционные ценности остались без защиты со стороны аристократической социальной структуры»³. Выход из кризиса Зидентоп видит в принятии писаной конституции, которая установит «формальное разделение полномочий и принципы правосудия»⁴.

¹ Зидентоп Л. Указ. соч. С. 88, 91.

² Там же. С. 86.

³ Там же. С. 89.

⁴ Там же. С. 96.

Нам, имевшим начиная с 1906 года¹ столько писанных конституций и «конституций», конечно, можно усмехнуться такой наивной вере. Но, во-первых, не будем забывать, что демократия в Британии за долгие годы сформировала соответствующую правовую культуру. А во-вторых, в условиях давно сложившейся реальной политической конкуренции естественно, что оксфордский политолог даже не рассматривает возможность кого-либо безраздельно властвовать, умудряясь при этом не нарушать нормы писаной конституции.

Почему я так подробно остановился на позиции, высказанной в отношении столь далёкой от нас проблематики? Да потому, что в описании проблем британской модернизации присутствует принципиальный для нас момент: *веками складывавшиеся и, казалось бы, прочно сложившиеся общественные отношения, обычаи, традиции, наконец, социальные стереотипы способны довольно быстро меняться под воздействием изменения институциональных условий.*

Социальный стереотип есть широко распространённый, или, как говорят психологи, обладающий высокой степенью согласованности индивидуальных представлений², схематичный образ социального объекта. Так вот, если социальный объект принципиально не меняется, а в нашем случае это персоналистски устроенная власть, его образ становится привычным и люди передают свои представления о нём следующему поколению. И чем дольше образ сохраняется, тем сильнее данный стереотип принимается за этнокультурную особенность. А уже затем эта «самобытность» становится основой для далеко идущих, едва ли не глобальных выводов о национальном архетипе, чему-то способствующем, а чему-то мешающем. Например, Н. А. Бердяев, хотя и не он один, выводил причину царцентризма главным образом из крестьянской ментальности. Вскоре после Октября 1917 г. он писал:

«Россия была тёмным мужицким царством, возглавленным царём. И это необъятное царство прикрывалось очень тонким культурным слоем. Огромное значение для душевной дисциплины русского народа имела идея царя. Царь был **духовной скрепой русского народа**, он органически вошёл в религиозное воспитание народа. **Без царя не мыслил народ никакого государства, никакого закона, никакого порядка, никакого подчинения общему и целому.** Без царя для огромной массы русского народа распалась Россия и превратилась в груды мусора. Царь предотвращал атомизацию

¹ Тогда был принят акт под названием «Основные государственные законы Российской империи», ставший, по сути, первой русской конституцией.

² См.: Стефаненко Т.Г. Указ. соч. С. 280.

России, он сдерживал анархию. Царь же охранял культурный слой от напора народной тьмы, не нуждавшейся в высшей культуре. Или царь, или полная анархия – между этими полюсами колеблется мысль народная»¹.

Но интересно, что в той же работе Бердяев, возможно, невольно приблизился к пониманию действительной причины царцентризма:

«В строении великого русского государства, ныне сокрушенного и разделенного, был какой-то надрыв, какое-то нездоровое, ненормальное отношение народа к власти. Народ нуждался во власти над собой и чувствовал инородность этой власти. **Народ был безвластен, анархичен**, и народ поддерживал, санкционировал власть самодержавную, неограниченную»².

Говорю «возможно», поскольку затрудняюсь сказать, в какой модальности философ поставил слова о безвластии и анархизме народа. Если он имел в виду модальность «активную», т. е. что анархизм составляет часть национального архетипа, то это не есть приближение к подлинной причине царцентризма. Иное дело – модальность «пассивная», которая означает лишение народа субъектности. Тогда становится понятно, что «нездоровое... отношение народа к власти» рождается не от анархического нездоровья самого народа, а от нездорового отношения власти к народу. Конечно, можно объяснять анархизм, проявившийся за пределами крестьянской общины, именно царцентризмом – ниже приводится именно такая позиция, хотя и представленная не историками, а социальными психологами, но это не меняет тезиса: *анархизм есть только реакция, во многом спровоцированная институциональными условиями, а не прирожденная национальная черта*. Но главное, сегодня институциональные условия отнюдь не воспроизводят анархизм.

Если быть последовательным, то закономерно поставить следующий вопрос: почему такое отношение власти к народу пронесено в России через века? Но на него я пока не в состоянии ответить, во всяком случае, это требует отдельного исследования. Могу только выдвинуть печальную гипотезу: огромная вина лежит на том самом «тонком культурном слое», который (возможно, прав Бердяев) страшится собственного народа и не доверяет его способности к политической субъектности. Не показательны ли, в частности, существование в нашей лексике двух понятий – «интеллигенция» и «народ» – как понятий самостоятельных и зачастую даже противопоставляемых друг другу?..

¹ Бердяев Н.А. Философия неравенства. М., 1990. С. 35–36.

² Там же. С. 34.

Тогда возникает другой вопрос: а почему народ в России сам не вырвал у власти право на собственную субъектность? Опять-таки это предмет отдельного комплексного исторического, социологического, социально-психологического анализа, хотя, повторю, даже самое глубокое исследование не позволит с абсолютностью доказать какой-то определённый вывод – максимум обосновать гипотезу. Впрочем, единственной гипотезы быть не может, поскольку в разных исторических условиях разному «не хватает сил и возможностей для того, чтобы повернуть события в другую сторону»¹.

В то же время есть у меня и обобщающее подозрение, что порыву народа к завоеванию субъектности мешал и до сих пор мешает как раз царцентризм, который выступает *способом своего рода сублимации народом потребности в собственной субъектности*. Навеяно это подозрение концепцией, почерпнутой из социально-психологической литературы. Суть её в том, что народное сознание в России разделяет «государя» и «государство», которое в глазах народа традиционно выступает как совокупность чиновничества, полиции, судов. И поскольку от «государства» исходят произвол, несправедливость, порой жестокость, постольку оно воспринимается как враг, как онтологический источник зла². Напротив, «государь», первое лицо – царь ли, вождь, президент – выступает в общественном сознании как посредник между миром, в широком смысле – народом, и государством; как покровитель (замечу, не арбитр, а именно покровитель, защитник), который способен урегулировать отношения между ними. Поэтому «вера в царя», считают социальные психологи, представляет собой способ психологической защиты в ответ на постоянный конфликт между народом и государством. Но, думаю, причина фак-

¹ Фатализм неопределённости (интервью с Ю.А. Левадой). Привожу ссылку на эти слова известного социолога не потому, что, отвергая фатальную предопределённость, соглашаюсь с фатальной неопределённостью. Нет, просто ещё раз хочу подчеркнуть, что как не действуют одни только «объективные факторы», так и не действует одна только «свободная воля».

² См., например: *Лурье С.В.* Метаморфозы традиционного сознания. Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала. СПб., 1994. С. 125. Исключение, по мнению некоторых исследователей, составляет тоталитарное государство, в котором «его граждане искали и, как это ни парадоксально, находили источник добра» (см.: *Стефаненко Т.Г.* Указ. соч. С. 145). Этот феномен, на мой взгляд, обусловлен особенностями тоталитаризма, который пропагандистски настолько тесно соединяет общество (мир) и государство, до такой степени доводит патернализм, что исчезает возможность противопоставления Мы-образа государству. Впрочем, уровень советской идентичности различался у разных групп населения, в разных местах и к тому же со временем в целом снижался (см.: *Гнатенко П.И., Павленко В.Н.* Идентичность: Философский и психологический анализ. Киев, 1999).

тического отказа народа от своей субъектности ещё более глубокая: зачем иметь собственную субъектность, когда можно «раствориться в могущественном покровителе»?

К такому выводу подталкивают и тонкие наблюдения, обобщения, характерные для классической художественной литературы. Например, не только ведь о старце Зосиме писал Ф. М. Достоевский:

«[...] Для смиренной души русского простолюдина, измученной трудом и горем, а главное, всегдашнею несправедливостью и всегдашним грехом, как своим, так и мировым, нет сильнее потребности и утешения, как **обрести святыню или святого, пасть перед ним и поклониться ему**: “Если у нас грех, неправда и искушение, то все равно есть на земле там-то, где-то святой и высший; **у того зато правда, тот зато знает правду; значит, не умирает она на земле**, а, стало быть, когда-нибудь и к нам перейдет и воцарится по всей земле, как обещано”¹.

Ещё один аргумент в пользу концепции разделения народным сознанием «государя» и «государства» мы обнаруживаем в феномене высокой степени доверия к нынешнему президенту на фоне низкого доверия ко всем другим институтам государственной власти. В учебнике Т. Г. Стефаненко «Этнопсихология» приводится ссылка на исследование 2001 года, когда «при психосемантическом анализе полей, связанных с понятиями *государство* и *президент*, были выявлены существенные различия. Если с понятием *президент* связаны положительные характеристики, такие как устойчивый, стабильный и сильный, что можно трактовать как использование силы ради стабильности, то в оценке государства сила сочетается с хаосом и опасностью»². И действительно, по данным исследования, в начале 2006 года для 62 % россиян сегодняшняя российская власть является «коррупцированной», «чужой» — 42 %, «бюрократичной» — 39 %. При этом почти три четверти респондентов — 72–73 % одобряют деятельность Путина и доверяют ему. Но самое парадоксальное, что 68 % опрошенных под словом «власть» подразумевают именно президента, а 57 % уверены, что сосредоточение в его руках фактически всей власти в стране «идет на пользу России».

Итак, вновь повторю, что не отрицаю существования социального стереотипа, легитимирующего в нашем обществе персоналистский режим. Единственное, что я с упорством отрицаю, так это нашу фатальную обречённость на вечный поиск «святого» правителя, у которого «вся

¹ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы / Собр. соч. : В 15 т. Л., 1991. Т. 9. С. 35.

² Стефаненко Т. Г. Указ. соч. С. 148.

правда». В противовес этому опасному во всех отношениях фатализму я пытаюсь доказать и объяснить следующее:

как иллюзия надежды на «лучшего вождя всех времён и народов», так и сам режим полновластного единоличного правления будут воспроизводиться до тех пор, пока сама система власти институционально нацелена на доминирование одной персоны.

Нет никаких оснований для дикого вывода о том, что наш народ если не биологически, то уж психически устроен не так, как другие. Можно напомнить, например, о такой часто воспроизводимой иллюстрации нормальной интеллектуальной и эмоциональной сферы русских людей, как успешная адаптация большинства эмигрантов из России, начиная с первой волны эмиграции, к западным стандартам частной, политической и экономической жизни. Или разве современная структура потребления в России принципиально отличается от структуры обычного европейского потребления? Нет конечно. Некоторые отличия связаны лишь с низкой покупательной способностью большинства россиян.

Существуют и многочисленные социологические данные, демонстрирующие, что при всём своеобразии, в том числе особенностях нашего мироощущения¹, россияне, прежде всего русские, привержены отнюдь не каким-то экзотическим, а вполне европейским, в цивилизационном смысле этого слова, ценностям. Сошлюсь лишь на одно исследование, проведённое в 1997 году Институтом социологического анализа (общероссийский опрос по полной социологической выборке).

Были выделены три блока вопросов: 1) отношение к основополагающим жизненным ценностям; 2) отношение к вере; 3) отношение к актуальным политическим проблемам. При этом исследователи разбили варианты ответов на три условные группы (как они сами говорят, «подсказки»): «протестантскую» (отталкиваясь от веберовской модели

¹ Так, некоторые исследователи отмечают наш экзистенциальный страх перед жизнью: «Социолог Рональд Инглхарт из университета Мичигана Анн Арбор на протяжении четверти века собирал сведения о том, как народы всех стран мира реагируют на одни и те же вещи. Инглхарта интересовало, индивидуалисты или коллективисты его респонденты, ценят ли они больше материальные или духовные ценности, насколько счастливыми они себя ощущают, что для них важно, а что не очень. Известное как World Values Survey, это исследование накопило сейчас массив данных, в котором от страны к стране выявляются очень интересные закономерности. [...] **Россия оказалась куда несчастливее даже нищей и воюющей Африки** и в относительно благополучном 1986 году, и в неблагополучном 1995 — и даже в 2002 году, как показала только что подсчитанная волна исследования, русские прибавили только 4 процента счастья. А ведь таких зажиточных лет, как последние, у нас не было несколько десятилетий. В советский период мы заразили своим страхом и соседние народы, но до такой степени, как мы, жить не боится никто» (Аммосов Ю. Россия — страна несчастных // Интернет-портал «GlobalRus.ru», 3 декабря 2004 г. (<http://www.globalrus.ru/opinions/139197/>)).

«протестантской этики»), «православно-аскетическую» (разумеется, и протестантизм, и православие понимались не как догматические системы, а как культурные комплексы) и «секулярную» («вненравственную и циничную»). Хотя существенное влияние на характер ответов оказывали возраст респондента, образование и политические предпочтения, тем не менее общая картина сложилась в пользу «протестантской этики», к которой склонялись как верующие православные христиане (в том числе активно посещающие храмы), так и неверующие; как сторонники Зюганова, так и сторонники (в то время) Ельцина; как пожилые, так и молодые (хотя у последних чаще ответы соответствовали «секулярной под-сказке»). Как пишет в заключение автор статьи об этом исследовании и один из его участников А. Б. Зубов, «во всех политических группах сегодняшнего русского общества господствует, как правило, абсолютно нравственно-конструктивная, созидательная жизненная позиция»¹.

Если провести анализ на предмет зависимости типа государственно-сти от этнокультурных особенностей разных народов, то не обнаружится значимой корреляции. Мы увидим, что и тоталитарная, и авторитарная, и демократическая, и теократическая государственность существовала и существует помимо названных особенностей. Самый тривиальный пример — наличие государств, населенных одним и тем же этносом, но принципиально различающихся по типу власти: ФРГ и ГДР, КНДР и Южная Корея, КНР и Тайвань, а ранее ещё и Гонконг и т. д. Конечно, можно на это возразить, что в большинстве случаев речь идёт о государствах, бывших оккупированными, колониях или государствах-доминионах. Но тогда с ослаблением внешней зависимости эти страны должны были бы вернуться к «традиционным» отношениям, однако этого не происходит.

В то же время нельзя отрицать, что этнокультурные и исторические особенности, хотя эти факторы трудно разделить, поскольку этнокультурная специфика обусловлена не «биологией», а «историей», способны влиять на «политический и административный дизайн» в рамках демократической организации. Внутри этого типа государственности наблюдается огромное разнообразие, проявляющее себя не только в выборе формы правления, но и в наборе политических партий, в электоральных предпочтениях, в характере гражданского контроля за властью, в степени культуры согласия в данном обществе, в уровне абсентеизма, в способах выхода из политических тупиков и кризисов и т. д. и т. п.

¹ Зубов А.Б. Границы разломов и уровни единства в современной России: уроки социологического исследования // Полития. 1998. № 2. С. 101.

Для подтверждения этого необязательно сравнивать, скажем, Бельгию с Индией или США с Японией. Достаточно взглянуть на Европу, где можно наблюдать существенные различия в функционировании власти и характере отношений между властью и гражданами. Так, цитировавшийся выше Л. Зидентоп довольно резко критикует французскую систему власти:

«Французская модель остаётся сугубо бюрократической, несмотря на все усилия по децентрализации власти, предпринимаемые французами за последнее десятилетие. По мощи исполнительной ветви власти Франция не имеет аналогов в Европе; в первые годы Пятой республики часто говорили, что Елисейский дворец (т. е. президент. — *М. К.*) правит через высшие эшелоны чиновничества, зачастую практически игнорируя премьер-министра и кабинет, не говоря уже о законодательной власти. Даже в тех случаях, когда исполнительная власть оказывается разделена между президентом и премьер-министром, как это было в недавние периоды их [спокойного] сосуществования, конституция Пятой республики даёт решительное преимущество этой двуглавой исполнительной власти перед законодателями и их комитетами. Вряд ли будет преувеличением сказать, что законодательная власть во Франции была кастрирована в 1958 году. [...]

Французская модель государственного устройства наименее пригодна для развития в Европе культуры согласия. Возможности центрального правительства навязывать свою волю и проводить в жизнь свои решения, не считаясь с общественным мнением и с интересами регионов, способствуют широкому распространению подозрительности и цинизма. [...] Именно эта **бюрократическая модель в течение трёхсот лет формировала отношение французов к государству и власти.** Они убеждены, что власть для того и существует, чтобы ею злоупотреблять»¹.

При всём бюрократизме властной системы, при всей гипертрофированной роли исполнительной власти, хотя, полагаю, Л. Зидентоп несколько преувеличивает, Франция, однако, не перестаёт быть демократической страной. Именно в силу того, что там *функционирует политический рынок*. Французская модель продолжает оставаться демократией, ибо политический маятник там не стоит на одном месте, и при всей силе французской бюрократии, всё-таки не она приводит к власти и

¹ Зидентоп Л. Указ. соч. С. 131, 136.

удерживает у власти ту или иную политическую силу, а свободный выбор народа.

Итак, если нет жёсткой культурной и исторической предрасположенности при формировании более современных политических систем, типов власти, то что же тогда существенно влияет на этот процесс?

В обществе в переломные моменты его жизни всегда происходит, точнее, этим моментам предшествует разделение, условно говоря, на «прогрессистов»¹ и «консерваторов». Такое разделение сначала обычно происходит в элитах, в том числе в правящем классе. И тогда начинается процесс взаимовлияния двух сил — тяги к модернизации и исторической инерции. Однако прошу обратить внимание: я говорю не о процессе столкновения «новой идеи» и «идеи сохранения». Он, разумеется, тоже происходит, и в глазах общества, внешнего наблюдателя даже представляется единственным. Но если говорить о факторах, воздействующих на будущую модернизацию, то важнее оказывается гораздо более сложный и неявный процесс влияния друг на друга осознанного стремления «прогрессистов» к модернизации и действующей на них силы исторической инерции.

Понятно, что в переломные моменты весьма значимыми являются и количественное соотношение «прогрессистов» и «консерваторов»; и то, насколько «прогрессисты» готовы идти на жертвы ради своих убеждений² — своего рода феномен «боярыни Морозовой»; и то, чью сторону примет высшее руководство страны и т.д. и т.п. Однако существенным оказывается отнюдь не только (а может, и не столько) степень сопротивления «консерваторов» «прогрессистам». Более существенным фактором оказывается именно *историческая инерция* (выражаемая и в самой структуре общества, и в массовых общественных ожиданиях, но прежде всего в социальных стереотипах элиты). Значимость этого фактора в период

¹ Это понятие, правда, не всегда имеет знак «плюс», ибо порой то, что вначале представляется прогрессом, потом оказывается тупиковой ветвью развития.

² Хороший образ такого антиконформистского поведения нарисовал более ста лет назад министр просвещения России А.В. Головин (1821–1886): «По моему понятию, слово либерал означает человека, который, считая в теории других людей себе равными, не допускает на практике преобладания своего произвола над другими и не подчиняется сам произволу других, который подчиняется только закону... и жертвует своими выгодами для осуществления своих идей. Можно ли после этого назвать либералами покорных слуг самодержавия, которые дорожат придворными званиями и звездами и никогда еще ничем не пожертвовали для осуществления либеральных теорий, т.е. теорий равенства и законности с отрицанием всякого произвола? Неужели, не делаясь крайне смешным, я мог бы назвать себя либералом после того, что уживался 12 лет при дворе, принял дюжины две крестов и звезд и до 40-летнего возраста оставался владельцем крепостных крестьян?» (Цит. по: Антонова Т. Русский реформатор Александр Васильевич Головин // Наше либеральное наследие / под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. Вып. первый. М., 2004. С. 99).

трансформации состоит в том, что он действует на всех, но принципиально важно, что и на «прогрессистов». И если последние не осознают такого действия, а значит ничего ему не противопоставляют, то даже при формальной «победе» модернизационная идея по большому счёту оказывается побеждённой исторической инерцией. Выражение «мёртвые хватают живых» очень точно описывает этот феномен.

Почему такое возможно? Да в силу того, что новая идея требует не просто нового институционального обеспечения, но такого обеспечения, которое бы как раз учитывало силу исторической инерции субъектов её реализации.

Если этого не происходит в силу влияния старых социальных стереотипов на «прогрессистов», то несовершенное институциональное обустройство начинает воспроизводить прежние стереотипы, а судьба модернизации оказывается под угрозой или вообще происходит модернизационный откат.

Так что есть ещё один повод повторить: модернизационные откаты, наблюдаемые практически на всём протяжении российской истории, и выбор «консервативного» вектора на исторических развилках следует объяснять вовсе не влиянием национального архетипа. Если бы такое влияние существовало, то вряд ли бы мы вообще сегодня рассуждали о причинах частых модернизационных неудач. Но ведь даже постоянное появление в нашей истории самой проблемы модернизационного выбора, то и дело предпринимавшиеся попытки пойти по «прогрессивному» пути свидетельствуют о неизбежном присутствии в стране модернизационных идей и готовности российского общества к обновлению. К этому стоит добавить и тот факт, что неудачи модернизационных проектов никогда не возвращали страну к исходному положению. Как пишет А. Л. Янов, «русское самодержавие — подобно азиатскому деспотизму — тоже всякий раз после очередного “смутного времени” воспроизводило себя. Но воспроизводило — в отличие от этого деспотизма — на новом уровне сложности»¹. Будь это не так, мы бы до сих пор были классическим патриархальным обществом. При этом всякий раз реформы в России если не ценностно, то идеологически ориентировались именно на европейское развитие. Таким образом, мы можем сожалеть, что сила исторической инерции у нас зачастую «корёжит» новую идею, но должны признать, что *в долгосрочном плане модернизация в России всё же берет верх над традиционализмом.*

Это признание представляет отнюдь не только научный интерес. Оно толкает общество, и прежде всего элиту, к осознанию того, что опасно

¹ Цит. по: *Оболонский А.В.* Драма российской политической истории: система против личности. М., 1994. С. 19.

откладывать модернизационные проекты, ссылаясь на «исторический фатализм»; что, сознавая и понимая действие инерционного механизма, мы должны искать способы уменьшения его силы, прежде всего посредством соответствующей институциональной организации власти.

Однако что в словах «историческая инерция» понимается под прилагательным «историческая»? Вся история Государства Российского? Или исторический отрезок, предшествовавший нынешнему этапу государственности? Как ни соблазнительно обращаться «к истокам», а именно так поступают «традиционалисты», в реальности на общественное сознание при оценке современной данному обществу власти действуют стереотипы, сформировавшиеся на протяжении двух, максимум трёх поколений. Например, в одной дискуссии, проходившей в 1993 году, было высказано мнение, что такая характеристика россиян, как неумение жить в настоящем и обращённость в будущее, является проявлением утопически-тоталитарного сознания, которое характерно «для истории России последнего столетия, но не для всей истории России»¹.

Понимание того, какой именно тип отношений претерпевает изменения и какой тип приходит ему на смену, является ещё одним фактором любой крупной трансформации, ибо это понимание позволяет нам судить о *характере* исторической инерции в данный период.

Нынешнему строю и политической системе предшествовал *советский тип власти*. И это многое объясняет. Так, в силу утопичности² идеи «поголовного участия трудящихся в управлении» народ оказался вообще лишён всякой возможности влиять на власть. Сам же образ власти не только не приобрёл новых принципиальных черт, но и отбросил общественное сознание назад, к патриархальному состоянию. Теоретически советская власть – флуктуация в развитии человечества, ибо этот тип не имеет оснований ни в социальной природе, ни в индивидуальной психике человека. В общем, утопия, она и есть утопия. Но практически этот тип властвования мало чем отличается от абсолютизма, причем средневекового типа. Понятно, почему религиозным фундаменталистам эта богоборческая, больше того, поистине дьявольская власть милее демократии. За советские годы стали привычными понимание власти исключительно как неограниченной власти вождя, представление о возможности изменения политики только с приходом нового вождя и патернализм как единственно возможный способ жизни.

¹ См.: Российская ментальность. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 1994. № 1. С. 50.

² Утопии отличаются тем, что, основываясь на презумпциях, противных или несвойственных человеческой природе, неизбежно порождают «социальное чудовище».

Советская система возродила не только абсолютную власть, но и словность, пусть не формализованную: «дворянство» – номенклатура¹ и «подлые сословия» – крестьянство и интеллигенция. Советская система – это и многоступенчатые отношения «вассалов и сюзерена»: местные партийные руководители обладали возможностью вершить феодальный произвол в отношении подданных, но вышестоящий «князь», а то и сам «царь» мог на них цыкнуть, лишить должности, свободы или даже жизни.

Сказанное помогает понять, почему в Конституции 1993 года была заложена именно персоналистская модель власти: здесь очевидным образом «новая идея» демократии столкнулась с исторической инерцией стереотипов советской эпохи. Попытаюсь схематично показать этот процесс.

Идея демократии требовала скорейшего провозглашения неких её общих принципов – разделения властей, признания приоритета прав человека, политической свободы, личной автономии, открытости миру и проч. Это было сделано ещё в Декларации о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 июня 1990 года² и в Декларации прав и свобод человека и гражданина от 22 ноября 1991 года³. Однако фундаментальные представления о власти и жизни вообще у большинства тех, кто составил «новую российскую политическую элиту», в силу инерции, естественно, оставались советскими.

Сначала инерция советского номенклатурного сознания одолела зачатки сознания, которое требуется для публичной политической жизни, и не позволила после победы над ГКЧП в августе 1991 года всем политическим игрокам, в том числе и на союзном уровне, решиться на упразднение советских конституций – СССР и союзных республик, сформировать временное правительство для того, чтобы затем реализовать сценарий учредительного собрания. А ведь этого требовала политическая логика, когда стало ясно, что устанавливается в корне иной общественный строй. И уж точно это следовало сделать в России после распада СССР в декабре 1991 года. Но... «никто не хотел уходить».

Затем сыграл свою роль стереотипный образ власти как единоличного и максимально безоппонентного правления. Условия только-только родившейся и потому крайне слабой власти спровоцировали у одних (меньшинства) желание «примерить мундир Наполеона», у других (большинства) сделать ставку на того или иного «претендента», примк-

¹ Рабочие и военные, хотя им пропаганда и слагала оды, в реальности не были «дворянами», если не попадали в номенклатуру.

² Решение Съезда народных депутатов РСФСР от 12 июня 1990 г. № 22-1.

³ Постановление Верховного совета РСФСР от 22 ноября 1991 г. № 1920-1.

нуть к определённой команде. Вместе с кадровыми назначениями начались, соответственно, обиды, а с ними беготня из одной «команды» в другую, интриги, в том числе с использованием «юридических инструментов», скороспелое «партийное строительство», напоминавшее формирование кланов, и пр. Понятно, что не это вызвало противостояние институтов власти в 1992–1993 годах, а борьба двух ценностных систем. Но эта борьба протекала под большим воздействием и на фоне борьбы тщеславий и корысти.

И наконец, проявила себя инерция последних этапов борьбы. Над разработчиками проекта Конституции не мог не тяготеть вопрос: кто больше всех мешал президенту, издевался над ним? Законодательный орган. А кто у нас лидер реформ? Президент. Следовательно, надо построить такую конструкцию, при которой всё будет пристойно с точки зрения принципов демократии, но при этом президенту должно быть обеспечено такое положение, чтобы уже никто не смел досаждать ему. Так что, с точки зрения соответствия замыслу, работу над окончательным вариантом Конституции можно считать ювелирной...

* * *

Можно ли в итоге признать, что в конце XX – начале XXI века историческая инерция победила новую идею? Нет. Ведь коммунистической реставрации не произошло. Но нельзя и утверждать, что сила демократической идеи одолела силу советской инерции. Итак, «ничья»? Однако при преобразовании страны «ничьих» не бывает! Отсутствие победы демократического развития есть его поражение. Иначе, если признать победу новой идеи, то придётся согласиться с тем, что уровень неуважения власти к обществу, уровень произвола, творимого от имени государства, уровень коррупции, общий уровень несправедливости и ущемления личного достоинства и есть «та самая демократия». То-то и оно, что межумочное состояние, которое образовалось в результате столкновения идеи с инерцией, не есть демократия.

Виной тому вовсе не «специфика нашего народа и нашей истории». Причина в том, что *мы не позаботились институционально погасить силу исторической инерции*. Ненормальность нашего государственного бытия гнездится не в наших головах, а в «ошибочной программе», в соответствии с которой власть, а это обычные земные люди, функционирует. Поняв это, мы, во имя собственной нормальной жизни, во имя динамичного развития России, должны соответствующим образом исправить «программу», т. е. задать иные институциональные параметры власти. Тогда и власть будет вынуждена работать так же, как в других демократи-

ческих государствах, и общество воспримет политическую конкуренцию так же естественно, как оно воспринимает конкуренцию экономическую.

В то же время, вновь подчеркну, изменение институциональных условий – не панацея, и на следующий день после конституционной реформы у нас не воцарится демократия. Но мы сумеем для начала снять барьеры, попросту не позволяющие ей появиться.

О НЕБЕСНОЙ ПРИЧИННОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Хотя я выше и говорил о том, что модернизация происходит под воздействием столкновения двух крупных факторов – новой идеи и исторической инерции, это не означает, что ими исчерпывается вся детерминация социального процесса. Больше того, эти *рационалистические* факторы служат лишь проявлениями несоизмеримо более значимого, хотя и прикровенного, *мистического* причинного фактора – Божьего Промысла.

Понимаю, что такое совмещение в одной работе категорий из разных методологических систем – «научной» (рационалистической) и «духовной» (мистической) – способно у многих вызвать раздражение. После начавшейся в Европе несколько веков назад секуляризации, приведшей к разрыву между рационалистическим и мистическим методами познания, понятие «наука» прочно соединилось с понятием «материализм», и с тех пор всё, что выходит за пределы рациональной познаваемости, признаётся «антинаучным». Поэтому сегодня апелляция к мистическим категориям подрывает доверие ко всему анализу в целом. И тем не менее стыдливо умалчивать о Небесной причинности, опасаясь, что тебя обвинят в обскурантизме, считаю недопустимым. Не только потому, что тем самым становишься невольным адептом вульгарного материализма – мировоззрения, уже принёсшего столько бед миру и продолжающего искажать смысл исторического процесса¹, но и потому, что нельзя уступать поле политической философии тем, кто, апеллируя к Небу, пытается доказать антихристианскую суть всякой социальной модернизации.

¹ Для тех, кто считает (а таких много как среди либералов, так и в антилиберальных кругах), что либерализм есть идея секулярная, напомню хотя бы слова Фрэнсиса Фукуямы, известного авторством концепции «конца истории», т.е. завершения идеологической эволюции торжеством либеральной идеи, который заметил, что «современный мир обнажает всю нищету материалистических теорий экономического развития», а безрелигиозность порождает «духовную пустоту либеральных потребительских обществ» (цит. по интернет-версии: http://patriotica.ru/actual/fukuyama_end.html).

Мы не заметили, как страшно обеднили палитру познания мира, отвергнув *не* материалистическую методологию. Не буду здесь развивать эту мысль и только спрошу: почему такие, например, понятия, как «пространственно-климатические условия», «постимперский синдром», «X-или Y-матрица» и пр. и пр., должны вызывать больше доверия, нежели Промысл Божий? Неужели только потому, что в отношении первых выстраивается система неких «доказательств», а в отношении Небесного фактора мы оперируем только категорией «вера»? Но, если разобраться, вера, т. е. доверие к доказательствам, требуется и для выводов, которые делаются в социальных науках.

Благодаря увлечению исследователей гуманитарной сферы левыми идеями историософия стала материалистической, и потому современная наука игнорирует духовную историю, отбрасывает всякие, в том числе документально зафиксированные, свидетельства необъяснимых явлений, которые в иной, не менее научной системе координат могли бы служить доказательствами фактора хоть и непостижимого, но реально существующего. Поэтому не вижу логических препятствий для обращения к категориям, которые находятся в иной методологической системе.

В то же время действительно есть принципиальное различие между факторами рационалистическими и мистическими. Это различие состоит в том, что первые доступны для трактовки практически любому человеку, а Божий Промысл трактовать способны лишь пророки и святые. Только им дан редчайший дар прозревать причинные связи между поведением людей и народов и последствиями — как наступившими, так и предвидимыми. Поэтому, сказав о Небесной причинности, я не берусь *с этих позиций* объяснять воспроизводство персоналистского режима. В таком случае — зачем вообще здесь говорить об этом? Только для того, чтобы выразить важную мысль: социальные закономерности существуют, но все они относительны. И если мы их абсолютизируем, начинаем им «поклоняться», то впадаем в тот самый фатализм. Признание же Божьего Промысла, включение этого «фактора» в социальную мотивацию заставляет общество и его лидеров прислушиваться и приглядываться к тому, по правильному ли пути идёт развитие, и на основе этого, не игнорируя ни законы экономики, ни законы политической жизни, как минимум принимать во внимание, что у общества существуют некие фундаментальные ориентиры, отступление от которых вызывает крайне отрицательные следствия.

Человек никак не может смириться со «статусом» своего творения; то и дело он порывается постичь Божественный замысел, или, говоря словами Апостола Павла, домостроительство тайны; стремится стать, «как боги, знающие добро и зло» (Быт. 3: 5). Это не только бессмысленно, ибо

желание абсолютного знания нереализуемо, но и опасно: Книга Бытия не случайно напоминает, что именно дьявол соблазнил первых людей жадной запретного знания. Но почему Господь скрывает от нас абсолютное знание? Неужели потому, что не хочет, чтобы человек стал «конкурентом»? Такое предположение было бы не чем иным, как вульгарной антропологизацией Создателя. Просто Бог нас же оберегает от бездны, если даже среди сотворённых Им ангелов нашлись те, кто позволил себе пойти за Люцифером, бывшем любимцем Бога, но настолько возгордившимся, что стал противником Бога¹ и носителем вселенского зла:

«Как упал ты с неба, денница, сын зари! разбился о землю, попиравший народы. А говорил в сердце своем: “взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой и сяду на горе в сонме богов, на краю севера; взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему”. Но ты низвержен в ад, в глубины преисподней» (Ис. 14: 12-15).

Трудно даже вообразить, что случилось бы с человечеством, получи оно абсолютное знание. Ну, например, попробуйте представить, что могло бы произойти, если бы обладателями нынешних технологий стали люди, жившие не то что в античные времена или в средневековье, но даже сто лет назад. Такое соотнесение технического прогресса с прогрессом социальным тоже есть не что иное, как Божий Промысл.

Однако Небесное Промышление о нас – не «расчёт конструктора», а проявление *любви к человеку*. Так, Б. П. Вышеславцев, рассматривая христианское решение проблемы свободы, писал:

«Бог хочет, чтобы мы исполняли Его волю (и в этом смысле хочет повиновения), однако же не как рабы, не как наёмники, а как друзья и сыны (и в этом смысле не хочет простого повиновения). **Бог хочет любви, а во всякой любви есть свободное избрание, во всякой любви есть сочетание двух волей и двух свобод.** “Да будет воля Твоя” есть выражение любви к Отцу, к высшему и ценному, Тому, Кто стоит надо мною и потому может сублимировать мою волю. Если ничего и никого нет надо мною, тогда сублимация невозможна. Если надо мною абсолютная власть, императив, закон – тогда сублимация тоже невозможна, ибо свобода не покоряется диктатуре “категорического императива”. **Отношение Бого-Сыновства** есть единственный адекватный символ сублимации: “свыше”, от Отца, от иерархически высшего, исхо-

¹ Напомню, что на древнееврейском «сатана» означает «противник».

дит призыв. Сын отвечает на этот “призыв” свободной любовью. На приказ тирана он ответил бы отказом в повиновении»¹.

О таком же отношении Бога к человеку как к сыну замечательно говорил и митрополит Антоний Сурожский:

«[...] Меня поразило уважение и бережное отношение Бога к человеку; если люди иногда готовы друг друга затоптать в грязь, то Бог этого никогда не делает. В рассказе, например, о блудном сыне: блудный сын признаёт, что он согрешил перед небом, перед отцом, что он недостойн быть его сыном, он даже готов сказать: прими меня хоть наемником (Лк. 15: 18-19). Но если вы заметили, в Евангелии отец не даёт ему сказать этой последней фразы, он ему даёт договорить до “я недостойн называться твоим сыном” и тут его перебивает, возвращая обратно в семью: принесите обувь, принесите кольцо, принесите одежду... Потому что **недостойным сыном ты можешь быть, достойным слугой или рабом — никак, сыновство не снимается**»².

Если мы презюмируем, что именно любовь к людям лежит в основе Божьего Промысла, то получаем ключ к принципу причинности не только в частной, но и в публичной жизни: политические уродства, прежде всего тоталитаризм, промыслительны. Они возникают там и тогда, где и когда общество готово пожертвовать человеческим достоинством, свободой и даже моралью ради удовлетворения собственной гордыни — будь то мировое господство, коммунизм, богоизбранность и т. п.

Можно, конечно говорить о комплексах, фобиях и маниях как следствиях поражения в войне, национального унижения, распада империи и пр., но это всё лишь внешние признаки. В глубинной же основе политического строя, основанного на презрении к человеческому достоинству, лежит Небесное предупреждение о неприемлемости такого пути.

Бог, позволяя воцариться бесправию, деспотизму или, напротив, анархии, не наказывает народ, а *пускает* такое бедствие, дабы сам же народ понял причину своего падения. Современный нам († 1989) религиозный мыслитель архиепископ Сан-Францисский Иоанн (Шаховской) так различает благословение и попушение:

«Наблюдая человеческую власть, задавшуюся целью отвергнуть власть Божию в мире, мы спрашиваем себя: какая воля дви-

¹ Вышеславцев Б.П. Вечное в русской философии // Этика преображенного эроса. М., 1994. С. 200.

² Антоний, митрополит Сурожский. Труды. М., 2002. С. 258.

жет такой властью? Конечно, воля человеческая и демоническая, т. е. тварная. Но *какая воля* допускает ее на земле? Злую волю терпит, конечно, *не благословляющая, а допускающая* воля Божия, без которой ничего в мире не может произойти. Ради наиболее яркого выявления отвратительности зла перед потемненным сознанием, ради научения нечуткого человека ценностям высшим, вечным, ради спасения мира от зла воля Божия допускает в мире эту “экстериоризацию” обезображенного грехом человеческого сознания и злой воли, следствием которых являются и разрушительные стихийные явления природы – бури, болезни, эпидемии, землетрясения, наводнения, катастрофы...»¹.

Беды и несчастья, в том числе рукотворные, которые переживают государства, есть тот Божественный язык, на котором Создатель говорит со Своим творением, не желая что-либо приказывать ему, уважая в человеке и человечестве его свободу, в том числе свободу социального экспериментирования и способность к ответственности. А уж «имеющий ухо да слышит». Вопрос – слышим ли мы или даже хотим ли слышать подсказки Бога о том, что мы должны так обустроить своё общежитие, чтобы оно способствовало или хотя бы не препятствовало возвышению человеческого духа, облагораживало людей, а не служило унижению достоинства, превращению человека в скота?

Но тогда как соединить идею Божьего Промысла, не сковывающего свободу активной деятельности, в том числе политической, с призывами Апостолов **к покорности земным властям**? На самом деле противоречия тут нет. Напомню эти слова.

Апостол Пётр:

*«Итак будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа: царю ли, как верховной власти, правителям ли, как от него посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро, – ибо такова есть воля Божия, чтобы мы, делая добро, заграждали уста невежеству безумных людей, – как свободные, не как употребляющие свободу для прикрытия зла, но как рабы Божии. Всех почитайте, братство любите, **Бога бойтесь, царя чтите**» (1 Петр. 2: 13–17).*

Апостол Павел:

*«Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо **нет власти не от Бога**; существующие же власти от Бога установлены.*

¹ *Архиепископ Иоанн (Шаховской)*. Свобода и власть // Власть. Основы отношения к властям, обществу и государству. М., 1998. С. 44.

Посему противящийся власти противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение» (Рим. 13: 1–2).

Апостол Иуда:

«Как Содом и Гоморра и окрестные города, подобно им блудодействовавшие и ходившие за иною плотию, подвергшись казни огня вечного, поставлены в пример, — так точно будет и с сими мечтателями, которые оскверняют плоть, отвергают начальства и злословят высокие власти» (Иуд. 1: 7–8).

Я не случайно выделил слова о покорности властям, об осуждении противления и оскорбления власти и т. п. Именно на них обычно акцентируют внимание. И такая акцентировка часто превращается в оправдание любого существующего социального порядка. Однако в апостольских посланиях вовсе нет призыва к социальному конформизму. И вот почему.

Первая и главная идея состоит в том, что ничто на Земле невозможно без воли Всевышнего — ни природное, ни социальное (государственная власть — в том числе), *«ибо Им создано все, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли, — все Им и для Него создано; и Он есть прежде всего, и все Им стоит»* (Кол. 1: 16–17).

Однако из Писания мы знаем, что власть (вообще власть — как некая сила) может исходить *и от дьявола*. Так, первосвященники и старейшины народа спрашивали Иисуса Христа, который пришел в Храм и учил там: *«...какой властью Ты это делаешь? и кто Тебе дал такую власть?»* (Мф. 21: 23; см. также Мк. 11: 28; Лк. 20: 2). А после одного из многих чудес, совершенных Сыном Человеческим, фарисеи прямо начали обвинять Его в том, что делает Он это властью дьявола: *«Тогда привели к Нему бесноватого слепого и немого; и исцелил его, так что слепой и немой стал и говорить и видеть. И дивился весь народ и говорил: не это ли Христос, сын Давидов? Фарисеи же, услышав сие, сказали: Он изгоняет бесов не иначе, как силою веельзевула, князя бесовского»* (Мф. 12: 22–24). Обратим внимание, что Христос не опровергает эту клевету отрицанием дьявола как возможного источника чьей-то власти на Земле, а лишь показывает логическую бессмысленность самого навета: *«[...] всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит. И если сатана сатану изгоняет, то он разделится сам с собою: как же устоит царство его?»* (Мф. 12: 25–26).

Итак, Писание допускает, что власть человеку может быть дана и дьяволом. Но как же тогда дуализм источника власти согласуется со

словами, что «нет власти не от Бога»? На самом деле здесь *никакого дуализма нет*. Божественный Промысл предполагает и такой существенный его элемент, как *попущение (допущение) Божие*. Это обычная, хотя и остающаяся таинственной частью воли Господней. Очень ярко это показано в оптимистично-трагической Книге Иова. Начинается она, напомню, с клеветы сатаны на праведного Иова и *согласия Бога*, данного сатане, т. е. того самого попущения, подвергнуть Иова тяжелейшему испытанию его веры:

*«И был день, когда пришли сыны Божии предстать пред Господа; между ними пришел и сатана. И сказал Господь сатане: откуда ты пришел? И отвечал сатана Господу и сказал: я ходил по земле и обошел ее. И сказал Господь сатане: обратил ли ты внимание твое на раба Моего Иова? ибо нет такого, как он, на земле: человек непорочный, справедливый, богобоязненный и удаляющийся от зла. И отвечал сатана Господу и сказал: разве даром богобоязнен Иов? Не Ты ли кругом оградил его и дом его и все, что у него? Дело рук его Ты благословил, и стада его распространяются по земле; но простри руку Твою и коснись всего, что у него, — благословит ли он Тебя? И сказал Господь сатане: **вот, все, что у него, в руке твоей; только на него не простирай руки твоей**» (Иов. 1: 6–12).*

В таком случае, если есть благословение и есть попущение, должны ли и можем ли мы различать их? И как нам поступать, если мы понимаем, что власть (форма правления, политический режим, конкретные правители, сама идеология данной государственности) лишь попущена, но не благословлена Богом? Не противимся ли мы Божьему Промыслу, принимая какие-то политические действия, коль скоро Сам Бог воздаёт властвующим за их неправду? Например, в Книге Премудростей царь Соломон предупреждает «сильных мира сего»:

*«Итак, слушайте, цари, и разумейте, научитесь, судьбы концов земли! Внимайте, обладатели множества и гордящиеся пред народами! От Господа дана вам держава, и сила — от Вышнего, Который исследует ваши дела и испытает намерения. **Ибо вы, будучи служителями Его царства, не судили справедливо, не соблюдали закона и не поступали по воле Божией**. Страшно и скоро Он явится вам, — и строг суд над начальствующими, ибо **меньший заслуживает помилование, а сильные сильно будут истязаны**» (Прем. 6: 1–6).*

О Божьем суде напоминает и Апостол Павел: *«Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь»* (Рим. 12: 19).

Проблема эта не новая. Например, ещё известный христианский писатель Тертуллиан (II–III вв.) требовал категорически запретить христианам от лица Церкви участвовать в государственном строительстве. О том, приемлет ли христианство сопротивление, в том числе вооружённое, богоборческой власти большевиков, в 1920-е годы спорили и находившиеся в эмиграции русские интеллектуалы. Начало той острейшей полемике положила книга И. А. Ильина «О сопротивлении злу силою»¹.

Владыка Иоанн (Шаховской) также говорит о двух течениях ещё среди первых христиан – «малоазиатском» и «римском». Первое – отрешение от политического творчества, однако «это настроение не антигосударственное, но остро сознающее *временность* государства и желающее сосредоточиться на «едином на потребу» личного совершенствования». Представители второго, «римского», течения «видели свою свободу не только в отрешении от внешнего мира, но и в овладении этим внешним миром». Однако, по словам архиепископа, «эти оба пути были благословлены Церковью навеки, ни один не анафематствован. Победа оказалась за обоими»².

И действительно, если мы вчитаемся не только в приведённые слова Апостолов, но и в другие, а также учтем соответствующий контекст, то поймём, что они проповедуют конечно же не фатализм. Проповедуют они такую частную и гражданскую деятельность, которая должна не только не нести зла, но и способствовать утверждению добра в его христианском понимании. Не случайно ведь слова об отношении к власти в Посланиях Апостолов располагаются рядом с наставлениями первых христиан в правилах христианского поведения, которые в обобщённой формуле Апостола Павла звучат так: *«Не будь побежден злом, но побеждай зло добром»* (Рим. 12: 21). Разве это не призыв к действию? Но не к бездумному сопротивлению всем и всему, что тебе не нравится, а к улучшению жизни, облагораживанию её, к возвышению человеческого духа. И. А. Ильин был прав, обвиняя Н. А. Бердяева в том, что тот смешивает «противогосударственное, дезорганизирующее бунтовщичество с сопротив-

¹ Ильин И.А. О сопротивлении злу силою / сост., предисл. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М., 2005. Среди наиболее известных критиков позиции Ильина были, в частности, Н. Бердяев и З. Гиппиус.

² См.: *Архиепископ Иоанн (Шаховской)*. Культура социального умиротворения (Из работы «Философия православного пастырства») // *Власть*. С. 53–55.

лением злу силою»¹. Способы такого улучшения могут быть разные – и личный пример, и воспитание детей, и институциональное преобразование: *«И как, по данной нам благодати, имеем различные дарования, то, имеешь ли пророчество, пророчествуй по мере веры; имеешь ли служение, пребывай в служении; учитель ли, – в учении; увещатель ли, увещевай; раздаватель ли, раздавай в простоте; начальник ли, начальствуй с усердием; благотворитель ли, благотвори с радушием»* (Рим. 12: 6-8). При этом Апостолы постоянно подчёркивают критерий такого улучшения – любовь и мир.

Обратим внимание, что они не ограничиваются призывом к послушанию, а презюмируют доброе предназначение самой государственной власти. Так, Апостол Павел выстраивает логическую цепочку:

«Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от нее, ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое. И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести» (Рим. 13: 3–5).

Такая презумпция фактически обозначает пределы гражданского послушания. Ведь понятно, что под «добром» и «злом» понимаются стандарты не языческой, а христианской этики. Известно, что многие христиане в первые века стали мучениками только за то, что отказывались поклоняться «гению императора», божеству, якобы охраняющему императора. И отказ от этого обряда представлялся языческими властями как доказательство неуважения христиан к государю, несмотря на то что как раз христиане были лучшими гражданами империи.

«Обряд состоял в воскурении фимиама на жертвеннике или в совершении жертвоприношения в честь царя. Так, в начале третьего века в правление императора Септимия Севера в Карфагене привели к проконсулу двенадцать человек, обвиненных в исповедании христианской веры. Между ними был христианин по имени Сперат.

– Вы получите прощение, – сказал проконсул, – если образумитесь и воздадите богам подобающую им честь. Присягните гением императора, и я отпущу вас.

– Мы не знаем, что такое гений императора, – отвечал Сперат. – Мы служим Богу невидимому и ни в чем не виновны против законов страны. Чужого мы не берем; покупаем ли что, пла-

¹ Ильин И.А. О сопротивлении злу (Открытое письмо В.Х. Даватцу) // О сопротивлении злу силою. С. 306.

тим подати, потому что так повелел император; его мы чтим как господина, данного нам Богом; но поклоняемся Богу, Царю царей и Вседержителю.»¹

Это и есть ярчайший пример того, о чём говорят Апостолы, т. е. истине добродетельного гражданского поведения, когда искренне соблюдаются все основные запреты и обязанности, кроме тех, которые означают предательство Бога, нарушение заповедей.

Апостолы исходят из того, что современная им языческая государственная власть не чужда, говоря современным языком, принципам универсального, единого для всех времен и народов — естественного права. Это очень важный момент. Хотя сами языческие цари и их наместники не осознают, что находятся во власти Бога Живого, объективно и их власть подчиняется Его воле и определённым Им принципам. Св. Иоанн Златоуст, толкуя Послание к Римлянам, так и говорит: «Какая тебе нужда, ежели он (начальник. — М. К.) и сам этого не знает? Довольно того, что так учредил Бог»².

Но ведь государственная должность может быть использована вовсе не для «доброго государственного начальствования». И этот момент разъясняет св. Иоанн Златоуст:

«Как это? Ужели всякий начальник поставлен от Бога? Не то говорю я, отвечает Апостол. У меня идет теперь слово не о каждом начальнике в особенности, но о самом начальстве. Что есть начальства, что одни начальствуют, а другие подчинены им: и что нет того неустройства, чтобы происходило что-нибудь по случаю и без порядка, чтобы народы носились туда и сюда подобно волнам, — все сие я называю делом Божией премудрости. [...] Даже и море не лишено такого же благоустройства, но и там во многих родах рыб одна управляет и предводительствует прочими, и под ее начальством они отправляются в отдаленные путешествия. Напротив, безначалие везде есть зло и производит замешательство»³.

Глубинный смысл права в том, что оно призвано охранять добро и преграждать путь злу. Но обеспечить право может лишь публично организованное общество, т. е. государство в широком смысле, управляемое

¹ Цит. по: Бахметева А.И. Рассказы из истории христианской церкви. В 2 частях. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 1994. Ч. I. С. 142.

² Святитель Иоанн Златоуст. Толкование на Послание Апостола Павла к Римлянам (глава XIII) // Власть... С. 8.

³ Там же. С. 4–5.

или направляемое организованной властью, т. е. государством в узком смысле. Вот об этом и ведут речь святые Апостолы!

Антитеза такой организации, такому порядку — *анархия*, являющаяся произведением дьявола и преступлением перед Богом. Из хаоса Бог создал мир. Значит, не может Создатель желать, чтобы «*тьма над бездною*», хаос вновь воцарился. Св. Иоанн Златоуст в своём толковании подчеркивает: «*Как скоро упразднить начальство — все рассыплется: не устоят ни города, ни селения, ни дома, ни торжище, ни какое другое заведение, — напротив, все испровергнется, оттого что сильнейшие поглотят слабейших*»¹.

Член Конституционного суда Армении Р. А. Папаян справедливо замечает, что «мирское (земное) получает мир (умиротворенность), лишь будучи устроено. Подобное соотнесение понятий отчётливо видим в апостольских словах “*Бог не есть Бог неустройства, но мира*” (1 Кор. 14: 33), откуда следует, что мир — это прежде всего “устроение”. Потому и дальнейшие акты божественного творения — это устройство мира»².

Отсюда понятно, почему Апостолы призывают христиан быть не только покорными властям, но и искренними в государственном послушании. Ведь *не о воловьей* покорности они говорят: «раз на мне ярмо, придётся покориться». Равно и *не о покорности притворной*: «я буду послушным гражданином, чтобы меня власти не трогали за моё вероисповедание». И не о тупом восторге перед властью или об обожествлении государства и его высших представителей. Нет, искреннее гражданское послушание у Апостолов есть исполнение воли Господней, которая направлена на устроение, а не разрушение людского общежития, причём устроение в соответствии с принципами естественного права. Апостол Пётр, напоминая, что «*такова есть воля Божия, чтобы мы, делая добро, заграждали уста невежеству безумных людей, — как свободные, не как употребляющие свободу прикрытия зла, но как рабы Божии*» (1 Петр. 2: 15–16), фактически говорит о необходимости **свободной лояльности** (слова И. А. Ильина). Свободная воля Апостолами рассматривается именно как свобода в добре³. «*Не оставайтесь должными никому ничем, кроме вза-*

¹ Святитель Иоанн Златоуст. Указ соч. С. 8–9.

² Папаян Р.А. Христианские корни современного права. М., 2002. С. 195.

³ Именно это подчеркивал Б.П. Вышеславцев, различая «свободу в произволе (отрицательная свобода)» и «свободу в добре (положительная свобода)». Отвечая Фихте, считавшему, что только несовершенная воля свободна, а совершенная уже произвела выбор и не имеет больше выбора между добром и злом, т.е. свобода в добре уже не есть свобода, он писал: «Это глубокая ошибка. Положительная свобода сохраняет в себе, преобразует и сублимирует свободу выбора, свободу произвола, низшую свободу. Истина делает нас свободными, а вовсе не требует убийства и самоубийства свободы. Иначе нельзя было бы сказать: к свободе призваны вы, братья!» (Вышеславцев Б.П. Указ. соч. С. 194).

имной любви; ибо любящий другого исполнил закон» (Рим. 13: 8) – призывает Апостол Павел. Символично, что слово «закон» в устах Апостола объединяет два своих значения – и закон Божий (заповеди), и закон государственный: с добрыми чувствами исполняя государственный закон, христианин одновременно исполняет и закон Божий.

Резюмируя сказанное, выделим главное.

1. Государство есть благо, освященное Богом, ибо это форма упорядочивания отношений в социуме и обеспечения организации публичной жизни.

Христианство видит в государственности естественную форму разумно организованного человеческого общежития, противостоящую хаосу – наилучшей среде для действия зла. Только в государственной форме может быть обеспечено право в его высшем смысле – как нормативного императива, уравнивающего свободу и справедливость, субъективные права и обязанности, самостоятельность и ответственность. Вот почему государственность, как и право, есть самоценность.

2. Признание Бога как первоисточника всякой власти не противоречит обожествлению государственной власти, а признание Его единовластия не означает обязанности устраивать публично-властную конструкцию по подобию Небесной иерархии.

Поскольку в государстве нет благодати, изначально присутствующей в Церкви, возглавляемой Самим Христом, постольку всякие попытки объявить о такой «государственной» благодати есть вольное или невольное передразнивание божественных установлений. А такое передразнивание – любимое занятие дьявола: «...сатана мучается завистью к Христу и подражает Ему, как только может. И потому наряду с воплощением Бога появляется и воплощение сатаны»¹. Ни теократия, ни провозглашение христианства государственной религией, как в древней Византии или в современных Греции, Норвегии, ни миропомазание монарха не приводят к благодати данного государства. Если бы это было не так, то Господь не попустил бы падения, разрушения таких государств и превращения многих христианских монархий в республики.

Стоит и устоит до конца века сего лишь единая, соборная и апостольская Церковь. Она одна представляет собою то «сообщество», ту «организацию», для которой естественно строиться по образу «организации» Небесной, ибо Церковь есть Екклесия – собрание верных. Именно Церковь прообразует Царство Божие и потому естественно стремится быть подобной Ему. Для государства же, как организации, имеющей сугубо земную природу и земное предназначение, хотя оно занимает значительное место

¹ Сантуччи Л. «Не хотите ли и вы отойти?» Размышления о земном пути Иисуса Христа. М., 1994. С. 84.

в Божьем Промысле, отнюдь не вытекает мистическая обязанность строиться по подобию Небесного Царства.

Небесная иерархия основана на *абсолютных* принципах, ибо Бог и есть абсолют. Следовательно, в Его Царстве *абсолютно* справедливо и место каждого на той или иной ступени. Может ли это обеспечить иерархия, построенная людьми? Кроме того, жизнь в Небесном граде пронизана *абсолютной* любовью, а Царь Небесный общается с каждым независимо от его «статуса». «К царю земному неудобно приступить с прошением, а к Царю Небесному без всякой задержки всегда приходиться можем, когда хотим; не надобно никого о докладе просить; прямо иди, приступай с надеждой», — говорит свт. Тихон Задонский.

3. В словах Апостолов нет апологии ни единовластия в государстве, ни разделения властей.

Формы правления и государственного устройства, принципы, полагаемые в «технологическое» основание государственной власти, для христианства являются нейтральными, не имеют сущности. Например, А. В. Ситников, сотрудник ОВЦС Московского Патриархата, пишет: «С точки зрения христианского богословия, вопрос формы правления не относится к области вероучения. [...] Вопросы политического устройства, как несущественные для спасения, могут решаться самым различным образом. Церковь может существовать при любом государственном строе»¹. О том же верно сказал Н. А. Бердяев: «Одинаково ошибаются и те, которые считают христианство благоприятным абсолютному цезаризму, и те, которые считают его благоприятным анархизму. Христианство так же не реакционно, как и не революционно, из него нельзя извлечь никаких выгод для мира сего»².

В словах Апостолов о христианском отношении к власти мы действительно не видим анализа государственного устройства, а видим лишь призыв не допустить бессмысленного непокорства. В Послании Титу Апостол Павел пишет: «Напоминай им повиноваться и покоряться начальству и властям, быть готовыми на всякое доброе дело, никого не злословить, быть не сварливыми, но тихими, и оказывать всякую кротость ко всем чловекам» (Тит. 3: 1–2). Для христианина, таким образом, главные человеческие добродетели являются одновременно и добродетелями гражданскими. Впрочем, тут и не может быть различия, ибо в противном случае это было бы лицемерием, которое христианство категорически отвергает.

¹ Ситников А.В. Православие и демократия. К вопросу о влиянии религиозного фактора на политическое сознание и политическую культуру России // Полития. Зима 2004–2005. № 4. С. 86.

² Бердяев Н.А. Указ соч. С. 22.

В то же время это не означает полного тождества жизни христианина как верующего и как гражданина. Но не в смысле «поблажек» для гражданина-христианина, а в смысле ещё больших *самоограничений*. Например, Апостол упрекает членов Коринфской церкви не только за то, что те шли со своими тяжбами к языческим судьям, а не разбирали споры с собратьями внутри самой христианской общины, но и за сами подобные иски: *«И то уже весьма унижительно для вас, что вы имеете тяжбы между собою. Для чего бы вам лучше не оставаться обиженными? для чего бы вам лучше не терпеть лишения? Но вы сами обижаете и отнимаете, и притом у братьев»* (1 Кор. 6: 7–8). Таким образом, для гражданина-христианина сужаются возможности пользования некоторыми публично-правовыми институтами. Это не означает, что Богу неуютны сами такие институты, просто, как чуть ниже говорит Апостол Павел, *«все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною»* (1 Кор. 6: 12).

4. Апостолы, призывая к послушанию властям, призывают вовсе не к конформизму, а только к уважению права в его Божественной транскрипции.

Как уже говорилось, право в апостольских посланиях означает не любые нормы, исходящие от государственной власти, а те, что служат для поощрения добра и наказания зла, т. е., говоря современным языком, право у Апостолов предстаёт отнюдь не в позитивистском его понимании.

Апостолы не только не призывают к свержению языческих властей, но и наставляют в послушании им — постольку, поскольку те охраняют правовой порядок. Однако никто же не скажет, что Апостолы требуют сохранения именно данного (языческого и имперского) государственного строя. В противном случае появление два с лишним века спустя христианской государственности пришлось бы признать противоречащим апостольским словам. Говоря иначе, ни в Евангелиях, ни в Посланиях Апостолов невозможно найти запрета для совершенствования условий земной жизни, *если оно происходит ради совершенствования человека и отношений между людьми*.

В таком случае справедливо поставить вопрос: а как определить, в каком именно направлении совершенствование мира (социальная деятельность) отвечает Божиему замыслу? Ответить на это как раз нетрудно, ибо отвечает на это Сам Господь. Именно Он даёт нам ориентиры для социального прогресса.

В Заповедях блаженства (Нагорной проповеди) Спаситель как одну из основных добродетелей провозгласил миротворчество: *«Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими»* (Мф. 5: 9). Миротворчество для христианина — это обязанность не только гасить вражду, ссо-

ры, распри, ненависть, но и стараться не допускать, предупреждать их как в частной, так и в публичной жизни. Поэтому христианство не может быть противником такого государственного устройства, при котором развитие идет *по вектору согласия*, компромисса между носителями разных представлений о жизни. Разумеется, за исключением компромисса со злом — с идеями ненависти, розни и порока.

Таким государственным устройством в современном мире пока является тип общественной и государственной системы, именуемый демократией, ибо если она не культивирует диалог, компромиссы, согласие, то перестаёт быть собственно демократией. Понимаю, сколько едких мыслей и слов вызовет этот вывод, но пусть тогда противники демократической организации назовут тип государственности, который бы в такой же мере обеспечивал согласие и общественный мир. Согласиться могу лишь с тем, что образ современной демократии действительно подпорчен очень многими вещами — и политиканством, и манипуляциями общественным сознанием, и разрастающимся моральным релятивизмом. Но кто сказал, что нынешняя модель демократии в мире есть модель окончательная и даже — что вообще тип государственности, называемый демократией, есть тип предельный? О демократии спорят с тех пор, как она водворилась в новой истории. Но именно то, что о ней можно спорить, свидетельствует как об имманентной ей свободе, так и о потенциале её развития.

Такую особенность демократии хорошо уловил прекрасный русский юрист и мыслитель П. И. Новгородцев, писавший в 1923 году:

«В противоположность политическому оптимизму недавнего прошлого, когда казалось, что демократия есть нечто высшее и окончательное, что стоит только достигнуть её, и всё остальное приложится, теперь приходится признать, что демократия, вообще говоря, есть **не путь, а только распутье**, не достигнутая цель, а проходной пункт»¹.

Но даже понимая, что демократия является лишь «распутьем», разве не должны мы дойти до него? Разве эта дорога социального познания и экспериментирования, которую, правда, может осилить не просто идущий, но идущий по ориентирам, данным ему Творцом, не есть часть более общей дороги познания Божьего мира? Дороги, которую воспел ещё царь Соломон:

¹ Новгородцев П.И. Демократия на распутье // Сочинения. М., 1995. С. 400.

«Только дал бы мне Бог говорить по разумению и достойно мыслить о дарованном, ибо Он есть руководитель к мудрости и исправитель мудрых. Ибо в руке Его и мы и слова наши, и всякое разумение и искусство делания. Сам Он даровал мне неложное познание существующего, чтобы познать устройство мира и действие стихий, начало, конец и средину времен, смены поворотов и перемены времен, круги годов и положение звезд, природу животных и свойства зверей, стремления ветров и мысли людей, различия растений и силы корней» (Прем. 7: 15–20).

Потому борьба за совершенствование мира, имеющая в основе своей поиск правды в широком её понимании, вовсе не «невежество безумных людей». Наоборот, непротивление общественному злу, т. е. предпочтение собственного физического ли, душевного ли комфорта и безопасности борьбе за правду, есть тоже грех, ибо Христом даны ещё и заповеди: *«Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся [и] Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное»* (Мф. 5: 6, 10). О той же ценности говорит и Апостол Иаков: *«Плод же правды в мире сеется у тех, которые хранят мир»* (Иак. 3: 18). Понятно, что в Евангелии и Послании Апостола речь идёт о правде духовной, о жертвенности за веру. Но, как известно, *«вера без дел мертва»* (Иак. 2: 20, 26), а дела — это не только сугубо «религиозные поступки», но и соответствующая христианским принципам жизнь человека, в том числе жизнь гражданская, публичная.

Мне могут напомнить, что в Нагорной проповеди содержатся и иные заповеди — смирения, кротости, милосердия, чистоты сердца. Но разве отстаивание правды и стремление к согласию обязательно происходит с горящими от ненависти глазами, нагло, мошенническими приёмами и т. п.?

И всё же: нет ли во всём этом противоречия, коль скоро совершенствование мира предполагает борьбу — идейную и политическую? Нет. При одном неперменном условии: не только цели, но и методы этой борьбы должны соответствовать указанным Богом ориентирам. Это значит, прежде всего, что такая борьба должна быть не «против», а «за». Сама проповедь Евангелия — на что благословил Христос Своих учеников — это тоже борьба, хотя и духовная. Спаситель неоднократно предупреждает, что мир с Его приходом разделится: *«Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее»* (Мф. 10: 34–35). Не потому, что Бог этого хочет, а потому, что Он знает наперёд

нашу жизнь и всю человеческую историю. Однако может ли духовная борьба протекать помимо человеческой деятельности во всех её проявлениях, не пересекаться с нею? Разумеется, нет.

Приход Христа Спасителя обозначил перелом всей истории человечества: она (история) приобрела эсхатологический характер. Начался отсчёт земного времени от Первого Его Пришествия до Второго. Хотя нам не дано знать, сколько пройдёт ещё времени, мы обязаны понять, что означает отведённое нам время. Это время невероятного напряжения духовной борьбы, т. е. борьбы не с людьми, а за людей, со злом в нас самих: *«Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских, потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей¹, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной»* (Еф. 6: 11–12).

Конечно, политическая борьба не есть борьба духовная. Но она в некотором смысле и отчасти может стать духовной тоже – постольку, поскольку будет иметь цели, призванные возвышать человеческий дух, и методы, не унижающие человеческого достоинства.

В то же время, говоря о демократии как о строе, направляющем общество по вектору согласия, нельзя не сказать об одной из её слабых сторон – отсутствии эффективных механизмов защиты от саморазрушения. Что имеется в виду?

Христианство – это отнюдь не только религия² и даже не только мировоззрение. Христианство представляет собою *этическую основу* современной евро-атлантической цивилизации, на которой, в свою очередь, базируются правовые системы соответствующих государств. Говорю об этом не в качестве ответа из серии «знаете ли вы...». Это утверждение фундаментальное, ибо отрицание такой роли христианства ведёт к размыванию и самой этической основы современного мира, а с нею и миропорядка. Как говорит Спаситель, *«соль – добрая вещь; но если соль потеряет силу, чем исправить ее? ни в землю, ни в навоз не годится; вон выбрасывают ее»* (Лк. 14: 34–35). Другими словами, если окончательно победит моральный релятивизм и будет размыта пока ещё устоявшая этическая основа, то государства вряд ли смогут удержать набирающий

¹ Под «начальствами» и «властями» в данном случае Апостол Павел понимает иерархию нематериального тёмного мира во главе с сатаной.

² Религией оно было названо лишь несколько веков назад, когда гордый человеческий ум противопоставил «науку» «религии».

темпы процесс юридической легитимации всевозможных пороков у той грани, за которой начнётся разрушение самой государственности.

Если этой слабости демократия не осознает, она погибнет без всякого внешнего давления. И это, на мой взгляд, уже не скрытый, а явный фактор причинности, который мы можем видеть благодаря христианству.

ЧАСТЬ 4 В ПОИСКАХ ОПТИМУМА

Вообще-то эта, последняя, часть книги так названа с некоторой долей условности, поскольку *оптимальных конституционно-правовых конструкций не бывает!* Во всяком случае, то, что кажется оптимальным сегодня, завтра вполне может сдерживать развитие общества. В этом смысле правы те, кто возражает против изменений Конституции РФ, говоря, что мы ещё не полностью освоили её положения и тот потенциал, который в ней заложен. Но они правы только в этом, абстрактном, смысле.

Действительно, любая публично-правовая конструкция в рамках конституционного строя должна быть обжита, освоена; и обществу, и власти нужно привыкнуть к функционированию данного вида разделения властей; многие неясности и неопределённости должны быть истолкованы компетентной инстанцией и т. д. Однако всё это имеет смысл при одном условии: сама публично-правовая конструкция не содержит в себе органического порока, в частности не угнетает принципа разделения властей и институционально не препятствует реализации иных принципов демократической государственности — в первую очередь принципа идеологического и политического многообразия, что проявляется прежде всего в свободной политической конкуренции. Без соблюдения такого условия сколько ни осваивай конституционные положения, это не только не приведёт к развитию демократических начал, но и обусловит тенденцию к их сворачиванию.

Именно это я и хотел доказать в настоящей работе, вполне сознавая, что роль институциональных параметров власти при конституционном, подчеркну, строе состоит не в том, чтобы гарантировать демократию, а в том, чтобы, с одной стороны, задать демократический вектор развития, а с другой — гасить естественную для *qui tenent rem publicam* (власть имущих) потребность во властной экспансии, в собственной их, властей, «суверенизации», т. е. нейтрализовать стремление выйти из-под всякого гражданского контроля.

НЕ «ГОРА», А ОДИН ИЗ «ПРИГОРКОВ»

Не только конструкция властных институтов — их набор, конфигурация, отношения между ними, но и вообще демократические инсти-

туты и принципы, на мой взгляд, не являются ценностями. Не могу здесь не согласиться с Ю. Левадой, который говорил: «В принципе демократия — это система институтов и механизмов, которые поднимают интересы и действия множества людей до общественных, которые, собственно, и превращают толпу в народ. Популизм же, этот неприменный атрибут всех авторитарных правлений, включая советское, действует в противоположном направлении — низводит общественное до массового, то есть до уровня наиболее распространенного, приемлемого, “простого”»¹.

Демократические институты и принципы — *только инструменты* для ценностного выбора и его защиты. А ценностным выбором нашего общества в конце 1980-х — начале 1990-х годов, хотя он артикулировался как демократия и рынок, по существу, было *человеческое достоинство* в его публично-правовом контексте. Поскольку же пока не предложено ничего более эффективного для обеспечения такой ценности, кроме демократической организации государственности, постольку речь может идти о том, как инструментально, технологически обустроить «пространство публичной власти», чтобы для политиков и политических сил естественным стало соревнование за наиболее разумные методы обеспечения человеческого достоинства. Если же сама конструкция препятствует такому соревнованию, человеческое достоинство оказывается незащищённым.

Как автор попытался показать, нынешнее «властное пространство» представляет собой «гору», а отношения на этом «пространстве» очень похожи на детскую игру «царь горы», цель которой — занять вершину и не допустить, чтобы кто-то скинул тебя. Но в игре приходится рассчитывать лишь на собственные силы и ловкость, а вот в политической жизни овладение «горой» означает овладение практически всеми ресурсами государства, которые могут быть использованы и против конкурентов. В таких условиях задача «сбросить царя горы» продуцирует уже не столько легальные, сколько революционные методы смены «победителя». «Цветные революции» последних лет в ряде стран СНГ имели причиной именно отсутствие равных возможностей для политической конкуренции.

Вот такой «горный рельеф» и необходимо изменить. Весь вопрос — как.

¹ Левада Ю.А. От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993–2000. М., 2000. С. 30.

МЕНЯТЬ ЛИ ФОРМУ ПРАВЛЕНИЯ?

Параметры настоящей работы не позволяют провести развёрнутый анализ разных моделей организации государственной власти — парламентской, президентской и смешанной форм правления — на предмет выяснения их большей или меньшей пригодности для современного российского общества. Однако наиболее очевидные последствия всё же можно спрогнозировать. Причём *исходить следует, в первую очередь, не столько из преимуществ, сколько из вероятности негативных следствий*. Вообще, такой подход, я бы его назвал «антиутопическим», наиболее продуктивен в социальном и государственном строительстве. Ведь что характерно для любой утопии? Презумпция такого поведения людей, в том числе власть имущих, каким оно представляется самому «социальному конструктору». В этом состоит главная опасность «Города солнца», «Всемирной коммуны» и всех других утопий. Такие конструкции нереализуемы, а потому при попытке реализации неизбежно превращаются в царство тоталитарной деспотии.

В большой степени на реализацию утопии похож процесс, как его сегодня называют, «*трансплантации институтов*». Ведь заимствуя не только идею, но и «принципиальную схему», а часто набор и конфигурацию соответствующих институтов, общество имеет основания относиться и к самой этой идее, и к объективирующим её институтам как к утопии. Для народа, жившего в рамках совершенно иной парадигмы, в конце концов, какая разница, откуда появились идея и институты — из головы какого-то мечтателя или из «заморской» практики? И в том и в другом случае в жизни водворяется нечто совершенно неизведанное — абсолютно новые принципы жизни, абсолютно новые стереотипы.

Здесь меня могут поймать на слове, сказав: а сама демократия разве не принесла России чуть ли не хаос, обнищание большинства и ничем не оправданное обогащение меньшинства, падение нравов и т. д. и т. п.? Значит, следуя логике автора, коль уж выбирать модель организации общества и государства, то демократическую организацию как вариант точно следует исключить. Не буду вновь затевать дискуссию о «пригодности/непригодности» демократии для России. Просто скажу: поставьте перед людьми *не вопрос «вы за демократию или против неё?»¹, а вопрос «вы за систему, которая бы гарантировала защиту вашего человеческого достоинства, или против неё?»*, и увидите, что выберет народ... Наверное, где-

¹ Хотя, судя по опросам, даже при такой постановке вопроса российское общество отнюдь не склонно отвернуться от демократии. Так, по данным «Левада-Центра», в 2005 году 66 % прямо заявили, что России нужна демократия. Против — 21 %, и 13 % колеблются (затруднились ответить). См.: Общественное мнение-2005. М., 2005. С. 16.

нибудь в джунглях Амазонки, Центральной Африки или Океании такой вопрос повис бы в воздухе — потому что он может быть адекватно понят лишь в обществах, переживших эволюцию представлений о личности и государстве, т. е. там, где индивид сумел выделить себя из племенного сообщества и, соответственно, осознать потребности в личностной автономии и её защите. Вот, кстати, любопытная иллюстрация к сказанному:

«Осенью 1999 года Институт Гэллага провел глобальный опрос. И выяснилось, в частности, что большинство населения стран Африки (52,5 %) считают, что их государства “управляются волей народа”, тогда как в Западной Европе таких оказалось лишь 37,5 %, в Северной Америке и того меньше (34,8 %). В России же в тот период 93,5 % (!) утверждали, что страна не управляется волей народа, т. е. что в России нет демократии. Если бы какой-нибудь исследователь с другой планеты получил такие данные, он пришёл бы к выводу, что **демократия расцветает лишь в Африке** и уж практически совсем её нет в России. Мне неизвестны данные о том, как отвечали (и были ли такие опросы) советские люди о демократии (“социалистической”) в СССР, но, думаю, что показатели были бы гораздо выше, чем в Африке в 1999 году. Косвенно это подтверждается данными ВЦИОМ (сейчас «Левада-Центр». — М. К.), где при опросе вариант ответа “Для меня сейчас открылась возможность участия в общественно-политической жизни” в 1988 г. (когда еще не было альтернативных, т. е. относительно свободных, выборов и когда действовал номенклатурный отбор в органы власти) занял 11 %, а в 1992 г. — всего 0,5 %»¹.

К чему это всё говорится? Несмотря на неудачный опыт введения демократической организации, в России по-прежнему большинство тех, у кого слово «демократия» рождает всё-таки позитивные ассоциации. Проблема не в отторжении демократии, а в *неверии* в её установление в России. Другими словами, заказ «на ценности демократии» не отменен. Но бессмысленно ждать, что будет ещё и заказ на «инструменты демократии». Какими должны быть эти «инструменты» — уже вопрос для элит. В массовом сознании причинно-следственные связи не такие нюансированные, как у специалистов. Так, по данным ВЦИОМ, российские граждане в 2005 году под демократией понимали чаще всего: «свободу слова, печати, вероисповедания» (44 %) «экономическое процветание страны» (32 %), «порядок и стабильность» (30 %) и «строгую законность» (24 %). Правда, для некоторых понятие «демократия» несет в себе и негативный смысл:

¹ Левада Ю.А. От мнений к пониманию... С. 11.

10 % с демократией связывают «возможность для каждого делать все, что он хочет», 9 % – «пустую болтовню», 5 % – «анархию и безвластие» и, что весьма показательно, 4 % – «подчинение меньшинства большинству»¹. В данном случае неважно соотношение положительных и отрицательных расшифровок. Важно, что обычные люди склонны придавать значение ценностным, а не инструментальным аспектам. В том же исследовании, например, «выборность всех высших государственных руководителей» связали с демократией лишь 13 %.

И тут я возвращаюсь к тому, от чего ушел. Как менять эти самые «инструменты»? Ведь есть опасность, что мы можем так изменить модель организации власти, что после этого российское общество уже точно надолго распрощается с соответствующими ценностями. Вот почему нам необходим «антиутопический» подход. С этих позиций посмотрим на разные модели (формы правления).

В целом *парламентская модель* представляется наименее способной генерировать персоналистский режим; она предоставляет наилучшие условия для развития политической конкуренции. Причем парламентская модель весьма эффективно проявляет себя в условиях конституционной монархии². Однако в современных условиях переход к конституционной монархии в России, боюсь, невозможен, а переход к парламентской модели в её республиканской форме способен сгенерировать как раз отрицательные последствия. Назову как минимум две причины этого.

Во-первых, нашему обществу и самим партиям, опять-таки в силу исторической инерции, сначала предстоит привыкнуть к политической конкуренции вообще, к колебаниям политического маятника, а следовательно к нормальной борьбе партий за власть и цивилизованному восприятию «победы» на парламентских выборах. Не имея же привычки к соблюдению парламентских и вообще демократических процедур, наши политики, находящиеся ещё в плену архаических представлений о политической борьбе и власти в целом, которая якобы должна держаться на принципе «победителю достается всё», не понимая, что такое и зачем нужны «права меньшинства», – так вот, наши политики, лишившиеся «надзорной» инстанции, от которой может исходить властный «окрик»,

¹ См.: Общественное мнение-2005... С. 15.

² Между прочим, исследование М. Липсета (1972) показало, что «из 12–13 существующих в мире наиболее стабильных демократий десять – монархии. Благодаря сохранению монархических институтов и традиций утвердившийся там новый государственный строй сумел обеспечить достаточно лояльное отношение к себе со стороны бывшей аристократии и чиновничьих кругов» (цит. по: *Варламова Н.В., Пахоленко Н.Б.* Указ. соч. С. 32). О желательности конституционной монархии для более эффективной защиты демократии см.: *Краснов М.А.* Конституционная монархия спасет демократию // Независимая газета. 1998. 9 сент.

скорее всего ещё в большей степени антагонистически разделят общество и посеют в нём хаос.

Во-вторых, у нас пока нет партий, сознающих, что такое политическая ответственность. Другое дело, что они не сформировались не из-за недостатка времени, а в силу отсутствия политической конкуренции: без неё та или иная партия не могла проводить собственный курс, сотрудничая с оппозицией, а оппозиция не могла выступать как политическая сила, в любой момент готовая принять на себя ответственность, причём не разворачивая курс страны на 180°. Поэтому радикальный переход к парламентской модели вполне может вызвать политическую дестабилизацию, которую опять-таки *некому будет погасить*.

Не противоречит ли это всему сказанному выше, т. е. не переносит ли автор акцент на ментальный фактор, хотя перед этим заявлял о важности фактора институционального? Нет. В том-то и дело, что институциональное обустройство вполне способно дать ожидаемый эффект, однако лишь *при учете состояния общественного, в том числе «элитного» сознания*. Иначе говоря, при выстраивании моделей мы обязаны прогнозировать, как та или иная модель «ляжет» на ментальную сферу, возможен ли будет синергетический эффект. Пока же к этим двум составляющим «конструкторы» апеллируют по отдельности, а потому либо модель, не учитывающая силу исторической инерции, оказывается нежизненной, либо модель, основывающаяся на исторических атавизмах, не позволяет обществу развиваться.

Привлекательной кажется и *президентская республика*, т. е. форма правления, в которой президент является главой исполнительной власти и отсутствует отдельный орган под названием «правительство» или «совет министров». Кажется бы, вот что особенно подходит России, раз уж у нас действует историческая инерция персонализма. Ведь в этой модели персоналистский потенциал будет компенсироваться открытой партийной принадлежностью президента и сильной законодательной властью, благодаря чему:

- президент получит больше возможностей для проведения комплексного реформирования в разных сферах жизни страны;
- более предсказуемой станет политика, намечаемая кандидатами на президентскую должность;
- теневая роль нынешней президентской администрации радикально изменится – она станет именно вспомогательным аппаратом;
- Государственная Дума перестанет зависеть от угрозы досрочного роспуска, а правительство – от угрозы вотума недоверия, так как

институтов роспуска парламента и недоверия правительству в президентской республике нет;

- более прозрачным станет механизм принятия крупных государственных решений.

Однако перечисленные возможные преимущества президентской формы правления являются скорее теоретическим допущением, т. е. отнюдь не при любых условиях могут продемонстрировать свой позитивный потенциал.

Дело в том, что ни парламент, ни президент в такой модели практически не имеют рычагов для мирного выхода из возможных политических тупиков. Неслучайно современную президентскую форму правления специалисты называют классическим вариантом разделения властей, т. е. таким, при котором каждая из ветвей власти не может повлиять на досрочное прекращение полномочий другой (импичмент по своему предназначению не имеет политической подоплёки). Также неслучайно, что нормально функционирует эта модель лишь в США. В ряде латиноамериканских государств, например Бразилии, Аргентине, она не спасала от военных переворотов. Почему? А потому, что «американский вариант» требует наличия как минимум двух крупных условий: во-первых, очень сильной судебной власти, что характерно как раз для англосаксонской системы права; во-вторых, укоренившегося в обществе, и прежде всего в элите, демократического сознания, т. е. главным образом понимания того, что решать вопрос о власти силой — всё равно что «кидаться камнями в стеклянном доме». Последний пример этого продемонстрировали президентские выборы 2000 года, когда возникла почти патовая ситуация при подсчете голосов, поданных за А. Гора и Дж. Буша. И ничего: все мирно «рассосалось», никто не делал заявлений о том, что «свою победу никому не отдаст».

У нас даже в этих двух смыслах иные условия. Это означает, что если принимать президентскую форму правления в России сейчас, т. е. при нынешнем состоянии политических институтов, характере исторической инерции, ценностной фрагментарности общества, то это приведёт лишь к усилению персоналистского характера режима и нарастанию конфронтационности. Как ни странно, такой вывод имеет под собой *эмпирическое основание*: ведь что-то похожее на эту модель существовало у нас в 1991—1993 годах. В той конструкции Президент РФ легально также ничего не мог сделать с противостоящим ему законодательным органом, а последний мог (и пытался) лишить президента должности только в порядке «импичмента»; президент в некоторые периоды непосредственно возглавлял кабинет министров; был также пост вице-президента. Однако чем всё это кончилось, известно...

Таким образом, лично я не вижу оснований отказываться от существующей – полупрезидентской, или смешанной, – формы правления. Мы должны учитывать и то, что такая модель уже хоть как-то «обжита», освоена политической элитой, стала привычной и для общества. Именно поэтому, определённым образом её модифицировав, можно, не ломая привычную для нас «картину мира», не ликвидируя властный потенциал института-персоны, в то же время снять преграды на пути развития политической конкуренции. Как этого добиться?

НЕРАСКРЫТЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА

В части 1 говорилось о главном достоинстве смешанной формы правления – это возможность для главы государства выполнять роль *политического арбитра*. Однако выполнению этой роли в наших условиях противоречит его роль активного политического актора. И эта вторая роль не есть нечто незаконно присвоенное президентом. Она, как я попытался показать, естественным путём вытекает из его конституционно установленных полномочий.

При этом и Б. Н. Ельцин, и В. В. Путин довольно явно продемонстрировали свои политические симпатии и антипатии – как в процессе избирательных кампаний, так и вне их. Конечно, позиционирование в качестве «президента всех россиян» способно обмануть некоторую часть общества, но как раз иллюзия «президентской надпартийности» ещё более негативно сказывается на функционировании политической системы. Во-первых, в общественном сознании повышается значимость личностных качеств главы государства в ущерб его политическому лицу. А во-вторых, нелегализованная партийность Президента РФ создаёт более благоприятные условия для теневых методов управления, в числе которых фаворитизм, непрозрачное распределение «политических должностей», наделение гипертрофированными полномочиями непубличных чиновников, концентрирующихся главным образом в администрации президента. Таким образом, *центральной задачей является разделение в институте президента двух его ролей*, т. е. фактически отсечение роли политического игрока, конечно в узком смысле слова «политический».

У нас конституционный статус президента таков, что его задачи гаранта соединяются с задачами, свойственными инициатору и проводнику *партийной политики*. Из-за этого становится невозможной нормальная политическая жизнь и страдает роль президента как главы государства.

Но нездоровость такого соединения не только в том, что образуется органическое препятствие для развития нормальной политики. Она и в том, что, как бы ни хотел сам президент «раздвоиться», одна из его основных ролей обязательно окажется подавленной, подчинённой. Обществу представляется, что президент озабочен главным образом своей ролью стабилизатора государственности. Именно в этом старается убедить сограждан пропагандистская машина, сам факт создания которой, кстати, также произведен от персонализма. Но такая роль — иллюзия, возможно, испытываемая и самими президентами. Иллюзия — потому, что, будучи окружен бюрократией и оказываясь в зависимости от неё, президент, подчеркну — любой президент, объективно вынужден выдавать заботу об удовлетворении интересов политической бюрократии за заботу об интересах государства в целом.

Таким образом, основной смысл трансформации конституционной системы власти состоит в формировании полноценного института главы государства... Стоп. О чём это автор? Ведь у нас глава государства, можно сказать, и без того «суперполноценный». Вот тут ошибочка. Под «полноценностью» я разумею отнюдь не объём президентской власти (чем больше властных прерогатив, тем «полноценнее»), а направленность этой власти на выполнение роли собственно главы государства, т. е. института, отвечающего за нормальное функционирование всех иных государственных институтов и защиту конституционного строя в целом.

Кто-то из моих коллег-конституционалистов может на это возразить, что в конституциях европейских государств со смешанной формой правления порой тоже можно увидеть полномочия, закрепляющие роль президента не только как арбитра, но и как политического актора. Верно, и в литературе по конституционному праву¹ такая двойная роль президентов не оценивается как нечто выходящее за рамки представлений о конституционном строе. Почему же Россия должна стать исключением?

Речь, однако, не об исключительности, а лишь о такой модификации смешанной формы правления, которая бы учитывала силу нашей исторической инерции персонализма — конституционно переориентировала президента на выполнение *роли главного защитника демократической организации власти и только её*. Судя по всему, такая роль потребуется нам ещё на долгие годы. И только в этом или главным образом в этом смысле президент должен быть политиком. Не в качестве субъекта politics, а в качестве субъекта policy в сфере государственного строительства, в том

¹ См., например: Конституционное (государственное) право зарубежных стран / отв. ред. проф. Б.А. Страшун. С. 350–352; Мишин А.А. Указ. соч. С. 87–88; Автономов А.С. Указ. соч. С. 255–256.

числе играя роль института, не допускающего появления политических тупиков или выводящего из них.

Но если президент должен отвечать за защиту конституционного строя и конституционного порядка, предполагает ли это его *беспартийность*? Лично я не верю в институт приостановления членства в партии. На мой взгляд, это есть узаконенное лицемерие. Именно поэтому полагаю, что не следует ни обязывать президента быть беспартийным ни запрещать ему это. По мере укрепления политической зрелости общества оно само увидит, за какого кандидата на президентскую должность — партийного или беспартийного — лучше голосовать.

Таким образом, смысл изменений в том, что, с одной стороны, президент в качестве главы государства должен отвечать за политику государственной стабильности, а не вообще за политику государства во всех сферах; с другой стороны, он должен иметь полномочия вмешиваться и в текущую политику политических игроков, но только если эта политика угрожает основам конституционного строя.

Какая конструкция власти могла бы в наибольшей мере отвечать такой задаче? Назову лишь узловые точки предлагаемой системы¹.

В Конституции должна быть по-новому описана общая роль президента России как главного хранителя российской государственности и предопределено его дистанцирование от партийной политики.

Попытаюсь в принятой юридической технике сформулировать эту идею, взяв за основу нынешнюю статью 80 Конституции РФ (выделены предлагаемые нововведения):

1. Президент Российской Федерации является главой государства. **Он олицетворяет единство власти в Российской Федерации, является гарантом основ конституционного строя.**

2. В порядке, установленном Конституцией Российской Федерации, **федеральными конституционными и иными федеральными законами**, Президент Российской Федерации принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной

¹ Новая модель властной организации в виде конкретных предложений для новой редакции Конституции РФ была разработана автором еще в 1999 г. (дополнена в 2000 г.) с участием коллег из фонда ИНДЕМ (текст проекта новой редакции Конституции РФ можно видеть на сайте ИНДЕМ по адресу: <http://www.indem.ru/russian.asp>). Однако автор по прошествии нескольких лет пересмотрел некоторые положения того проекта.

власти, поддержание общественной стабильности и правового порядка в стране.

3. В случаях возникновения угроз национальной безопасности или нормальному функционированию органов государственной власти Президент Российской Федерации обращается к народу с посланиями, в которых он информирует о принимаемых им мерах.

4. Президент Российской Федерации как глава государства представляет Российскую Федерацию внутри страны и в международных отношениях.

5. Порядок осуществления Президентом Российской Федерации своих полномочий, иные вопросы, связанные с организацией деятельности Президента Российской Федерации, а также гарантии его неприкосновенности, условия материально-бытового и социального обеспечения определяются федеральным конституционным законом.

Таким образом, авторская идея сводится к следующему.

Во-первых, из президентских функций исключается такое рудиментарное полномочие советской эпохи, как *определение основных направлений внутренней и внешней политики*, что, как говорилось выше, не только логически противоречит принципу разделения властей, но и в комплексе с иными полномочиями президента напрямую препятствует формированию системы политической конкуренции.

Во-вторых, более чётко устанавливается ответственность президента за охрану конституционного порядка в стране, его защиту как от угроз извне, так и от неконтролируемого развития политических событий.

В-третьих, предусматривается возможность правового ограничения президентских прерогатив путем законодательного регулирования порядка осуществления главой государства своих полномочий.

Разумеется, это лишь общее закрепление президентского статуса, что само по себе не в состоянии ограничить президентскую власть. Но оно задаёт вектор для закрепления конкретных полномочий президента и способно служить основанием для возможной правовой оценки тех или иных его действий и решений в будущем.

Президенту РФ должны быть переданы некоторые новые полномочия (да-да, новые), которые помогут сместить центр тяжести в его деятельности на защиту конституционного порядка.

Может показаться странным, что автор, объясняя формирование персоналистского режима в первую очередь институциональными причинами, предлагает расширить круг президентских полномочий. Однако противоречия тут нет. Выше не раз говорилось, что смысл реформы не в механическом сужении президентских полномочий, а в установлении баланса между институтами государственной власти. Поэтому то,

что в условиях действующей системы оценивается как экспансия президентской власти в прерогативы других властных структур, перестаёт быть таковым в условиях ограничения роли главы государства исключительно заботой о конституционном порядке и политическим арбитражем. И так...

Во-первых, президент должен самостоятельно назначать и освобождать от должности *Генерального прокурора РФ*. То, что президент сейчас только представляет его кандидатуру Совету Федерации и, соответственно, вносит предложение об освобождении, вовсе не означает, что генеральный прокурор дистанцирован от главы государства. В реальности «шефом» генпрокурора является именно президент. И такое скрытое подчинение лишь добавляет нашей системе лицемерия и закрытости.

Вообще, по нашей Конституции, прокуратура представляет собою весьма странный институт. Общее описание этой системы дано в ст. 129 Конституции, которая, и в этом «вся прелесть», расположена в главе 7, именуемой «Судебная власть». Означает ли это, что прокуратура входит в эту ветвь власти? Нет конечно. Отрицательный ответ вытекает не только из самих конституционных норм, в частности ч. 2 ст. 118, где говорится, что «судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства», но и просто из логики: среди главных задач прокуратуры – поддержание в суде обвинения от имени государства, т. е. прокурор является лишь стороной в судебном процессе. Не буду останавливаться на том, почему так получилось. Скажу лишь, что это аппаратная уступка просьбам тогдашнего руководителя прокуратуры А. И. Казанника. Но столь легковесное отношение к этому институту обернулось впоследствии тем, что, формально оказавшись вне системы разделения властей, прокуратура как раз претендует на независимость, хотя фактически «замкнута» именно на президенте. Именно поэтому целесообразно не скрывать за завесой юридических конструкций фактическую подотчётность прокуратуры главе государства, а открыто наделить президента *ответственностью за общее состояние законности в стране*.

Во-вторых, целесообразно более чётко закрепить конституционное право Президента РФ самостоятельно назначать *референдум*. Дело в том, что Федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федерации» от 10 октября 1995 года № 2-ФКЗ практически «украл» у президента его конституционное полномочие назначать референдум, т. е. по собственной инициативе предлагать и определять его вопросы. Сейчас президент является лишь инстанцией, так сказать, оформляющей инициативу о проведении референдума. Ту же роль президента преду-

смотрел и новый Закон о референдуме от 28 июня 2004 года № 5-ФКЗ. В данном случае я не беру во внимание то, что сегодня, в условиях персоналистского режима, без фактически разрешения президента никому не удастся провести референдум.

Не буду здесь приводить юридические аргументы, доказывающие «кражу полномочия». Важно другое. Институт референдума, как представляется, вообще не должен быть ординарным средством народного волеизъявления. Не столько из-за своей финансовой дороговизны, сколько вследствие того, что для политиков он всегда представляет собою соблазн для спекуляций на «воле народа». В то же время референдум бывает весьма полезен, а скорее, необходим как средство выхода из политических (конституционных) тупиков. В таком случае, если мы ведём речь о президенте как институте, защищающем государственную стабильность, не позволяющем развиваться тенденциям хаоса и отвечающем *только* за это, то естественно будет предоставить право непосредственно обращаться к народному мнению исключительно главе государства.

Правительство должно стать политически ответственным институтом.

К этому предлагается перейти, прежде всего, путём введения *иной модели формирования правительства* – главным образом, *по итогам парламентских выборов*. В этих целях предлагаются две основные новеллы:

а) правительство обязано слагать свои полномочия перед вновь избранной Государственной Думой, тогда как сейчас оно слагает полномочия перед вновь избранным президентом;

б) не Президент РФ должен представлять кандидатуру премьер-министра для его назначения Государственной Думой, как это предусмотрено действующей Конституцией, а, наоборот, Дума должна представлять президенту кандидатуру премьера.

В связи с этим возникают важные вопросы. Во-первых, как поступать президенту, если расклад политических сил в Думе таков, что вопрос о кандидатуре главы правительства никак не может быть решён, не достигается компромисс? И, во-вторых, обязан ли президент утвердить премьера, когда в Думе достигнут компромисс по кандидатуре, или он имеет право выбора – утвердить или отвергнуть кандидата?

При конструировании новой модели я исходил из того, что президент хотя и не должен вмешиваться в межпартийные отношения и тем более заниматься текущей политикой, не становится декоративным институтом. Ответственность за стабильность и преемственность функционирования государственной власти в демократическом понимании этой задачи приводит к необходимости наделить главу государства соответствующими властными рычагами.

В связи с этим предлагается следующее: если расклад политических сил в Госдуме таков, что не позволяет партийным фракциям в достаточно короткий срок — две или три недели — достичь компромисса по кандидатуре премьер-министра, то президент должен иметь право самостоятельно назначить на эту должность человека по своему выбору. Однако такое назначение действительно лишь в течение одного года. За 20 дней до истечения годового срока Дума должна рассмотреть вопрос о доверии данному «временному» правительству. И если последнее получает вотум доверия, то продолжает действовать уже в обычном режиме. Правда, если решение о доверии не набирает необходимого числа голосов депутатов, то президент обязан отправить «своё» правительство в отставку только при наличии нового кандидата в премьеры, выдвинутого Думой, т. е. речь идёт о модификации такого института, как «конструктивный вотум недоверия». Если же и на этот раз согласие между фракциями не достигнуто, правительство продолжает работу в обычном режиме.

Таким образом, президент тут выступает в роли «запасного механизма» при формировании кабинета, что предохраняет от «впадин безвластия». Такой порядок стимулирует партийные фракции к поиску компромиссов, к культуре согласия. В том же направлении он будет подталкивать и президента: будучи заинтересован в стабильном правительстве, он будет стремиться назначать «временного» премьера скорее всё-таки из числа кандидатов, которые при обсуждении в Думе были наиболее популярными. Кстати, отсутствие такого механизма в новой системе власти Украины, где также ещё не развита культура политического согласия и пока отсутствуют политически ответственные партии, как раз и привело к длительному парламентско-правительственному кризису.

Президент не устраняется от воздействия на формирование правительства и в том случае, если Государственная Дума выдвигает в качестве кандидатуры премьера такого человека, чьи ценностные ориентиры, деловые и личные качества не только не идут на пользу государственной стабильности, но и могут создать угрозу конституционным принципам государственности. В этом случае от президента может потребоваться его институциональная сила, чтобы противостоять назначению такого премьер-министра. Хотя и стало печальной банальностью сравнение сегодняшней России с Германией эпохи Веймарской республики, всё-таки скажу: имей президент Гинденбург необходимые волю и конституционные рычаги, он не позволил бы А. Гитлеру стать канцлером. Возможно, и это не уберегло бы от прихода нацистов к власти, но этот приход был бы совершён уже не в конституционных рамках... Вот почему глава государства должен иметь право отклонить кандидатуру, причём как с мотивировкой, так и без неё. Однако если фигура премьера вос-

принимается в Думе настолько единодушно, что поддерживается 2/3 депутатов, то президент обязан назначить такого человека премьер-министром. В конце концов, с назначением премьера президент не должен устраняться от охраны Конституции.

На чём, однако, основывается уверенность автора в том, что какой-нибудь российский президент не окажется мировоззренчески близок премьеру с тоталитарными взглядами? Теоретически возможно всё, и, кстати, не только в России. Но предлагаемая схема в целом направлена как раз на то, чтобы *конкуренция на президентских выборах* была сосредоточена исключительно вокруг одной идеи: «Если я стану президентом, то лучше других смогу защитить демократию в России». Это не прекраснодушие. Это тот случай, когда сам характер «зоны ответственности» диктует и характер, мотивацию конкуренции.

В то же время нельзя обойти молчанием весьма «взрывную» проблему, которая обязательно возникнет в новой политической конструкции. О ней справедливо упомянула при обсуждении *Л. Ф. Шевцова*, заметив, что «мы должны подумать и о том, как избежать другой угрозы – распыления ответственности и воспроизводства безответственности, как избежать перетягивания каната между премьером и президентом, особенно если окажется, что они будут членами разных партий».

Полагаю, что более чёткое разделение зон ответственности между правительством и президентом сводит к минимуму возможность «перетягивания каната», равно как и возможность диффузии ответственности обоим этим институтам. В то же время можно предвидеть возникновение точек напряжённости по некоторым вопросам, поскольку в нормативном плане исчерпывающим образом развести компетенции правительства и президента не представляется возможным. Например, в сфере обороны, иностранных дел, борьбы с преступностью эти компетенции наверняка будут пересекаться. Однако не думаю, что это породит неразрешимые конфликты: с одной стороны, разрешение стандартных конфликтных ситуаций может быть предусмотрено в конституционных законах о правительстве и президенте, с другой – сама конкурентная среда, заставляющая всех политических субъектов осознавать свою ответственность, будет приводить к поиску компромиссов. Во всяком случае, президенту, как институту, отвечающему за стабильное функционирование системы власти, будет естественнее гасить конфликт, нежели раздувать его.

Предлагается также установить новый порядок *подписания законов президентом*: он должен быть вправе подписать и обнародовать федеральный закон только при наличии обязательной подписи (контрасигнатуры) премьер-министра. Президент должен быть связан мнением прави-

тельства о том или ином законе, поскольку последнее несёт ответственность за исполнение законов.

Наконец, необходимо *защитить правительство не только от своеволия президента, но и от своеволия депутатов*. Это может быть достигнуто, в частности, тем, что:

а) должны быть установлены относительно чёткие основания для выражения недоверия правительству. Ими могут быть:

- неудовлетворительная оценка исполнения федерального бюджета;
- неудовлетворительная оценка отчета о ходе выполнения правительственной программы;
- результаты работы следственной парламентской комиссии;

б) решение о недоверии может быть принято не менее чем 2/3 состава Думы. Вотум недоверия и в этом случае должен быть «конструктивным», т. е. Дума должна в определённый срок предложить нового кандидата на должность премьера;

в) должно быть сохранено право «встречного» предложения правительства о доверии ему, но опять-таки в определенных случаях:

- при непринятии проекта федерального бюджета в первом чтении;
- непринятии внесенного премьер-министром проекта федерального закона, предусматривающего увеличение доходов или сокращение расходов федерального бюджета.

Если правительство получает вотум доверия, соответствующие законы должны считаться принятыми в первом чтении.

* * *

Здесь представлена лишь общая схема, хотя и с некоторыми существенными подробностями. Если конституционная реформа всё же состоится, то она должна привести и к изменениям, касающимся правового статуса *обеих палат Федерального Собрания*, начиная с порядка их формирования, количественного состава и кончая законодательной процедурой; одновременно нужны изменения в конституционном регулировании *судебной системы и статуса судей*. Необходимо по-иному описать статус *прокуратуры*, а также закрепить *систему и основы деятельности избирательных комиссий*.

В то же время автор не считает представленную конструкцию единственно возможной. Она предложена только *в качестве варианта* консти-

Персоналистский режим в России

туционной реформы. Если идея необходимости такой реформы, что называется, овладеет умами, то целесообразно будет создать рабочую группу, которая бы разработала проект новой редакции Конституции, причём в вариантах как требующих, так и не требующих созыва Конституционного Собрания.

Но, повторю:

конституционная реформа в наших условиях имеет смысл только в одном случае — если она будет проводиться с целью устранения институциональных препятствий для политической конкуренции.

Краснов Михаил Александрович
ПЕРСОНАЛИСТСКИЙ РЕЖИМ В РОССИИ
Опыт институционального анализа

Подписано в печать 14.12.2006
Печать офсетная
Тираж 700 экз.
Фонд «Либеральная миссия»
101990, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел.: (495) 923 33 13, 924 26 25
Факс: (495) 923 28 58